

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

На правах рукописи

МАРКОВА Оксана Николаевна

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
СОХРАНЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ**

24.00.03 – Музееведение, консервация
и реставрация историко-культурных объектов

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Бондарь Виталий Вячеславович,
кандидат исторических наук

Краснодар
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Дореволюционные практики сохранения памятников старины на Кубани и Черноморье	22
1.1 Обстоятельства выявления и первые опыты сохранения древностей в процессе вхождения территорий Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи	22
1.2 Общественные инициативы и научные институты в становлении памятникоохранной деятельности	40
1.3 Начальный этап государственного регулирования в сфере сохранения недвижимых памятников	53
ГЛАВА 2	
Государственная и общественная деятельность в сфере охраны памятников истории и культуры на территории Краснодарского края в советский период	67
2.1 Становление и развитие системы охраны памятников истории и культуры в регионе	67
2.2 Роль общественных и научных организаций в системе охраны памятников в 1920–1970-е гг.	87
2.3 Создание системы государственного контроля за сохранением и использованием недвижимых памятников истории и культуры в 1970-х – начале 1990-х гг.	99
ГЛАВА 3	
Содержание и характер деятельности по сохранению недвижимых объектов культурного наследия в постсоветский период	110
3.1 Региональные аспекты развития государственного управления в сфере охраны недвижимого культурного наследия в 1990-е – начале 2000-х гг.	110
3.2 Программные подходы и их роль в сохранении культурного наследия региона	120
3.3 Современные научные инициативы в сфере сохранения и актуализации историко-культурного наследия: музеефикация и реализация культурно-ландшафтного принципа	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена значением культурного наследия – важнейшего фактора обеспечения устойчивого развития общества и государства, предотвращения угроз национальному суверенитету и национальной безопасности в условиях стремительно нарастающей глобализации, разрывающей исторические связи и стирающей традиционные человеческие ценности. Очевидно, именно осознание реальности таких угроз на государственном уровне выразилось в отнесении деятельности по сохранению культурного и исторического наследия к стратегическим национальным приоритетам¹, а также в принятии государственной культурной политики, среди целей которой особое место отведено проблемам сохранения культурного наследия – материального и нематериального, а в качестве одного из постулатов установлен приоритет общественного права на сохранение недвижимого культурного наследия перед частными имущественными интересами как физических, так и юридических лиц².

В этой связи особую значимость приобретает проблема поиска и внедрения действенных механизмов сохранения недвижимого культурного наследия, которая влечет необходимость выявления условий формирования запроса на наследие и его передачу потомкам в самом обществе, а также определения возможностей эффективного взаимодействия в этих вопросах общества и государства. Анализ соответствующего исторического опыта способен оказать существенную помощь в решении вышеперечисленных задач, как в масштабах страны, так и отдельных ее субъектов. Одним из них является Краснодарский край, на территории которого насчитывается только зарегистрированных в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) около 9 тыс. объектов культурного наследия (официальные данные по состоянию на 06 ноября

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. С. 8. (дата обращения 10.12.2020).

² Основы государственной культурной политики, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002>. (дата обращения 21.12.2020).

2021 г. – 8947.)¹ и постоянно, прежде всего, благодаря насыщенности региона памятниками археологии, пополняется корпус выявленных объектов культурного наследия.

Степень научной разработанности проблематики. До настоящего времени не было обобщающих научных работ, в которых бы проблематика сохранения недвижимого культурного наследия, расположенного на территории Северо-Западного Кавказа, рассматривалась в историческом развитии с момента вхождения Прикубанья в состав России по настоящее время. Вместе с тем отдельные аспекты заявленной темы диссертационного исследования вошли в поле отечественного научного дискурса уже в начале XIX столетия благодаря, в первую очередь, памятникам античной археологии, и не теряют своей актуальности по сей день, обнаруживая при этом все более широкий спектр вопросов, требующих изучения.

Процесс научного осмысления проблем, связанных с сохранением памятников истории и культуры, проходил в определенных исторических условиях и, соответственно, под их влиянием. В этой связи представляется обоснованным выделить в массиве обширной библиографии, в разной степени относящейся к заявленной проблематике исследования, три группы, соответствующие хронологическим этапам истории страны и региона – дореволюционному, советскому и постсоветскому.

Ценность начального этапа дореволюционной истории изучения и сохранения наследия Кубани и Черноморья составляет обширный и разнообразный эмпирический материал, частью введенный в гуманитарный и, в том числе, в научный оборот в обозначенное время. Роль импульса к началу целенаправленного научного изучения памятников древности Таманского полуострова, с которого началось изучение Прикубанья, сыграло получившее широкую известность исследование И. А. Мусина-Пушкина (1794 г.) о Тмутараканском камне². В те же

¹ Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения 06.11.2021).

² Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего русского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.

годы академик П. С. Паллас провел исследования, отличавшиеся энциклопедичностью подхода к наблюдениям¹. Множественные сведения о памятниках Северного Причерноморья содержат публикации П. И. Кёппена, П. П. Свиньина и др.². В 1823 г. в свет вышел первый программный документ по сохранению недвижимых памятников, автором которого был знаток археологии, керченский градоначальник И. А. Стемповский³. Первый же опыт исторического обзора археологических исследований на Таманском полуострове в конце XVIII – первой половине XIX вв. был предпринят в основополагающих трудах К. К. Гёрца⁴, до настоящего времени имеющих значение введения в археологию Таманского полуострова»⁵.

Среди материалов второй половины XIX – начала XX вв., относящихся к теме изучения и сохранения недвижимого культурного наследия Северо-Западного Кавказа, выделяются научные и научно-публицистические работы П. С. Уваровой⁶, А. Х. Стевена⁷, Н. Л. Каменева⁸, Е. Д. Фелицына⁹,

¹ Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М.: Наука, 1999; Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1883. Том 13.

² Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М.: О-во истории и древностей российских, 1828; Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. Кн. 71.

³ Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. Часть 29. Кн. 81. СПб., 1827.

⁴ Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. II. Вып. 3. М., 1870; Гёрц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876.

⁵ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 354.

⁶ Уварова П. С. Кавказ: Путевые заметки. В 3 т. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887–1904; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. 1900.

⁷ Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии. Дело № 183. 1805 года // ИТУАК. 1891. № 13.

⁸ Каменев Н. Л. Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. 1870. № 47–48.

⁹ Фелицын Е. Д. Археологическая карта Кубанской области в 20-ти верстном масштабе. [Карты]. М., 1882; Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып. 9. С. 1–86.

В. М. Сысоева¹, а также материалы натурных исследований Кавказского Причерноморья, опубликованные в отчетах В. Сизова².

В советский период специальных исследований, которые бы касались выявления региональных особенностей непосредственно в сфере сохранения памятников истории и культуры, не проводилось. Общей истории развития системы охраны недвижимого наследия в дореволюционной России и в СССР (до 1970 г.) посвящены по-прежнему актуальные фундаментальные труды А. М. Разгона, Д. А. Равикович, Ю. Н. Жукова³.

Большое значение для осмысления уникальной ценности недвижимого культурного наследия региона и продвижению мер по его охране имели труды, базирующиеся на археологическом материале. Результатом анализа накопленных к середине XX века знаний об античной истории Северного Причерноморья явилась основополагающая монография В. Ф. Гайдукевича об истории Боспорского царства⁴. Обширный фактический материал об античных государствах на Юге России, в том числе «топографический обзор главных городищ и некрополей на Северном Понте» и «краткие сведения об истории раскопок главнейших археологических памятников» были представлены в работах В. Д. Блаватского⁵. Об изучении и проблемах сохранения памятников меотосарматского периода писал выдающийся кубанский археолог Н. В. Анфимов⁶. Проблематикой дольменов Северо-Западного Кавказа занимался В. И. Марковин⁷.

¹ Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып. 9. С. I–VII; Сысоев В. М. Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии // Кубанский сборник. Т. IV. Екатеринодар, 1898; Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899.

² Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1889. – Вып. II. – С. 1–182.

³ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып. 1: История музейного дела в СССР: сб. статей. М., 1957. С. 73–128; Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 3–127; Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. М.: Наука, 1989. 304 с.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград).

⁵ Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961; Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985.

⁶ Анфимов Н. С. Курганы рассказывают... Краснодар, 1972; Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987; Анфимов Н. В., Анфимов И. Н. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992; и др.

⁷ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.

Комплексный обзор культурных ландшафтов Крыма и Таманского полуострова и значительный массив введенных в научный оборот источников содержит издание А. А. Воронова и М. Б. Михайловой «Боспор Киммерийский»¹. Античной географии Черного моря и ее изменениям в течение двух с половиной тысячелетий посвящена работа М. В. Агбунова, имеющая особую ценность в сохранении подводного археологического наследия². Широкий круг вопросов – от научно-практических, касающихся результатов полевых исследований памятников археологии на территории Краснодарского края до фундаментальных разработок по истории русской археологии и охране недвижимого культурного наследия – рассмотрен в трудах А. А. Формозова советского и постсоветского времени³.

В 1990–2000-х гг. научный интерес к проблеме сохранения культурного наследия края, в том числе недвижимых памятников истории и культуры, к вопросам формирования общественного запроса на наследие, значительно возрос. В разной степени эта тематика освещалась в работах прежде всего ученых-археологов, продолжавших традиции советской научной школы, в том числе: А. К. Коровиной, С. А. Плетневой, Е. М. Алексеевой, В. И. Марковина, И. С. Каменецкого и др.⁴

Наиболее полный ретроспективный обзор археологических исследований Таманского полуострова до начала второго десятилетия XXI в., основанный на анализе многих впервые вводимых в научный оборот источников, изложен в

¹ Воронов А. А., Михайлова М. Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983.

² Агбунов М. В. Античная логия Черного моря. М.: Наука, 1987.

³ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965; Формозов А. А. К летописи археологических исследований в северном Причерноморье в первой половине XIX века // Советская археология. – 1975. – № 1. – С. 171–175; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986; Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990; Формозов, А. А. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70–82; и др.

⁴ Коровина А. К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. Москва: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2002; Плетнева С. А. Таматарха-Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003. С. 171–179; Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997; Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4 (12). С. 2–5; Каменецкий И. С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: Богородский печатник. 1998. С. 127–146; Дмитриев А. В., Малышев А. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В. Исследования археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 141–146; Донцова А. А. Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведения. 2017. № 27. С. 99–117.

публикациях Я. М. Паромова¹. Фундаментальное исследование процессов формирования научного знания о памятниках античности Северного Причерноморья в XVIII–XIX вв. проведено И. В. Тункиной².

Роль общественных инициатив, общественных и научных организаций – столичных и региональных – в деле по охране памятников на Кубани и Черноморье в XIX – первой трети XX вв. изучали Н. И. Кирей, Т. В. Ратушняк, С. Г. Бойчук, Т. И. Тугай, И. Н. Ильина и др.³ Деятельность по охране культурного наследия в условиях Революции 1917 г. и Гражданской войны, массовой интеллектуальной миграции на Кубань, а также музейные и монументальные проекты тех лет рассмотрены А.Н. Еремеевой и А.В. Крюковым⁴.

¹ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. 2019. № 39. С. 343–377; Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 239–305; Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 3 (1992–2012 гг.) // Боспорские исследования. Вып. XLI. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 231–334.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002; Тункина, И. В. А. С. Уваров и древности Юга России (конец 1840 – начало 1850-х гг.) // Охраняется государством: четвертая российская научно-практическая конференция. СПб., 1996. Часть I. С. 163–181; Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. Под редакцией д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003; Тункина И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Изд. дом «Паллада», 2008. С. 60–63; Тункина И. В. История изучения [античного наследия Кубани] // Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 10–128; Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 197–214.

³ Кирей Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 4. С. 42–43; Кирей Н. И., Лушняк Г. И., Мошкович Г. Г., Тихомиров В. Р. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. С. 132–150; Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. Т. IV. Краснодар: Книга, 2012. С. 32–56; Ратушняк Т. В. Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII – первой трети XX вв. // Голос минувшего. № 3–4. 2007; Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): К 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. № 1–2. 2017. С. 151–162; Бойчук С. Г. Общественно-просветительская деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар: Традиция, 2010; Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020; Тугай Т. И. Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. Т. 7. № 3. С. 12–34; Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е гг. / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000; Тихонов, И.Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4; 70. Серых, Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань: Отечество, 2014;

⁴ Еремеева А. Н. «Между прошлым и будущим». (Художественная жизнь Кубани в годы Революции и Гражданской войны. 1917–1920 гг.). СПб: Нестор, 1996; Еремеева А. Н., Крюков А. В. Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 6–11; Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге

Большой вклад в сложение общетеоретической базы по проблемам культурного наследия и его сохранения внесли Ю. А. Веденин, М. Я. Кулешова, М. Е. Каулен, А. С. Щенков¹.

Различные стороны в сфере современных практик сохранения недвижимого наследия – отдельных памятников, историко-градостроительной среды и культурных ландшафтов Краснодарского края и Республики Адыгея рассмотрены в работах В. В. Бондаря².

Сведения об истории создания и деятельности специально уполномоченного Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в 1990-е – начале 2000-х годов содержатся в публикациях А. Ф. Ачкасовой³, В. А. Гараниной⁴.

России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 171–183.

¹ Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004; Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012; Щенков, А. С. Реконструкция исторических городов: учебное пособие в 2 частях. М.: Памятники исторической мысли, 2013.

² Бондарь В. В. Критерии определения ценности памятников архитектуры // Историко-культурное наследие и современность. Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20–24 июня 1995 г.). Краснодар, 1995. С. 101 – 103; Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики: монографический сб. Краснодар: Платонов И., 2006; Бондарь В. В. Социальный и экономический потенциал историко-культурного и природного наследия региона // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Материалы региональной научно-практической конференции Краснодар, 2007. С. 29–33; Бондарь В. В. Реконструкция и музеефикация Усть-Лабинской (Александровской) крепости. От проектирования к первым результатам // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2007. С. 194–197; Бондарь В. В. Екатерининский Семипрестольный собор Святой Екатерины – памятник архитектуры византийского стиля [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3. С. 131–136. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf; Бондарь, В. В. Опыт концепции нового историко-краеведческого музея в городе Усть-Лабинске // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII.: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 18–20 октября 2016 г.). Краснодар: «Вика-Принт», 2016. С. 30–35; Бондарь В. В. Место гибели генерала Корнилова: опыт атрибуции и установления предмета охраны объекта культурного наследия // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М., 2016. С. 145–150; Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. №3, 2016. С. 99–105. URL: http://www.raasn.ru/public/academia_2016_3.pdf; Бондарь В. В. Маркова О. Н., Устаева Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007 – 2009 гг. Краснодар: Платнов И., 2010; Бондарь В. В., Маркова О. Н. Краснодарский гиперболюид инженера Шухова: Очерк истории памятника инженерного искусства – водонапорной башни системы академика В.Г. Шухова в г. Краснодаре. Краснодар, 2014.

³ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 2. 1997. С. 13–17; Ачкасова А. Ф. Веление времени // Наследие народов Российской Федерации. 2003. № 2. С. 33–39.

⁴ Гаранина В. А. Кто остановит «черных археологов»? // Наследие народов Российской Федерации. 2003. № 2. С. 40–43.

Результаты исследования особенностей государственной охраны объектов культурного наследия, созданных для увековечения событий военной истории, а также принадлежащих к произведениям монументального искусства, выполненного на материалах ведомственного архива управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, представлены в статье А. В. Гончарова и А. В. Крюкова¹.

Отдельные аспекты, связанные с изучением опыта сохранения недвижимого культурного наследия в общероссийском контексте, рассмотрены в диссертациях юридического, исторического, культурологического профилей². В этом ряду широтой охвата материала и масштабностью выводов выделяется диссертационное исследование А. В. Работкевича, посвященное проблеме формирования в России дореволюционной государственной политики в области охраны памятников истории и культуры³. Современные взгляды на наследие и подходы к его

¹ Гончаров А. В., Крюков А. В. Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) // Наследие веков. 2020. № 3. С. 73–82.

² Шадже А. М. Охрана памятников истории и культуры на Северном Кавказе : первая половина 20-х гг. XX в.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Майкоп, 1992; Шулепова Э. А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.02, 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. - Москва, 1998; Киндзерская М. А. Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России: Начало XX в.-конец 1930-х гг.: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. Краснодар, 2005; Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005; Хотина Ю. В. Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII – начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2006; Шматько О. Н. Становление российской системы охраны историко-культурного наследия в XIX - первой трети XX вв.: на материалах памятников Северного Кавказа: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2011; Власникова М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03. Санкт-Петербург, 2021. 28 с.; Донцова А. А. Государственная охрана памятников культуры в Томске в 1920-е гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 24.00. Томск, 2017. 163 с. и др.

³ Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII-начале XX века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва, 1999.

сохранению изложены в работах О. В. Галковой¹, Н. А. Личак², М. А. Власниковой³ и других авторов.

Объект исследования – недвижимое культурное наследие Северо-Западного Кавказа.

Предметом исследования выступают формы, методы и результаты сохранения недвижимого культурного наследия.

Цель исследования – реконструкция содержания и особенностей деятельности по сохранению недвижимого историко-культурного наследия на территории Северо-Западного Кавказа в XVIII – начале XXI вв.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить и проанализировать документальные источники и иной эмпирический материал, фиксирующий исторический опыт сохранения недвижимого культурного наследия Северо-Западного Кавказа.

2. Дать формальную и содержательную характеристику, определить региональную специфику корпуса недвижимых памятников истории и культуры на протяжении его формирования.

3. Рассмотреть в исторической ретроспективе памятникоохранную деятельность на Кубани и Черноморье, выявить и охарактеризовать основных ее акторов, содержание и структуру.

4. Определить наиболее значимые формы и методы памятникоохранной деятельности, роли и содержание деятельности ее акторов применительно к трем историческим периодам: дореволюционному, советскому и постсоветскому.

¹ Галкова О. В., Петрова И. А., Кибасова Г. П., Глазунов В. В. Культурный ландшафт (методология и историография). Волгоград: Издательство ВолгГМУ, 2020. 372 с.; Галкова О. В., Савицкая О. Н. Современные тенденции развития «ландшафтной теории» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – Т. 11. – № 3. – 2020. – С. 11. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/14KLSK320.pdf> (дата обращения 17.02.2021).

² Личак Н. А. Сохранение памятников искусства и старины 1920–1930-х годов: концептуальный подход // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях (Иваново, 05–06 апреля 2017 года). Иваново: Издательство Ивановского гос. ун-та, 2017. С. 85–89; Тюкина Л. А., Личак Н. А. Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры в первые послереволюционные годы // Карабихские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире: материалы научно-практической конференции (Ярославль, 05–06 июля 2018 года). Ярославль: Издательство: ООО «Академия 76», 2018. С. 115–121.

³ Власникова М. А. Формирование церковной системы по охране памятников православной культуры и искусства в современной России // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств. № 2. 2020. С. 63–69.

5. Проанализировать опыт и определить перспективы применения основных выработанных ранее подходов в практике сохранения недвижимого культурного наследия.

Территориальные рамки исследования определены границами дореволюционных Кубанской области и Черноморской губернии, объединяемых общим понятием «Кубань и Черноморье» (тождественное определение территории – «Северо-Западный Кавказ»). Ныне это территория Краснодарского края, Республики Адыгея (в советский период являлась частью Краснодарского края) и частично – Карачаево-Черкесской Республики.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду с конца XVIII века по 2010-е годы. Нижняя граница обусловлена находкой в 1792 г. Тмутараканского камня, послужившей импульсом к развертыванию целенаправленных археологических исследований на Таманском полуострове (западной оконечности изучаемой территории). Верхняя граница очерчена последними в современной истории крупными программными проектами, организованными региональным государственным органом охраны объектов культурного наследия в сотрудничестве с представителями профессионального и научного сообществ – разработкой и утверждением проектов предметов охраны и границ территорий исторических поселений Краснодарского края в 2017–2019 годах.

Источниковую базу исследования составил широкий круг материалов, как опубликованных, так и не опубликованных, в том числе впервые введенных в научный оборот. В числе опубликованных источников – дневники и путевые заметки путешественников, нормативно-правовая и делопроизводственная документация – законы и сборники законов, постановлений, распоряжений, уставы организаций, материалы периодической печати. Корпус использованных неопубликованных источников составляют документы из фондов Государственного архива Краснодарского края (в том числе: фонда 249 – Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска), Р-158 – Кубано-Черноморский областной революционный комитет, Р-365 – Кубано-

Черноморский областной отдел народного образования Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов, Р-1496 – Главное управление архитектуры и градостроительства Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов, Р-1748 – Краснодарский краевой Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и других), архива управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, научного архива автономной некоммерческой организации «Западно-Кавказский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия», личного архива бывшего сотрудника Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края В. А. Гараниной.

Методология и методы исследования. Методологическую базу исследования составляют принципы объективности и историзма. Первый подразумевает достоверность научного знания, основанного на фактах и исключающего субъективные взгляды и оценки исследователя; второй означает рассмотрение явлений, фактов и событий в конкретно-исторических обстоятельствах их бытования.

Основным методом диссертационного исследования выступает диахронный-синхронный анализ, заключающийся в структурировании (периодизации) исследуемого явления и изучении составляющих его элементов в условиях последовательно сменяющих друг друга исторических этапов. Наряду с ним для решения поставленных задач были использованы методы системного анализа и историко-сравнительный, нацеленные на выявление сущностных характеристик объекта исследования в заявленном предметном поле, в их структурной взаимосвязи и развитии.

В исследовании применяются понятия «недвижимое культурное наследие», «объекты культурного наследия», «памятники истории и культуры», «сохранение недвижимого культурного наследия».

Понятие недвижимого культурного наследия в настоящей работе тождественно современному правовому определению «объекты культурного наследия» или «памятники истории и культуры», в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Становление этих понятий происходило постепенно. В первой половине XVIII в., с расширением границ Российской империи и началом системного изучения российских земель, в литературе появилось обобщающее понятие «древности», которым обозначались как движимые ценные предметы прошлого, так и недвижимые объекты, в первую очередь, памятники археологии (курганы, городища, древние архитектурные остатки, мегалиты и др.). В начале XIX в. понятия «древности», «памятник», «памятник древности» стали использоваться в официальных документах применительно к античной и средневековой архитектуре, памятным местам, монументам, надписям. Во второй половине XIX в. в научную сферу и область права было введено новое понятие – «памятник старины»¹. Развитие понятийного аппарата продолжилось в советское время, закрепив за недвижимой частью культурного наследия определение «памятники истории и культуры» в законе СССР 1976 года об охране и использовании памятников истории и культуры и аналогичном российском республиканском законе 1978 года².

Под сохранением недвижимого культурного наследия в диссертационном исследовании понимаются как предписанные законодательством, так и предпринимаемые обществом «меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объекта культурного наследия, предусматривающие консервацию, ремонт, реставрацию,

¹ Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII-начале XX века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва, 1999.

² Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры: Принят Верховным Советом СССР 20 окт. 1976 г.: Постановление Верховного Совета о порядке введения в действие закона СССР «Об охране...». М.: Известия, 1976. 24 с.; Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: Принят на девятой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 15 декабря 1978 г. М., 1979. 22 с.

приспособление объекта культурного наследия для современного использования и включающие в себя научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы...»¹.

Научная новизна исследования.

1. Выявлены и введены в научный оборот ранее не задействованные источники из государственных архивов, впервые рассмотрена нормативно-правовая, делопроизводственная, научно-проектная документация из архива управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, из профильных ведомственных и личных архивов. Это позволило сформировать многоаспектную эмпирическую базу для исследований в сфере сохранения историко-культурного наследия в широком хронологическом и тематическом диапазонах.

2. Установлена исторически сложившаяся региональная специфика недвижимой части культурного наследия Кубани и Черноморья, которая состоит: в количественном преобладании в ее видовом составе памятников археологии; в существовавшем в дореволюционное и, частично, в советское время, научном «перевесе» в пользу изучения именно археологического наследия.

3. Впервые деятельность по сохранению недвижимого историко-культурного наследия Кубани и Черноморья (в административных границах современного Краснодарского края) рассмотрена системно, в историческом развитии на протяжении всей истории региона в составе Российского государства. Это позволило определить базовую структуру деятельности по обеспечению физической сохранности и социокультурного функционирования памятников истории и культуры.

4. Рассмотрены основные формы и методы памятникоохранной деятельности, сложившиеся и применявшиеся на Кубани и Черноморье в конкретные исторические периоды, что позволило установить их общие и особенные черты в процессе развития и в общероссийском контексте. Кроме того,

¹ Федеральный закон от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ Ст. 40. (дата обращения 14.07.2021).

определены ключевые акторы обозначенного процесса, оказавшие наибольшее влияние на развитие государственной системы охраны памятников.

5. По результатам анализа исторического опыта и современных практик сохранения объектов культурного наследия на Кубани и Черноморье определены наиболее действенные и соответствующие целям таких работ актуальные принципы и подходы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Массив источников по проблемам сохранения недвижимого культурного наследия Северо-Западного Кавказа отличается формальным и содержательным разнообразием. Степень изученности источников неравномерна: до настоящего времени научному анализу чаще всего подвергались дореволюционные материалы, советские исследованы в меньшей степени, постсоветские практически не были задействованы в научном поле. В целом существующая эмпирическая база имеет огромный потенциал не только для развития научного знания, но и для совершенствования соответствующей практической деятельности.

2. Повышенное внимание к археологическому наследию Кубани и Черноморья, первостепенное значение в котором принадлежало и принадлежит памятникам античности и средневековья, проявилось в начальный период его изучения и сохраняется до настоящего времени. Памятники археологии стали неотъемлемой частью историко-культурного кода региона, его «визитной карточкой».

3. Структуру памятникоохранной деятельности на Кубани и Черноморье определяли три основных актора: государственные, научные и общественные институты. На рубеже XVIII–XIX вв. именно общественно-просветительские и научные инициативы оказали воздействие на развитие государственных институтов сбережения и использования памятников. К концу 1970-х гг. в регионе сложилась единая система памятникоохранной деятельности, объединившая государственные управленческие структуры, профильные научные и научно-проектные организации, широкое общественное движения (под руководством

Краснодарского краевого и районных отделений ВООПиК). Наиболее ярко системность в деятельности всей структуры государственной охраны памятников истории и культуры на территории Краснодарского края проявилась в 1990-х – начале 2000-х гг. и практически была утрачена во второй половине в 2010-х гг.

4. В дореволюционный период основными формами сохранения памятников древности в регионе являлись их выявление и письменная фиксация, на этом же этапе формировались методики археологических исследований. Ведущая роль в этот период принадлежала просветительским и научным силам. В советское время в структуре изучаемой деятельности ведущая роль перешла к государству. На основе дореволюционного опыта и новых разработок была сформирована широкая научно-методологическая база для всего спектра видового разнообразия памятников истории и культуры. В то время были выработаны системные подходы к проблемам их сохранения, базирующиеся на взаимодействии всех акторов процесса при ведущей роли государства. На современном этапе системность сферы охраны памятников практически утрачена. Советская методология в целом сохранила свою актуальность и получила развитие. Наиболее результативным и перспективным методом сохранения и эффективного использования объектов культурного наследия и связанных с ними территорий в научной среде был признан метод музеефикации. В части сохранения объектов культурного наследия – территорий, в том числе территорий исторических поселений, ансамблей, достопримечательных мест – особое значение приобрели исследовательские и проектные методы, основанные на теории культурного ландшафта.

5. Наиболее значимым принципом в сфере сохранения историко-культурного наследия представляется тесное взаимодействие государственных, научных, профессиональных и общественных институций при основополагающей роли научного знания. Высокая эффективность памятникоохранной деятельности в значительной мере может быть обеспечена программными и системными подходами.

Теоретическая значимость исследования состоит, на взгляд автора, в первом полном ретроспективном анализе практик сохранения недвижимого культурного наследия Кубани и Черноморья; в обосновании основополагающего значения системного взаимодействия государственных структур, научного и профессионального сообществ и общественности в целях эффективной деятельности в сфере сохранения недвижимого культурного наследия. Результаты диссертационной работы служит основой для дальнейших теоретических и прикладных исследований.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках мероприятий по реализации государственной культурной политики; в повседневной деятельности органов государственной и муниципальной власти, в частности, уполномоченных в сфере сохранения объектов культурного наследия органов; в преподавании курсов музееведения и охраны памятников, отечественной истории, регионоведения, культурологии; в программах повышения квалификации; в научно-просветительской, в том числе, экскурсионной, деятельности.

Личный вклад соискателя состоит:

- в постановке проблемы и обосновании научно-практической актуальности изучения опыта сохранения недвижимого культурного наследия Северо-Западного Кавказа впервые на протяжении всего периода его нахождения в составе России с конца XVIII в. до настоящего времени;
- в формировании эмпирической базы, включившей широкий спектр ранее неизвестных источников, в том числе из ведомственного архива управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, впервые вводимых в научный оборот;
- в систематизации выявленных материалов и определении структуры исследования по хронологическому и содержательному принципам, выборе методов научного анализа, обработке, синтезе и интерпретации данных, обобщении промежуточных результатов исследования и формулировании основных выводов;

- в авторском подходе к изучению памятникоохранной деятельности как целостной системы, включающей государственные, научные, профессиональные и общественные институты, взаимодействием которых обеспечивается устойчивое и эффективное функционирование данной системы;
- в выделении и обосновании основополагающей роли научного знания в решении целей и задач по сохранению недвижимого культурного наследия;
- в выявлении региональных особенностей памятникоохранной деятельности на Северо-Западном Кавказе на основных этапах исторического развития;
- в апробации методов и результатов исследования в персональной научно-практической, научно-проектной и экспертной деятельности.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов, в том числе пунктам: 1. Понятие культурного наследия; 2. Роль и функции культурного наследия в истории цивилизаций в современном обществе; 5. История, теория и практика охраны культурного наследия; 9. Социальные и исторические аспекты формирования и функционирования музеев, заповедных и охранных зон; 10. Музеефикация объектов культурного назначения.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена методологическим подходом и подтверждается полученными результатами, выносившимися на обсуждение научного сообщества с 2008 по 2021 гг.

По теме исследования опубликованы 34 научные работы: 5 монографий, 29 статей, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения и выводы, отдельные сюжеты диссертационного исследования обсуждались на научных и научно-практических конференциях разных уровней, среди которых наиболее значимы следующие: Всероссийская

научная конференция «Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов» (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2009 г.), Международная научная конференция «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества». (Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2010 г.), научно-практическая конференция «Постолимпийский Сочи: экологические проблемы и перспективы сохранения природного и историко-культурного наследия» (Сочи, 2014 г.), Международная научно-практическая конференция «Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне» (Туапсе, 2020 г.), X Всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России» (Омск, 2020 г.), Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны» (Таганрог, 2021 г.), 17-я Всемирная конференция исторических городов: «Историко-культурное наследие как основа национально-культурной и местной идентичности» (Казань, 2021 г.), Международная научно-практическая конференция «Ревитализация культурного наследия: судьбы исторических и культурных ландшафтов» (Москва, Российский институт стратегических исследований, 2021), ежегодные региональные и межрегиональные северокавказские научно-практические конференции «Фелицынские чтения» (Краснодар, 2009–2014), международные научно-практические конференции «Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины» (Краснодар, 2009–2014), международные научные форумы «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Краснодарский край, 2015–2016 гг.) и другие.

Отдельные результаты исследования были реализованы в научно-проектных работах: «Археологический комплекс «Гермонасса – Тмутаракань»: генеральный план развития территории» (2008–2009 гг.), «Объект культурного наследия «Башня водонапорная системы инженера В. Г. Шухова. 1929–1932 гг.», расположенный в г. Краснодаре по ул. Рашпилевской, 149: историко-архивные и библиографические

исследования; историческая записка» (2008 г.); «Проект предмета охраны и границ территории исторического поселения город Краснодар» (2018–2019 гг.), «Проект предмета охраны и границ территории исторического поселения город Армавир» (2019 г.), «Проект предмета охраны и границ территории город Сочи» (2020 г.), государственных историко-культурных экспертизах, учетной и научно-проектной документации, составлявшейся на объекты культурного наследия федерального и регионального значения, расположенные в Краснодарском крае в 2008–2021 гг.

Структура работы обусловлена логикой исследования, хронологической последовательностью изучаемых фактов и событий, поставленными целью и задачами, текст включает введение, три главы, заключение, список литературы, список сокращений. Общий объем диссертации 174 страницы. Список источников и литературы включает 217 наименований.

ГЛАВА 1

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ

1.1 Обстоятельства выявления и первые опыты сохранения древностей в процессе вхождения территорий Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи

С изданием манифеста Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма и Правобережной Кубани к России начался процесс постепенного вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, продолжавшийся до окончания Кавказской войны в 1864 г. Одновременно с военно-стратегическим и административно-хозяйственным освоением присоединяемых территорий шло первоначальное накопление базы знаний об этих землях.

Сбор информации – природно-географического, этнографического, исторического и иного характера, с одной стороны, диктовался необходимостью интеграции вновь обретаемых провинций в общероссийское политико-экономическое и социокультурное пространство, с другой, был обусловлен ею, поскольку на фоне развития научного знания в целом появление новых направлений и возможностей для исследовательской деятельности не могло остаться незамеченным. Одним из таких направлений явилось формирование основ российской археологии как ветви исторической науки, а значит насыщенный археологическими памятниками край не мог остаться вне внимания ученых, к тому же он имел непосредственную связь с античной цивилизацией, что еще более

повышало степень интереса к нему «всех просвещенных обществ, воспитанных на искусстве и литературе классицизма»¹.

Вместе с тем в это время постепенно начинала устанавливаться связь между осознанием ценности того или иного памятника и необходимостью его сохранения, делались первые шаги на пути складывания научно-методической базы памятникоохранной деятельности.

В этих условиях, осложненных военными столкновениями российских колонистов с силами Османской империи и местными народами, в период закрепления Россией Северо-Западного Кавказа наибольшее значение в деле сохранения недвижимого историко-культурного наследия имело непосредственное выявление памятников, называемых в то время «древностями», письменная фиксация их местонахождения и основных визуальных характеристик.

Выявление древностей могло иметь как случайный характер, так и быть результатом намеренного поиска. Самыми распространенными в указанный период способами фиксации найденных артефактов были их картографирование, включение соответствующих описаний в военные рапорты, упоминания в травелогах путешественников, записи в дневниках и отчетах ученых, разного рода публикации результатов исследований – как научных, так и любительских.

Целенаправленный поиск памятников осуществлялся и профессиональными учеными, направленными на Юг Императорской Академией наук, и свободными искателями, побуждаемыми личными, не всегда бескорыстными, интересами. Но большей частью открытия совершались случайно в ходе военных экспедиций и при строительстве на завоеванных территориях крепостей и новых поселений – для них требовалось большое количество строительных материалов, а «самым простым способом их добычи оказалась ломка камня из многочисленных руин древних построек»².

Военные были в числе первых, кто в процессе колонизации территории Кубани и Черноморья обнаруживал памятники старины и сообщал первоначальные

¹ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. С. 37.

² Тункина И. В. Античное наследие Кубани. История изучения // Античное наследие Кубани. В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2010. С. 23.

сведения об их виде и месторасположении. В первую очередь, это объясняется тем, что выделяющиеся в пространстве древние курганы и архитектурные сооружения, в том числе руинированные, представляли собой точные ориентиры, что служило основанием для включения их в описания местности и нанесения на топографические карты¹. По отношению к уровню развития картографии конца XVIII в. российские топографические карты имели «высокую насыщенность... археологической информацией». Примером могут служить шесть карт Таманского полуострова (1786–1794 гг.) из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), в том числе пять рукописных и одна гравированная, на каждой из которых «показано от 70 до 122 курганов и от 3 до 6 крепостей-батареек античного и средневекового времени, а также остатки от 43 до 47 поселений турецко-татарского периода; на трех картах обозначен Киммерийский вал, изображенный всеми четырьмя участками». По словам одного из ведущих современных исследователей Таманской археологии Я. М. Паромова, «археологическая нагрузка на «снятых по инструменту» картах екатерининского времени составляла от 103 до 144 памятников в расчете на 1000 кв. км. Эти показатели следует признать высокими, при этом особенно важно, что практически все указанные на картах остатки древностей уверенно отождествляются с известными сегодня памятниками археологии»².

Знаковым событием в истории изучения и сохранения культурного наследия Кубани и Черноморья стало открытие Тмутараканского камня. В 1792 г. при сооружении Фанагорийской крепости (на восточной окраине современной станицы Тамань), строительный материал для которой добывался из архитектурных остатков древнего городища (ныне это объект культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»), командиром егерского батальона премьер-майором Х. К. Розенбергом был найден и передан вице-адмиралу П. В. Пустошкину уникальный камень с надписью на славянском

¹ Каменецкий И. С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: Богородский печатник. 1998. С. 131–133.

² Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII - начало XX вв.). // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 344.

языке, впоследствии получивший всемирную известность как «Тмутараканский камень». По надписи на этом камне, засвидетельствовавшем факт измерения расстояния между Тмутараканью и Корчевом (Керчью) в «десять тысяч и четыре тысячи сажень»¹, было определено местонахождение древнерусского Тмутараканского княжества. Несколько позже, в 1794 г., А. И. Мусин-Пушкин издал труд под названием «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения»², и это стало своеобразным толчком для начала широких археологических исследований на территории городища и всего Таманского полуострова.

С Тмутараканским камнем связана также история первого на Кубани опыта музеефикации памятника – метода, который ныне рассматривается как одна из наиболее действенных форм сохранения и презентации недвижимых объектов наследия.

Так, камень, который нашедшие его солдаты поначалу использовали «у входа в казарму в качестве порога», был отправлен П. В. Пустошкиным в Севастополь адмиралу Н. С. Мордвинову. Однако узнав о находке и ее особой ценности Екатерина II повелела «вернуть камень в Тамань, поставив его на видном месте в городе». Памятник был возвращен и установлен «на берегу у древнего колодца»³.

Письмом от 13 сентября 1793 г. № 810 в адрес войскового судьи Черноморского казачьего войска Головатого вице-губернатор Таврической области К. И. Габлиц распорядился «во исполнение Высочайшего Ея Императорского Величества повеления» возвести ограждение «известного камня, найденного на острове Фанагории и взятого было господином бригадиром Пустошкиным... а для построения того ограждения отрядить из войска Черноморского потребное число рабочих людей, а также и для хранения камня караульных»⁴.

¹ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.

² Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.

³ Воронов А. А., Михайлов М. Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983. С. 163.

⁴ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. 2. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896. С. 422.

Несколько позже Головатый, осмотрев месторасположение памятника и обратив внимание на его труднодоступность, обратился с рапортом к таврическому губернатору С. С. Жегулину с предложением переместить камень в более удобное для его демонстрации место: «... монумент поставлен от Тамани без малого на версту близ разрушенного фантана, а к тому между частыми песчаными курганами и на самом низменном месте, так что... редко кто и любопытствовать к нему приходит, а по сим обстоятельствам сужу я заспособнее перенести оный монумент к нововыстроенной в Тамани в прекрасном саду каменной церкви и пря оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, внутри темно, но так, чтобы оный камень лежал на середине одного монумента на четырех каменных столбах, как бы на эшафоте с порядочною крышею откровенно, дабы вся надпись деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видна была, при этом же для его и ради церкви единоместный караул существовать может»¹.

В 1803 г. во время посещения Тамани архитектор академик Н. А. Львов собрал найденные здесь художественные архитектурные элементы и составил в приделе церкви «памятник, означающий прехождение острова Тамана под владение разных народов», средоточием которого стал Тмутараканский камень. Архитектор «вместо постамента поставил две генуэзские капители. Сверху их прикрывал... Тмутараканский камень, еще выше – камень античной Греции, а наверху каменное изваяние воина. На отломке старой колонны была высечена надпись, объясняющая значение камня»². Как известно, в таком виде Тмутараканский камень простоял до 1834 г., после чего был перевезен в Керченский музей, а в 1851 г. поступил в Эрмитаж.

В конце XVIII века в окрестностях Тамани, у современного поселка Сенной, военный генерал-инженер Ван Дер Вейде (варианты написания – Фан дер Вейде или Вандервейде) осуществил вскрытие одного из наиболее крупных расположенных там курганов – это были «первые по времени раскопки в курганах

¹ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. IV. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1898. С. 25.

² Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 179.

Таманского полуострова, вскоре после присоединения его к России»¹. Раскопки были, по сути, грабительскими, носившими «характер отыскивания зарытых в земле сокровищ»². Сам же Ван дер Вейде в пору пребывания его в Тамани, где он и окончил свою жизнь, заслужив славу добывающего «местного антиквария», что вполне отвечало специфике времени – в XVIII в. большинство осуществлявшихся в Причерноморье раскопок «преследовали чисто антикварные цели», документировалась лишь малая часть полевых работ. И тем ценнее были случаи, когда «увлеченные античностью военные направляли рапорты в столицу и специальные доклады о находках в научные сообщества Европы»³, создавая таким образом источниковую базу для последующих научных изысканий.

Что касается кургана, разрытого по приказу Ван дер Вейде гарнизонными солдатами, то он отличался значительными размерами, а найденные в нем предметы обладали огромной ценностью – не случайно эта история привлекла к себе внимание многих исследователей Тамани⁴.

В частности, посетивший в 1790-х гг. Тамань немецкий ученый и путешественник П. С. Паллас (1741–1811) отмечал, что в «разрытом» кургане «находилось много драгоценностей, это доказывается найденным там массивным золотым кольцом, изображением грубо сделанной змеиной головы», которое он видел у «инженера Фан-дер-Вейде»⁵.

Обширную информацию о вышеупомянутых раскопках оставил английский путешественник Э. Д. Кларк (1769–1822), побывавший на Тамани в 1800 г. и лично

¹ Гёргс К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876. С. 5.

² Гёргс К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876. С. 3.

³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 318.

⁴ Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского общества истории и древностей. Том тринадцатый. С VI литографированными листами. Одесса, 1883; Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: 6 vols. - Cambridge, 1810; Гёргс К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М.: Моск. археол. о-во, 1876; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986; Паромов Я.М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.). // Боспорские исследования. № 39. 2019; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002 и др.

⁵ Паллас. П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского общества истории и древностей. Том тринадцатый. С VI литографированными листами. Одесса, 1883. С. 73.

встречавшийся с Ван дер Вейде¹, в неоднократно переиздававшемся травелогге «*Travels in various countries of Europe, Asie and Africa*». Упоминание этого труда или цитирование его фрагментов в части, посвященной землям казаков-черноморцев, в том числе Тамани, встречается практически во всех исследованиях, посвященных археологической истории полуострова.

Из повествования Кларка известно, что раскопочные работы солдаты начали «очень невежественно, с вершины, и долгое время трудились безрезультатно»². Лишь изменив направление поиска и срыв большой пласт земли, они обнаружили вход к «обширному своду превосходной кладки»³. Британец составил описание памятника, безошибочно отнесенного им к работе греческих мастеров. Он зафиксировал, что камера погребального сооружения состояла из блоков совершенной формы, сложенных насухо, а крыша представляла собой аккуратный свод из чистейшего белого мрамора. За первой камерой находилась вторая, более просторная, вход в которую был оформлен двумя пилястрами, расширяющимися к основанию. При этом Кларк подчеркнул грабительский характер раскопок, в результате чего невозможно было установить изначальный вид камер, поскольку солдаты, проводившие раскопки, «похищали все, что считали ценным и уничтожали или прятали вещи, не заслуживающие их внимания»⁴. Среди разрушенных предметов он упоминал, в частности, греческие чернолаковые вазы – лишь несколько уцелевших из них были отправлены в Москву.

Кларк также привел подробное описание наиболее ценной находки из раскопанного кургана – браслета в виде изогнутого по эллипсу тела двухголовой змеи, который Ван дер Вейде отправил в Петербург в императорский Кабинет. В 1800 г. генерал А.И. Корсаков (известный коллекционер, почетный член академии художеств) преподнес браслет императору Павлу I, после чего изделие было помещено на хранение в одну из витрин эрмитажного кабинета с записью, что

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 563.

² Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*: 6 vols. Cambridge, 1810. С. 321.

³ Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М.: Моск. археол. о-во, 1876. С. 6.

⁴ Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*: 6 vols. Cambridge, 1810. С. 322.

браслет был найден «в царствование императрицы Екатерины генералом Фан-дер-Вейде на острове Тамань, в кургане близ станицы Сенной, находящейся на месте древнего города Фанагории»¹.

После раскопок, осуществленных Ван дер Вейде, вскрытия курганов военными в поисках сокровищ стали еще более интенсивными. К числу самых крупных можно отнести хищнические разрытия курганов близ Тамани в 1817–1818 гг., которые проводил инженерный начальник Фанагорийской крепости полковник Я. В. Парокья; раскопки могильных насыпей, осуществленные там же около 1839 г. генерал-майором Перовским, и множество других².

О найденных древностях военные обязаны были оповещать начальство в письменных рапортах. В частности, об открытиях, сделанных Я. В. Парокья, через военного инженера, генерал-лейтенанта графа К. И. Оппермана был извещен великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, который «повелел передать таманские находки 1817–1818 гг. на хранение в Имп. Публичную библиотеку», а позже они были переданы в Эрмитаж, где хранились «с прочими подобными вещами в особой комнате»³.

При поступлении на хранение такие находки подлежали описи и детальным описаниям, кроме того, с них делались рисунки: например, предметы, найденные Я. Л. Парокья были зарисованы академиком живописи Ф. Г. Солнцевым. Таким образом формировалась источниковая база для будущих научных изысканий, определения ценности археологического наследия исследуемых территорий и поиска методов его сохранения.

Однако большая часть открытых памятников утрачивалась безвозвратно. В этой связи примечательно свидетельство П. П. Свинына (1787–1839) – издателя «Отечественных записок», посетившего Юг России в 1825 г.: «Близ нынешней Фанагорийской крепости... показывали мне впадину, составлявшую место

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 564.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 572–573.

³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 572.

древнего склепа, открытого полковником Парокием... близ черепа найден был золотой венец, на боку меч, украшенный драгоценными камнями и множество разного рода золотых вещей. Внутренность же склепа была расписана разными красками *alfresco*. Майор Горчаков в недавние времена также открыл здесь недалеко склеп, коего стены были подделаны под мрамор, но внутри одного ничего не нашлось. Слышно, что лет 15, бывший в то время комендант открыл множество драгоценностей в одной ближайшей могиле. К сожалению, не только вещи сии неизвестны ученому свету, но и самые склепы разрушены»¹.

Нередко грабительские вскрытия крупных археологических памятников проводились в течение десятилетий, но даже в этом случае, благодаря распространявшейся информация о найденных в процессе раскопок ценностях, памятники обретали известность и, как следствие, включались в поле научных исследований. Показательна в этом отношении история находки Пулинцовского клада. В 1824 г. у турецкой крепости в Тамани, слева от пристани, по распоряжению генерал-майора В. Г. Власова начали раскопки казак Алексей Тараненко с товарищами Иваном Мирошниченко и Саввой Чёрным, открывшими подвалы турецкого периода. Работы тогда были остановлены, но в 1837 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье генерал-лейтенант А. А. Вельяминов дал указание их возобновить, руководить раскопками было поручено отставным есаулам Ефиму Пулинцову и Барилко. В результате в 1845 г. был обнаружен упомянутый выше клад, от которого сохранилось 17 золотых монет Пантикапея (IV в. до н. э.) и 4 кизикинских электровых статера (большинство монет при этом были расхищены землекопами). В 1846 г., получив разрешение наместника Кавказа графа М. С. Воронцова, Пулинцов продолжал раскопки вплоть до своей смерти в начале 1847 г. Площадь оставленного им раскопа составила около 194 м²: 17,06 м длины, 11,37 м ширины, 20,6 м глубины².

¹ Свиныин П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. Кн. 71. С. 453–454.

² Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московской археологической комиссии. Т. II. Вып. 3. М., 1870. С. 50.

Следует отметить, что для образованных искателей имели значение и служили источниками для пополнения коллекций не только изделия из драгоценных металлов, но и художественные архитектурные фрагменты, скульптура. Например, генерал Ван дер Вейде частью своей коллекции сделал найденные в древних руинах две львиные фигуры в натуральную величину, перенесенные к его таманскому дому, а две такие же получила Покровская церковь¹.

Собственно, в то время, когда множественные фрагменты древних сооружений использовались переселенцами в качестве обычного строительного материала, а художественные изделия из мрамора пережигались на известь, собирание и коллекционирование служило практическим способом их сохранения. Очевидно поэтому, когда тот же Кларк писал о приобретении с помощью генерала Ван дер Вейде археологических артефактов с городища, откуда извлекался мрамор для строительства Фанагорийской крепости, он искренне считал и называл это спасением их от гибели (впоследствии свои приобретения Кларк вывез в Европу, при этом несколько таманских мраморных изваяний античного времени им были переданы в публичную библиотеку Кембриджского университета²).

Такие же меры по сохранению археологических артефактов, являвшихся изначально частью древних архитектурных сооружений, использовались и официально – стоит вспомнить об упоминавшихся выше архитектурных фрагментах, хранившихся в Покровской церкви, которыми архитектор Н. А. Львов оформил Тмутараканский камень; о полученном Екатеринодарской гимназией (номер учебного заведения неизвестен) камне «с греческой надписью, иссеченной в память какого-то уроженца Хиоса»³, найденном у Ангелинского ерика, примерно в 100 километрах от войсковой столицы черноморских казаков .

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 563.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 577.

³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 577.

Тем не менее, гарантии, что такие памятники не будут утрачены, не существовало. В этой связи примечателен составленный в 1831 г. документ – «Опись хранящихся при Таманской Свято-Покровской церкви памятников, найденных в Тмутараканской области, 1803 [так в тексте – *авт.*] года августа 21 дня»¹. В «Описи» перечислялись «две капители коринфские», «бюст военного», несколько различного вида «обломков» мраморных колонн, «шесть мраморных белых плит паросского мрамора», «елинский надгробный памятник с надписью», «большая мраморная плита надгробная с елино-греческою надписью, найденная 1830 года марта 15 дня» и ряд других артефактов. Краткая, но выразительная приписка в месте документа, где должна была быть резолюция: «а две статуи куда подевались? и камень св. Бориса и Глеба?»² – говорит о том, что изначально собранных древностей было явно больше.

Еще одним способом спасения древностей было «вписание» их в качестве декоративных элементов в строящиеся здания или сооружения. В конце XVIII в., когда «на землях, недавно включенных в состав Российской империи, еще не существовало ни одного музея древностей, частные коллекции... только формировались... заделка в стены новых построек античных надписей, рельефов и архитектурных деталей считалась надежным средством их сохранности для будущих поколений»³.

Возвращаясь к заметкам Кларка следует указать, что этот английский путешественник оставил много ценной информации о древностях не только таманских, в первую очередь, имеющих отношение к античности, но и других территорий Кубани – например, он одним из первых составил описания курганов, расположенных в районе Екатеринодара, и даже пытался определить их возраст⁴.

Кроме Кларка в конце XVIII – начале XIX вв. на Северо-Западном Кавказе побывали многие путешественники – как русские, так и иностранные, некоторые

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 560.

⁴ Каменецкий И. С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М.: Богородский печатник, 1998. С. 127–146. С. 134–135.

из которых находились на службе Российской империи. Среди них были писатель П. И. Сумароков (в 1799, 1802 гг.), архитектор Н. А. Львов-Никольский (в 1803 г.), известный польский и российский исследователь и писатель Я. И. Потоцкий (в 1793, 1797–1798 гг.), английская путешественница М. Гатри (в 1795–1797 гг.) французский аристократ и нидерландский королевский консул Тебу (Тэтбу, Тэбу) де Мариньи (в 1818 гг.), швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монпере (в 1832–1834, 1837–1839 гг.), немецкий путешественник Мориц Вагнер (в 1840-х гг.) и другие, оставившие разнообразные письменные свидетельства об увиденных ими памятниках древности, наполнявших ландшафты того времени.

Одним из наиболее цитируемых путевых дневников рубежа XVIII – XIX веков, в которых были воспроизведены ранее не известные сведения об историко-культурном наследии юга России, стало «Путешествие, выполненное в 1795–1796 годы, через Таврию, или Крым... главною надзирательницею С.-Петербургского Императорского Института для воспитания Благородных девиц»¹ Марией Гатри, в другой транскрипции – Гутри (? - 1800), изданное в Лондоне в 1802 г. её мужем – находившимся на российской службе доктором медицины, исследователем русской культуры Мэттью Гатри (1743–1807). Не исключено, что доктор Гатри и был автором путевых заметок по Югу России. Наибольшую ценность для науки в них представляют «приложения издателя – обширные комментарии об эпиграфических, нумизматических и археологических памятниках Причерноморья античной эпохи»². При этом большей частью комментарии были основаны «на материалах, собранных и переданных в Академию наук ученым-естествоиспытателем бароном Ф. Маршалом фон Биберштейном»³, посетившим эти земли ранее.

¹ Татаринцева Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 595.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 50–52.

³ Архив УГООКНKK. Паромов Я. М. Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань: городище, курганный некрополь, грунтовые могильники. Паспорт памятника (рукопись). М., 2002. С. 10.

В «Письмах» М. Гатри сообщалось об увиденных в Тамани «обширных развалинах греческого и турецко-татарского городов»¹, о найденных в них мраморных колоннах и «великолепной работы колоссальных рельефах» с изображением львов (один из них ныне хранится в Таманском музее), здесь же приводились сведения о строительстве Фанагорийской крепости. Можно назвать уникальными опубликованные в этом труде «сопровождаемые авторскими комментариями рисунки половецких «каменных баб» и так называемого «кубанского лугамора» – найденной близ Екатеринодара колонны из белого мрамора, покрытого сарматскими знаками»².

Не меньший интерес представляют заметки других визитеров края. Так, множество ценных свидетельств о материальных остатках древнего прошлого Северо-Западного Кавказа оставил в своих трудах Жак-Виктор-Эдуар Тебу де Мариньи (1793–1852) – французский аристократ, генеральный консул Королевства Нидерландов в портах Черного и Азовского морей, член Одесского общества истории и древностей. В травелоге «Путешествие в Черкессию» (или «Путешествие по Черкессии») он писал об увиденных им в начале XIX в. памятниках Западно-Кавказского Причерноморья, среди которых были и остатки христианской культуры (в частности, большой каменный крест с навершием в форме трилистника), и наследие бронзового века – дольмены в долине р. Пшада³.

Следует при этом отметить, что кавказские дольмены фиксировались и до Тебу де Мариньи. Ранее, в 1794 г., в местечке Чокрак-Кой, что близ станицы Фонталовской (на Таманском полуострове), такого рода мегалиты обнаружил и привел их краткое описание немецкий ученый П. С. Паллас.

Спустя время, в ходе самостоятельной экспедиции по Югу России в 1830-е гг., эти же дольмены исследовал ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850), выявивший еще одну группу закубанских мегалитов у

¹ Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. II. Вып. 3. М., 1870. С. 237.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 52.

³ Тэтбу де Мариньи. Путешествие по Черкессии // Историко-этнографическое издание. Серия «КЛИО» («Кавказский литературно-исторический «Олимп»). Раздел «История». Вып. 8. Т. 1. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. С. 49, 68–69.

«форта св. Николая по р. Атакум»¹ – по разным версиям это могло быть близ станицы Абинской (П. С. Уварова²) или станицы Шапсугской (В. М. Сысоев)³. Воспоминания об этих и других своих открытиях он описал в «Путешествии вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым»⁴, «снабженного атласом из 200 таблиц с картами, видами ландшафтов, архитектурными планами и рисунками древностей, выполненными на самом высоком уровне», причем, как отмечал Я. М. Паромов, «достоинства атласа в картографической части были обеспечены предоставленными ученому новейшими российскими картами»⁵. Дюбуа де Монпере посетил Тамань дважды, и в последний свой визит он уже не нашел следов существовавших здесь городов и крепостей – материальные остатки прошлого на осваиваемых территориях стремительно разрушались, и тем большую ценность представляли собой их описания, запечатленные путешественниками, учеными и военными – российскими и иностранными, в том числе представлявшими интересы противостоявших России держав.

Что касается последних, то собранные ими материалы были важнейшими, а нередко и единственными, источниками информации о землях Левобережья Кубани и Кавказского Причерноморья времени, предшествовавшего российской колонизации. Таковы, в частности, сведения, собранные британским военным разведчиком Джеймсом Беллом, побывавшим в Черкесии в 1837-1839 гг., а в 1840 г. издавшим свои воспоминания под названием «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг.» («Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839». Vol. 1–2. London, 1840). Особую ценность представляют рисунки Дж. Белла, фиксирующие кавказские ландшафты, частью которых были древние памятники, горские традиционные поселения и святыни, а также русские фортификационные сооружения, обретшие значение памятников столетие спустя.

¹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 4

² Уварова П. С. Кавказские путевые записки. Ч.1. М., 1887. С. 76.

³ Сысоев В. М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году. МАК, IX. М., 1904. С. 126.

⁴ Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1: У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. Сухуми : Абгиз, 1937.

⁵ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 343–377.

Вслед за военными и свободными путешественниками по мере расширения границ империи поиском древностей занялись представители академической науки. В изучении материальных следов прошлого ими применялся опробованный ранее во время «ученых путешествий» «комплексный историко-географический («экосистемный») подход, нашедший свое отражение как в описаниях, так и в картографических материалах того времени». Об этой методике можно судить по трудам ученых-натуралистов, «сумевших детально описать и графически зафиксировать руины античных оборонительных сооружений, городов, поселений, некрополей, которые еще не были раскопаны»¹.

Одним из первых земли Кубани и Черноморья посетил академик П. С. Паллас (1741–1811): в 1793–1794 гг. во время своего путешествия по Югу России, осуществленного по личной инициативе и на собственные средства, он побывал на Таманском полуострове (острове). В опубликованных позже результатах наблюдений, опираясь на известные в то время научные методы, он довольно ясно представил общую пространственную картину города Тамани в ее связи с природным ландшафтом, примерно определив размеры поселения: «Старая Тамань или Тмутаракань была обширным городом; развалины и укрепления его тянутся на 2 ½ версты в окружности от одного берега до другого и в длину вдоль бухты Таманского залива на одну версту с половиной»². Паллас засвидетельствовал, что Тамань находится «под грудами развалин», среди которых «много камней с надписями и мраморных скульптурных изображений, и вероятно еще много подобных вещей скрыто под землею», а «между прочими остатками древней скульптуры» он отметил «бюст человеческой фигуры, в драпировке, и в вооружении... несколько каменных барельефов и одну особенную трех-угольную (так в тексте – авт.) капитель из белого мрамора»³.

¹ Тункина И. В. Античное наследие Кубани. История изучения // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.: Наука, 2010. С. 23–24.

² Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13. Отд. 1. С. 63.

³ Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13. Отд. 1. С. 64.

В 1790–1800-х гг. неоднократно побывал на территории южнороссийских провинций современник П. С. Палласа ботаник барон Ф. К. Маршал фон Биберштейн (1768–1826), немец на русской службе. Особое внимание он обратил на археологические памятники. Биберштейн впервые опубликовал скопированные в 1796 г. таманские античные надгробные надписи, составил перечень с надписями и изображениями средневековых надгробий «с заметками о местах находок». По этим перечням позже «многие антики и надписи были вывезены в Петербург, Москву и другие города». Кроме того, Биберштейн провел исследование топографии земель Европейского и Азиатского Боспора в сравнении с данными Страбона, локализовал ряд античных городов, в том числе Горгиппию (Анапа), средневековую Таматарху (Тамань; Таманское городище ошибочно было локализовано на месте крепости Фанагория – прим авт.), составил одну из первых археологических карт Таманского полуострова. При этом «наибольшее внимание Биберштейна привлекали городища («насыпные холмы») и погребальные сооружения («холмы с урнами», слово «курган» автору незнакомо)... – «все восходящие к глубокой древности», которые легче обнаружить на азиатской стороне пролива (Керченского – прим. авт.), чем на европейской»¹.

Рукопись Биберштейна на немецком языке, переданная в Императорскую Академию Наук, не была издана, но, тем не менее, активно использовалась впоследствии исследователями российского Черноморья. Значение его карты, запечатлевшей археологическую картину Таманского полуострова в конце XVIII в., со временем еще более возросло, поскольку памятники в процессе освоения территорий быстро разрушались, теряя видимые признаки.

В 1804 г. Тамань впервые посетил историк и археолог, хранитель Эрмитажа, академик Е. Е. Кёлер (1765–1838), открывший и исследовавший памятник царицы Комосарии – дочери Горгиппа и супруги боспорского царя Перисада. Памятник составляли «две статуи и принадлежащий им пьедестал из песчаника», на котором

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 564–565.

находилась посвяtitельная надпись «могущественным божествам Санергу и Астаре»¹.

Вместе с результатами исследований Кёлер опубликовал несколько древних надписей, находящихся в Покровской церкви Тамани, а спустя время, во время второй поездки по Югу России в 1821 г., дополнил и уточнил собранные материалы. В дневнике последнего путешествия он записал, как «священник показывал... вплетенный в его Евангелие список всех мраморных памятников (включая колонны, полуколонны, капители и др.), принадлежащих местной церкви, поскольку они были доставлены и переданы ей генералом... Львовым-Никольским. Византийскую надпись, которая находится над надписью [князя] Глеба, он подарил тогда же и вместе с другими обломками велел установить в церкви. Только надпись Комосарии и обе стелы стали собственностью церкви позже, так как они были обнаружены лишь в 1803 году. Если бы не весьма похвальная предусмотрительность г-на Никольского, почти все названные памятники погибли бы»². По требованию Кёлера те мраморные памятники, что находились вне церкви, для обеспечения их сохранности также были перенесены в ограду церкви. В числе записей в дневнике ученого была также посвященная истории открытия в 1818 г. остатков храма Артемиды Агротеры при строительстве церкви Бориса и Глеба в станице Ахтанизовской.

Об этом обнаруженном античном сооружении и связанной с ним, получившей широкую известность, надписи Ксеноклида позже писали многие исследователи, но первым зафиксировал выявленные памятники русский ученый немецкого происхождения, позже – академик, П. И. Кёппен (1793–1864) в путевых заметках о путешествии на юг, совершенном им в 1819 г.³ Петр Иванович Кёппен исследовал место находки, записал свидетельства очевидцев этого события, имевшего случайный характер, и снял копию надписи, хранившейся к тому

¹ Гёрц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876. С. 8.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 570.

³ Гёрц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876. С. 11.

времени в станичной церкви¹. Здесь стоит отметить, что копирование надписей, издание материалов исследований эпиграфических памятников было в то время наиболее доступным способом фиксации выявляемых памятников старины и их историко-культурной ценности.

Таким образом, уже в ходе военно-казачьей колонизации и хозяйственного освоения Северо-Западного Кавказа, осуществлявшимися одновременно с развитием российской гуманитарной мысли и науки в целом, а также с растущим в образованной части общества интересом к отечественной истории и культуре, на обозначенной территории постепенно проявлялись основы будущего системного сохранения памятников старины, шел поиск и предпринимались первые шаги к государственному участию в этом процессе. Главным же на этом историческом этапе являлось выявление обладавших историко-культурной ценностью объектов и их письменная и графическая фиксация. Большая часть таких объектов с течением времени, иногда – очень скоро, была утрачена, поэтому для изучения исторических процессов на Юге России, выявления своеобразия и определения перспектив сохранения его культурного наследия непреходящее значение имеют письменные свидетельства о памятниках древности, оставленные теми, кто успел их запечатлеть.

1.2 Общественные инициативы и научные институты в становлении памятникоохранной деятельности

С развитием уровня просвещения и научного знания в России возрастал интерес образованной части общества к историко-культурному наследию.

Уже к концу 1820-х гг. почти во всех крупных городах империи – в столицах и в провинции – имелись свои собиратели и коллекционеры древностей, появились

¹ Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М., 1828. С. 80–83.

первые объединения образованных «антиквариетов» – любителей из самых разных сфер деятельности, многие из которых со временем становились профессиональными исследователями. Тогда же стали открываться первые частные и общественные археологические музеи.

К этому времени, в частности, относится открытие первых археологических кружков и музеев в Одессе и в Керчи. В 1825 г. по инициативе И. А. Стемпковского (1788–1832), отставного офицера, участника наполеоновской войны, избранного в 1821 г. членом-корреспондентом Парижской Академии надписей и изящной словесности, был основан музей древностей в Одессе. В 1826 гг. на основе коллекции антиков, собранной эмигрировавшим в Россию французским аристократом Полем Дюбрюксом (1770–1835), обретшим славу «зачинателя керченской полевой археологии»¹, был открыт Керченский музей, в собрание которого в первой половине XIX в. поступала основная часть археологических предметов с территории Кубани. Директором обоих музеев был назначен также офицер и ученый – генерал-лейтенант, известный топограф, член-корреспондент Берлинской Академии наук И. П. Браламберг (1800–1878).

Показателен документ, который в 1823 г. И. А. Стемпковский представил на рассмотрение новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова под названием «Мысли относительно отыскания древностей в Новороссийском крае»². По сути, это была первая в России комплексная программа по планомерному изучению и сохранению недвижимого историко-культурного наследия Юга России, методическая основа которой сохранила свою актуальность до настоящего времени. Программой предусматривалось следующее: сбор содержащихся в исторических письменных источниках сведений о памятниках; составление «полного собрания всех палеографических, нумизматических и иного рода памятников, в сей стране найденных и уже опубликованных» и дополнение их описаний новыми сведениями; выявление материальных остатков прошлого с

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 325.

² Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. Часть 29. Кн. 81. СПб., 1827. С. 40–72.

целью их передачи на хранение в музейные учреждения, проведение «изысканий в развалинах и гробницах» (то есть, раскопок) при «поддержании от совершенного разрушения остатков тех древних зданий, кои еще заметны» (в современном понимании – принятие мер по сохранению объектов наследия в виде их консервации или реставрации); составление «планов и профилей древних здания, равно планов всех городов, коих следы еще видны»; составление археологических карт; локализация древних поселений на основании письменных и вещественных источников. Решать обозначенные в программе задачи, по мнению И. А. Степковского, призваны были специально созданные для этого научные учреждения – археологические общества и музеи. При этом, если учреждение музеев он связывал с попечением государства «о сбережении остатков величия наших предшественников на берегах Эвксинского Понта», то общественные объединения он видел независимыми от официальной власти: «...составление Общества, коего местное на разных пунктах содействие могло бы служить величайшим пособием Правительству, не может зависеть от сего последнего... Таковое Общество имело бы целью разыскивать, собирать и хранить, описывать и объяснять все памятники древности... разновременно найденные и впредь находимые»¹.

То есть, уже в первой трети XIX в. «от простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя археологи-эмпирики перешли к раскопкам с научными целями»². Раскопки сопровождались составлением планов исследований и тотальной фиксацией всех выявленных (физически или документально) памятников, ведением полевых дневников, детальным описанием артефактов, составлением обмеров и картографированием процесса изысканий. На карты наносились практически все тем или иным способом получаемые сведения о памятниках. Такие карты становились опорными материалами для проведения

¹ Степковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. Часть 29. Кн. 81. СПб., 1827. С. 49-51.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 326.

археологических разведок, а также дальнейших научных изысканий и принятия мер к сохранению памятников старины.

В качестве примера можно привести историю выявления так называемых «колонн храма Ахилла» или, по имени впервые зафиксировавших их исследователя, «колонн Дюбрюкса». В 1822 г. на расстоянии около одного километра от таманского берега, у мыса Ахиллеон – «недалеко от восточного побережья косы Чушка (в то время – коса Северная), ближе к ее южному окончанию» – на дне моря были обнаружены шесть мраморных колонн. Поль Дюбрюкс, не имея личного доступа к месту находки, отметил его на карте исходя из полученной извне информации и выполнил первоначальную атрибуцию (позже опровергнутую), соотнеся найденные колонны с храмом Ахилла из упоминаемого Страбоном античного поселения Ахиллей. Впоследствии эти колонны были подняты и переданы на хранение в таманскую Покровскую церковь. Четыре из них ныне экспонируются в Таманском археологическом музее и одна – в музее им. Е. Д. Фелицына в Краснодаре¹.

Место обнаружения колонн, неоднократно включавшееся в поздние картографические материалы (археологические карты К. К. Герца, М. О. Поночевного), стали объектом множественных натурных и кабинетных исследований, что способствовало выявлению новых памятников и связанных с ними исторических событий².

После смерти И. А. Стемповского первые археологические кружки по разным причинам распались. Тем не менее, можно сказать, что уже в 1820-е гг. были выработаны методы и определены направления полевых и камеральных изысканий в сфере недвижимого историко-культурного наследия региона, заложена основа формирования негосударственных историко-археологических обществ – столичных и местных, занимающихся проблемами изучения и

¹ Новиков П. В. Колонны «храма Ахилла» // Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014. Вып. IV. С. 153–167.

² Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 221; Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 99.

сохранения памятников Юга России в целом, и Северо-Западного Кавказа в частности.

Одним из первых таких обществ стало Одесское общество истории и древностей (ООИД), основанное в 1839 г. при содействии князя М. С. Воронцова. Как следует из устава, оно служило цели «распространения исторических и археологических сведений о Южной России», для достижения которой предполагалось в числе прочего «собирать, описывать и хранить все остатки древности, открывающиеся в Южной России или имеющие к оной отношение», изучать письменные свидетельства о памятниках, вести работу по их выявлению, а также «издавать результаты своих занятий посредством печатания по всеобщее сведение»¹. Уже с 1844 г. стал издаваться сборник печатных трудов по проблематике общества – «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД), и до 1919 г. было выпущено 33 тома «Записок».

Несколько позже, в 1846 г., при участии графа А. С. Уварова состоялось открытие Петербургского археолого-нумизматического общества (с 1849 г. – Императорское археологическое Обществ, с 1866 г. – Императорское Русское археологическое общество), а в 1864 г. по инициативе мецената графа С. Г. Строганова и того же А. С. Уварова было создано Московское археологическое общество (с 1881 г. – Императорское Московское археологическое общество). Эти объединения обрели значение крупных научных центров, имевших собственные музеи и крупные библиотеки. В каждом из названных обществ были выработаны оригинальные научные программы, организована издательская деятельность, благодаря которой результаты исследований, отчеты экспедиций и прочие материалы, соответствующие целям обществ, становились доступными для широкого круга заинтересованных лиц, служили популяризации историко-культурного наследия, обретению им социокультурной значимости и, в конечном итоге, способствовали его сохранению.

¹ Устав Одесского общества истории и древностей: [утвержден 25 марта 1839 года]. Одесса: Гор. тип., 1839. С. 1–2.

Следует отметить, что названные общества тесно взаимодействовали с государственными научными, образовательными, просветительскими и иными профильными учреждениями – Академией наук, Московским университетом, Академией художеств, государственными музеями, губернскими статистическими комитетами и т.д. Ученые, представлявшие официальную науку, одновременно могли являться членами различных общественных организаций. Например, К. К. Гёрц, будучи профессором Московского университета, был в то же время членом Санкт-Петербургского Императорского Русского археологического общества, Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей и других.

Стремительное развитие научной активности совпало с окончательным вхождением Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, что дало новый импульс изучению богатейшего историко-культурного наследия региона, во второй половине XIX в. оказавшегося в сфере интереса всех ведущих научных центров страны. Среди них выделялось Московское археологическое общество, деятельность которого касалась в числе прочего проблем сохранения памятников.

Московское археологическое общество, кроме самостоятельной научной и практической деятельности, оказывало широкую методическую и консультативную помощь по изучению и сохранению памятников прошлого; занималось просветительством и изданием научных трудов различной направленности; до 1889 г. оно выдавало разрешения на проведение археологических раскопок с обязательным предоставлением отчетов о выполненных работах и т.д. По инициативе основателя общества, графа А. С. Уварова, с 1869 г. проводились археологические съезды (до 1911 было проведено 15 съездов), сыгравшие большую роль в становлении российского законодательства в области охраны памятников.

Ко времени окончания Кавказской войны деятельность Московского археологического общества распространилась почти на всю территорию России. В 1878 г. был поставлен «вопрос о созыве в Тифлисе V археологического съезда с

преимущественно кавказской тематикой»¹ (состоялся в 1881 г.), положившего начало комплексному научному изучению Северного Кавказа и Закавказья.

С 1888 г. обществом стал издаваться специальный сборник трудов под названием «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества...»². В редакторском вступлении П. С. Уваровой (с 1885 по 1917 гг. – председатель МАО) к первому выпуску трудов отмечалось: «... еще в прошлом [и] в начале нынешнего столетия Кавказский край был предметом исследований... Тем не менее, что касается историко-археологического, лингвистического и этнографического изучения, то все вышеупомянутые исследования были скорее разведками, намечавшими вопросы и задачи для дальнейших разысканий. Лишь с тех пор, как замирение Кавказа сделало его более доступным изучению, и когда за это изучение принялись местные деятели из русских или из поселившихся в крае иностранцев – стала возможна более обстоятельная и систематическая разработка научного материала, представляемого этим краем»³.

Ближайший помощник, супруга и продолжатель дела основателя Московского археологического общества, графиня П. С. Уварова (1840–1924), приступившая к археологическим исследованиям на Кавказе во время подготовки съезда в Тифлисе, провела в этом крае империи девять научных экспедиций. Материалы, полученные в ходе экспедиций, легли в основу ее трудов «Кавказ. Путевые заметки» и «Могильники Северного Кавказа»⁴, которые до настоящего времени используются в качестве источников по истории и археологии региона.

Московское общество тесно взаимодействовало с исследователями – любителями и профессиональными учеными – на местах, в том числе на территории Северо-Западном Кавказа.

¹ Бойчук С. Г. Общественно-просветительская деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар: Традиция, 2010. С. 28.

² Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. Вып. I. М., 1888.

³ Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. Вып. I. М., 1888. С. II.

⁴ Уварова П. С. Кавказ: Путевые заметки. В 3 т. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887-1904; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. 1900.

Вместе с тем во второй половине XIX в. здесь сложились собственные научные и общественные силы, занимавшиеся вопросами изучения историко-культурного наследия и его сохранения. Благодаря частным инициативам и интересам появились новые направления в археологии, была развернута широкая просветительская деятельность, способствовавшая формированию общественного интереса к истории края, осознанию обществом культурного значения местных памятников прошлого и, тем самым, формированию государственных и общественных институтов их сбережения.

Уже с 1866 г. в газете «Кубанские войсковые ведомости» (с 1871 г. – «Кубанские ведомости», затем – «Кубанские областные ведомости»), открывшейся незадолго до окончания Кавказской войны – в 1863 г., появляются статьи, посвященные археологии¹. Первым их автором был полковник Н. Л. Каменев, которого считают пионером археологических изысканий на территории левобережной Кубани, начавшихся «вслед за основанием в предгорной полосе цепи казачьих станиц»². Он собирал письменные источники и записывал устные свидетельства о памятниках, проводил целенаправленные археологические разведки³, вел раскопки курганов в долинах рек Псекупс, Белой, Афипс, Фарс и др., исследовал архитектурный памятник – церковь византийского в Карачае и целый ряд дольменов, одним из первых составил «обзор известных тогда памятников» предгорных районов края и попытался «создать хронологическую периодизацию курганов Закубанья и увязать выделенные типы с народами, известными по письменным источникам и преданиям»⁴.

Неизвестно, имел ли Н. Л. Каменев какую-либо связь с действовавшими тогда столичными научными археологическими обществами. Важно то, что он не упустил возможность освещения результатов своих исследований, используя для этого газету. Как результат, опубликованные им материалы, зафиксировавшие

¹ Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1913. С. 131.

² Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1985. С. 3.

³ Каменев Н. Л. Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. 1870. № 47–48.

⁴ Каменецкий И. С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. II М.: Богородский печатник, 1998. С. 136.

археологическую картину Закубанья в 1860-х гг., были замечены профессиональными учеными и вошли в научное поле как источники для дальнейших изысканий.

В ряду первых кубанских археологов был крупнейший исследователь Северо-Западного Кавказа Е. Д. Фелицын (1803–1903). Выходец из офицерской среды, он состоял на военной, а с 1879 г. на государственной службе. Сначала Е. Д. Фелицын служил секретарем Кубанского областного статистического комитета, с 1888 исполнял должность правителя канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, с 1892 г. занимал пост председателя Археографической комиссии. В 1879–1892 гг. он был редактором неофициального отдела газеты «Кубанские областные ведомости». Вместе с тем Евгений Дмитриевич, будучи членом множества научных обществ, в том числе Московского археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Одесского общества истории и древностей, Кавказского отдела Русского географического общества, Русского археологического общества в Санкт-Петербурге, Общества любителей древней письменности, обрел широкую известность как ученый и общественный деятель. В широком спектре его научных интересов особое место занимали исследования по истории Кубанского казачьего войска и археологии региона, результаты которых сохраняют свою актуальность до сегодняшнего дня во многом благодаря программному подходу.

Впервые Е. Д. Фелицын заявил о себе в столичном научном сообществе как знаток древностей в 1878 г., когда по поручению начальника Кубанской области Н. Н. Кармалина принял участие в проходившей в Москве Антропологической выставке Императорского общества любителей естествознания. В рамках выставки он представил коллекцию собранных им во время археологических экспедиций материалов о кавказских мегалитах, благодаря которой «имел случай познакомиться с Кубанскими древностями и обратил на них внимание всех выставленным для

демонстраций дольменом»¹. Это была уменьшенная копия мегалита, послужившая иллюстрацией к докладу Е. Д. Фелицына «Дольмены – богатырские дома станицы Баговской Майкопского уезда». Экспозиция и доклад в условиях, когда имевшаяся к тому времени информация о мегалитических памятниках Кавказа была крайне скудной и практически недоступной широкой общественности, вызвали большой интерес в среде ученых. В их числе был граф А. С. Уваров, до этого изучавший крымские гробница, работа о которых вышла в 1876 г., – он считал, что «изучение кубанских дольменов дополнит картину происхождения дольменов вообще и позволит определить этническую принадлежность этих памятников в России и других странах Европы, Азии и Африки»².

Позже, исполняя свои непосредственные служебные обязанности в областном статистическом комитете, в программу по описанию станиц Кубани, Е. Д. Фелицын включил задачу фиксации всех объектов недвижимого наследия – «курганов, дольменов и проч. памятников древности в каждой станице»³. Примечательно, что в большинстве случаев он самостоятельно проводил археологические разведки и раскопки курганов, дольменов, городищ, выявлял и исследовал половецкие каменные изваяния.

На основании полученных данных ученый составил подробную археологическую карту Кубанской области, на которой зафиксировал места обнаружения археологических объектов фортификационных и архитектурных, в том числе руинированных, сооружений, «каменных баб» и др. В 1882 г. карта в 20-верстном масштабе была издана Московским археологическим обществом и была высоко оценена современниками⁴.

В начале 1900-х гг. Е. Д. Фелицын завершил свой многолетний труд, посвященный мегалитическим памятникам, и подготовил к публикации

¹ Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып.9. С.I-VII. С. III; Бойчук С. Г. Общественно-просветительская деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар: Традиция, 2010. С. 29–31.

² Бойчук С. Г. Общественно-просветительская деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар: Традиция, 2010. С. 31.

³ Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып.9. С.I-VII.

⁴ Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып.9. С.I-VII.

монографию «Западно-Кавказские дольмены», которая была напечатана в 1904 г., уже после смерти ученого, в сборнике трудов Московского Археологического общества «Материалы по археологии Кавказа»¹.

Важной инициативой Е. Д. Фелицына стало издание областным статистическим комитетом периодического «Кубанского сборника», ставшего «своеобразной научной энциклопедией края»², где публиковались посвященные Кубани и Северному Кавказу труды по разным отраслям знания, включая историю и археологию. Непосредственно под редакцией Е. Д. Фелицына вышли первые два тома сборника, а всего до 1916 г. (последнего предреволюционного выпуска) был издан 21 том.

Другим значительным достижением Е. Д. Фелицына стало открытие в 1879 г. при областном статистическом комитете на основе его личной коллекции Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея, с которого ведет свою историю современный Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. И хотя наиболее ценные археологические находки в то время по-прежнему направлялись в крупные музейные хранилища Санкт-Петербурга, Москвы, Керчи, Одессы или Тифлиса, собрание кубанского музея постоянно росло, пополняясь новыми предметами и формируя основательную базу не только для хранения находок, но и организации впоследствии научно-экспедиционной деятельности. Активное участие в этом принимали многие члены Кубанского областного статистического комитета, среди которых были известные ученые В. А. Щербина, К. Т. Живило, В. М. Сысоев и другие³.

Следует отметить, что при всей многоаспектности научной и научно-просветительской деятельности Кубанского областного статистического комитета, она имела ограничения, продиктованные статусом государственного учреждения.

¹ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа (МАК). М., 1904. Вып. 9. С. 1–86.

² Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. Т. 4 (25). Краснодар: Книга, 2012. С. 38.

³ Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. Т. 4 (25). Краснодар: Книга, 2012. С. 32–56.

В то же время, к концу XIX в., в среде образованной кубанской общественности сформировалась осознанная «потребность широкого изучения области и объединения местных научных сил»¹, что привело к образованию местного научного общества краеведческой направленности.

Инициатором создания такого общества выступил В. М. Сысоев (1864–1933), выпускник Московского университета, ученик академика В. Ф. Миллера – известного фольклориста, этнографа и археолога, член-корреспондент Московского Археологического общества, преподаватель классических древних языков, истории и географии в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, член Кубанского областного статистического комитета.

В течение 1890-х гг. В. М. Сысоев осуществил несколько археологических экспедиций. В частности, провел разведки в верховьях Кубани, в бассейнах рек Зеленчук и Теберда (1895 г.), одним из результатов которых стало детальное описание ранних памятников христианства в крае – Зеленчукского и Сентинского храмов; произвел раскопки Курджипского кургана (1896 г.), кургана близ аула Габукай (1897 г.). В 1898 г. в «Кубанском сборнике» вышла обзорная работа В. М. Сысоева под названием «Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии», в которой автор сделал «обзор древностей и истории Кубанской области»², разбив их на хронологические периоды.

В апреле 1896 г. в «Кубанских областных ведомостях» В. М. Сысоев опубликовал статью «Об обществе изучения Кубанской области», где обозначил необходимость создания, цели и задачи такого общества. Как он позже отмечал, «потребность широкого изучения области и объединения научных сил сознавалась уже давно» и «она в известной степени удовлетворялась деятельностью областного статистического комитета», но при этом имела определенные ограничения «вследствие обычных условий организации комитета, как официального

¹ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 1–6.

² Сысоев В. М. Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии // Кубанский сборник. Т. IV. Екатеринодар, 1898. С. 1–14.

учреждения, удовлетворяющего прежде всего текущим государственным нуждам»¹.

Вскоре была организована инициативная группа, в состав которой вошли С. И. Борчевский, А. Д. Бигдай, А. Н. Дьячков-Тарасов и др., на заседаниях которой «было подготовлено решение о названии общества («Общество любителей изучения Кубанской области», далее – ОЛИКО), выработаны проект его устава, примерная программа его деятельности, объяснительная записка, а также текст прошения на имя наказного атамана и начальника Кубанской области»².

Прохшение подписали 57 человек, среди которых был и известный археолог, профессор Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский. Устав ОЛИКО был утвержден 16 октября 1896 г., а 21 декабря 1897 г. состоялось первое заседание его учредителей, открытое начальником Кубанской области, наказным атаманом Кубанского казачьего войска Я. Д. Маламой³.

В соответствии с уставом целью общества было «изучение, исследование и описание Кубанской области во всех научных отношениях»⁴. Для ее реализации предполагалось прежде всего «составить каталог и обзор всех тех трудов, сочинений и статей, которые касаются Кубанской области»⁵; через широкую информационную работу привлекать в состав общества как можно больше представителей местной, в том числе – станичной, интеллигенции; обеспечить поступление денежных средств (за счет членских взносов, публичных лекций и т.д.), необходимых для издательской деятельности и создания своего рода поощрительного фонда для вознаграждения, в случае необходимости, лиц, помогающих деятельности общества. Ставились также такие задачи, как организация и проведение научных экспедиций; ознакомление широкой общественности с результатами исследований через собственное печатное издание,

¹ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 1.

² Кирей Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 4. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1997. С. 42.

³ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 2.

⁴ Устав ОЛИКО // Известия ОЛИКО. Вып. I, Екатеринодар, 1899. С. 163.

⁵ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 3.

которым стали «Известия ОЛИКО»; взаимодействие с другими российскими и зарубежными научными обществами и учреждениями.

ОЛИКО просуществовало до 1932 г., при этом его деятельность на определенных этапах имела различный характер¹. Стоит отметить, что изучению древней истории края и памятников прошлых эпох большей частью уделялось внимание в первое десятилетие работы общества – именно в этот период была организована научная экспедиция членов общества В. М. Сысоева, А. Н. Дьячкова-Тарасова и С. И. Борчевского в Карачай (1898 г.), в ходе которой Сысоев провел археологические раскопки близ Сентинского храма, отчет о которых он опубликовал в первом выпуске «Известий ОЛИКО»². Показательно, что из 46 докладов различной тематики, заслушанных на собраниях ОЛИКО с 1897 по 1907 г., 30 докладов относились к истории, археологии и этнографии Кубанской области³. Позже тематика исследований общества сместилась к проблемам экономического и социального развития области, общим вопросам культурной жизни.

Главное значение ОЛИКО в сохранении памятников прошлого заключалось в широкой просветительской деятельности, в распространении научной и краеведческой информации, в том числе результатов научной деятельности его членов, сотрудничавших с крупными российскими общественными и правительственными научными организациями. При этом такие организации, представители которых – крупные ученые, внесшие весомый вклад в изучение недвижимого культурного наследия и выработку форм и методов по его сохранению, – руководствовались, в первую очередь, целями и задачами, поставленными официальной властью.

¹ Кирей Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 4. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1997. С. 42–43.

² Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 1.

³ Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): К 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. № 1–2. 2017. С. 151–162. См. также: Кузнецов В. А. «Родной брат ОЛИКО» (О Совете Обследования и Изучения Кубанского края Кубано-Черноморского Краевого Научно-Исследовательского Института) // Голос минувшего. 1997. № 1 (3). С. 34–42.

Таким образом, ко времени окончания Кавказской войны памятникоохранная деятельность в России, в том числе на территории полностью вошедших в ее состав Кубани и Черноморья, вышла на качественно новый уровень, в первую очередь, благодаря стремительному росту общественного интереса к сохранению историко-культурного наследия и одновременно развитию научного знания в области истории, археологии, этнографии и других, смежных, дисциплин. Вместе с тем именно научные инициативы и практики, направленные на выявление недвижимых памятников прошлого, их всестороннее изучение, введение в научный оборот результатов исследований и популяризацию памятников древности среди населения стимулировали и обеспечивали эту сферу государственной деятельности.

1.3 Начальный этап государственного регулирования в сфере сохранения недвижимых памятников

Постепенное повышение уровня образования в целом, развитие научного знания и рост общественного запроса на сохранение историко-культурного наследия, как в России, так и в мире, оказывали стимулирующее воздействие и служили основой для формирования направлений и методов государственного участия в сохранении памятников старины.

Известное внимание к памятникам античности уже в начале XIX в. обусловило ряд правительственных мер по выявлению и сбору древностей на территории Крыма и Тамани, которая находилась во владении Черноморского казачьего войска. В предписании Херсонского военного губернатора А. Э. Ришелье Таврическому гражданскому губернатору Д. Б. Мертваго от 6 июня 1805 г. упоминалось о высочайшем соизволении «никому из частных путешественников, Новороссийские губернии посещающих, не ...собирать могущих находиться там древних редкостей, разумея сие впрочем только о местах,

казне принадлежащих»¹, при этом в отношении земель негосударственных право разрешения на поиск и изъятие имеющихся на них памятников предоставлялось их владельцам.

Обнаруженные древние монументы, камни с надписями и т.п. должны были направляться на хранение в специально определенные для этих целей учреждения – например, в 1806 г. это был Харьковский университет², позже такими учреждениями стали музеи (Одесский, Керченский, Тифлисский и другие). В какой-то мере это должно было упорядочить процесс выявления и сохранения исторически ценных архитектурных и скульптурных остатков. Тем не менее разрушения и разграбления памятников продолжались.

В череде принятых правительством документов по сохранению обладающих +культурной и исторической ценностью материальных свидетельств прошлого выделяется указ от 4 июля 1822 «О сохранении памятников древности в Крыму», которым впервые устанавливалось финансирование ремонтно-реставрационных работ особо значимых древних архитектурных сооружений (к таковым были отнесены постройки греческого и гетуэзского периодов) за счет казенных средств³. Кроме того, в документе перечислялись официальные ведомства империи, которым доверялось ведение этих вопросов – Министерство внутренних дел (в его ведении надзор за памятниками находился с 1802 г.⁴), Министерство духовных дел и народного просвещения, Императорские Академия наук и Академия художеств⁵.

В 1826 г. Министерством внутренних дел согласно «высочайшему соизволению» был издан циркуляр в адрес гражданских губернаторов «О доставлении сведений об остатках древних зданий и о воспрещении разрушать оные», которым предписывалось «собрать немедленно следующие сведения по

¹ Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии. Дело № 183. 1805 года // ИТУАК. 1891. № 13. С. 35.

² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. С. 614.

³ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX вв.) // Очерки истории музейного дела в СССР. 1971. Вып. 7. С. 292–365.

⁴ Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 26.

⁵ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2018. С. 41.

всем губерниям: 1) в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности и 2) в каком положении они находятся», накладывался «строжайший» запрет на разрушение «таковых зданий», за что возлагалась ответственность на «начальников городов и местных полиций»¹. Позже, «высочайше утвержденным наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г., подтверждалась обязанность губернских начальников иметь «попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности», а «о всех находимых вновь древностях» немедленно сообщать «Министерству Внутренних Дел с надлежащую точностию и подробностию»².

В то же время эти и связанные с ними иные законодательные акты скорее имели рекомендательный характер и не устанавливали «степень ответственности должностных лиц за нарушение законов об охране памятников старины»³.

Специального документа, регулирующего вопросы по памятникам древности в земле Черноморского казачьего войска, не существовало, и, исходя из существующей структуры управления и особенностей владения этой территорией, право принимать решения принадлежало наказному атаману войска. Следует при этом отметить определенную степень вольности в исполнении предписаний сверху, которую допускала на первых порах казачья власть разных уровней. В этом отношении показательна длившаяся с 1831 по 1835 г. история «на основании Высочайшего разрешения» передачи хранящихся в Таманской церкви мраморных колонн и разного рода лапидарных памятников Керченскому музею⁴, так и не увенчавшейся полным успехом – колонны остались в Тамани, в керченский музей была вывезена лишь часть древних архитектурных фрагментов⁵.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830. Т. 1. № 794. С. 1373–1374.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1838. Т. 12. С. 385–386.

³ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2018. С. 43.

⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1156. Л. 1–32.

⁵ Тункина И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Изд. дом «Паллада», 2008. С. 60–63.

С 1830-х гг. в Северном Причерноморье начались массовые раскопки древних некрополей, вызванные сенсационными находками при открытии царского кургана Куль-Оба под Керчью. Немалую активность в масштабной добыче древностей проявило и государство, решившее взять этот процесс под свой контроль. При этом речь шла далеко не о сохранении памятников – главной задачей правительства являлось «пополнение Эрмитажа произведениями античного искусства большой художественной и материальной ценности»¹, для чего из казны стали выделяться значительные средства. Здесь следует сделать отметить, что в дореволюционный период на территории Кубани, а затем и Черноморья, в силу особенностей их исторического развития, памятниками древности считались преимущественно объекты археологии.

Приоритетным направлением для поисков древних ценностей оставался Крым, затем следовала Тамань. Уже в 1833 г. государственный чиновник, директор Керченского музея А. Д. Ашик обратился к наказному атаману Н. С. Завадовскому с просьбой о допуске к раскопкам в земле войска – на Таманском полуострове. Разрешение атаманом было выдано, однако при соблюдении определенных условий: наблюдения за их ходом «со стороны «заседателя таманского начальства, который обязан всему найденному в курганах непременно доставлять ко мне описи», заверенные обеими сторонами, а в случае открытия «денег, слитков золота или серебра и других драгоценностей... в большом весе, таковые, не отдавая тем чиновникам, представлять в начальство и тотчас доносить мне и Войсковой канцелярии»².

Очевидно, что обозначенные атаманом надзорные меры за земляными работами не имели целью спасение от разрушения памятников старины. Позже (в 1838 г.) чиновник Министерства внутренних дел Д. В. Карейша информировал императорский двор о том, что начальство черноморского казачества «препятствует проведению раскопок «стеснительными условиями» на основе

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб.: Наука, 2002 С. 327.

² Тункина И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Изд. дом «Паллада», 2008. С. 60.

дарованных войску привилегий о владении «ископаемыми в его землях богатствами», в связи с чем император Николай I был вынужден дать личное разрешение на раскопки «с тем, что впоследствии будет сделано войску следуемое по оценке вознаграждение»¹.

С 1836 г. на Таманском полуострове стали проводиться финансируемые государством официальные раскопки. До 1847 г. их осуществляли А. Б. Ашик (в 1836, 1840 и 1846 гг.) и Д. В. Карейша (в 1839, 1841–1843, 1845–1847 гг.). По своей сути эти раскопки, которыми «руководила одна жажда к золотым вещам»², носили характер кладоискательства и имели разрушительные последствия. Работы чиновниками велись неравномерно, одновременно в разных местах, не прибегая к научным методам исследования. В случае отсутствия быстрого результата или недополучения финансов вскрытые курганы оставлялись ими недоследованными, что приводило к дальнейшему разграблению и разрушению памятников. По современным расчетам «раскопками керченских археологов было затронуто не менее 160 курганов»³.

Ситуация усугублялась также практическим отсутствием научной отчетной документации – журналы раскопок не велись, почти не уделялось внимание составлению планов памятников и т.д. О ходе раскопок Ашик и Карейша докладывали в рапортах, которые направлялись в адрес керчь-еникальского градоначальника и затем в Петербург. В них содержались большей частью сведения «о сотнях вырытых кубов земли, ... запись вещей по рубрикам: золото, серебро, медь, железо...»⁴. Приложением к рапортам служили рисунки собственно находок, самые ценные из которых немедленно отправлялись в Эрмитаж, в итоге значительно обогатив его собрание.

¹ Тункина И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Изд. дом «Паллада», 2008. С. 60.

² Гёргс К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М.: Моск. археол. о-во, 1876. С. 14.

³ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 350.

⁴ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 348.

С начала 1850-х гг., благодаря влиянию министра внутренних дел (впоследствии министра уделов) графа Л.А. Перовского, характер официальных раскопок на Тамани изменился – «научные цели, методика исследований и их фиксация стали приобретать главное значение, раскопки были обеспечены финансированием...»¹ и т.д. По поручению министра Перовского с 1851 по 1855 г. их проведением занимался К. Р. Бегичев (в 1852–1853 гг. директор Керченского музея). Затем работы были прерваны событиями Крымской войны 1855 г.

Качественно новый этап в государственной охране историко-культурного наследия начался с утверждения в 1859 г. Императорской Археологической комиссии – созданного по инициативе графа С. Г. Строганова «специального органа в структуре центральной исполнительной власти, призванного осуществлять контроль за археологическими раскопками и охраной древних зданий на научной основе»².

Комиссия была отнесена к структуре министерства Императорского двора, ее целями были определены: «розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией»; сбор сведений «о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности»; «ученую разработку и оценку открываемых древностей»³.

Она получила право проведения археологических раскопок за счет казенных средств, контроля «за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности, о которых ее извещают местные начальства, а если не представляется затруднений, то и пересылают и самые находимые древности на ее рассмотрение» и за крупными земляными работами в местах потенциального обнаружения древностей. С 1889 г. комиссия обрела «исключительное право производства и

¹ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 350.

² Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва, 1999.

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1861. Т. 34. № 34109. С. 70.

разрешения раскопок с археологической целью на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных»¹.

Основатель комиссии С. Г. Строганов, «воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической комиссии поиск его ярких произведений», поэтому изначально и на продолжительное время «в поисках погребений скифских царей, описанных Геродотом»², основными районами для ее исследовательской деятельности стали степи Нижнего Подонья и территория бывшего Боспорского царства – Крым и Таманский полуостров.

К раскопкам на Тамани Археологическая комиссия приступила в первый же год своего существования. Их производство было поручено К. К. Гёргу – доценту, преподавателю кафедры археологии и истории искусств Московского университета. Собранные им сведения о производившихся ранее раскопках и результаты собственных исследований легли в основу получивших широкую известность трудов «Археологическая топография Таманского полуострова»³ и «Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г.»⁴, которые «вот уже более ста лет исполняют в литературе роль введения в археологию Таманского полуострова»⁵.

Продолжившиеся через четыре года после К. К. Гёрга исследования памятников (в первую очередь, курганов) Таманского полуострова осуществлялись исключительно членами Императорской археологической комиссии вплоть до 1918 г., исключение из этого правила составили несанкционированные, грабительские раскопки.

С тем, чтобы привлечь к деятельности по сбору материалов о памятниках старины российские провинции, Министерством внутренних дел был издан

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Том II (3). Араго – Аутка. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1890. С. 235.

² Тихонов И. Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. № 4. 2009. С. 7.

³ Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. II. Вып. 3. М., 1870.

⁴ Гёрг К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва: Моск. археол. о-во, 1876

⁵ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII – начало XX вв.) // Боспорские исследования. № 39. 2019. С. 354.

циркуляр в адрес Центрального статистического комитета «О доставлении сведений о памятниках древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» от 27 апреля 1863 года. Одновременно Археологическая комиссия стала направлять в губернские статистические комитеты ежегодные отчеты и периодические издания археологических обществ¹.

В Кубанской области на тот момент статистического комитета не было, подготовкой отчетов о состоянии дел на ее территории занималась статистическая часть при Кубанском войсковом правлении, ограничившаяся «немногочисленными данными, доставляемыми местными полицейскими управлениями и другими учреждениями»². В 1878 г. с инициативой создания Кубанского областного статистического комитета выступил начальник области и наказной атаман Кубанского казачьего войска Н. Н. Кармалин, и в 1879 г. учреждение (секретарем которого, как упоминалось ранее, был назначен Е. Д. Фелицын) начало свою деятельность, одним из неофициальных направлений которой стало изучение и сохранение богатого историко-культурного наследия Северо-Западного Кавказа.

Постепенное развитие российского законодательства, так или иначе связанного с вопросами сохранения памятников старины, безусловно, находило отражение в деятельности руководства Кубанской области. Иллюстрацией тому вполне может служить приказ по Кубанскому казачьему войску от 18 мая 1865 г. № 47, изданный начальником области и наказным атаманом Сумароковым-Эльстоном по случаю передачи отставным казаком Кольцовым в войсковой штаб случайно найденных его сыном «двух кусков обработанного золота, из коих один изображает змея, а другой в простом пруте, всего весом 78 золотников»³. В приказе сообщалось об отправке находки к начальнику Главного штаба Кавказской армии со ссылкой на приложение (примечание 2) к касающейся в целом находок статье 539 тома X части 1-й Свода гражданских законов (1857 г.). Далее в

¹ Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005

² Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. Т. IV. Краснодар: Книга, 2012. С. 34.

³ Кубанские областные ведомости. 1865. № 21. 29 мая. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й.

документе отмечалось, что золотые изделия были перенаправлены в Главное управление Наместника Кавказа, где «специально знакомый с археологиею Генерал-Майор Бартоломей» определил их как ожерелья тавроскифских царей времен Боспорского царства. Стоимость самого драгоценного металла была установлена ювелирами в 323 рубля 12 копеек. В качестве поощрения нашедшему их казаку великим князем, Наместником Кавказа, приказано было выдать полную стоимость металлического лома и 25 рублей сверх, что составило 348 рублей 12 копеек. В этой связи было Сумароковым-Эльстоном было предписано прочесть приказ «на полных станичных сборах и в строевых частях», завершившийся обращением: «Приглашаю местное начальство обратить внимание всего населения на древние и дорогие редкости, скрытые в земле Кубанской. Всякая представленная начальству находка, составляющая редкость, будет, как и теперь, достойно вознаграждаться»¹. Примечательно, что к этому времени уже действовало положение, разработанное в 1862 г. Археологической комиссией – «О вознаграждении находчика клада и всех древностей до 1700 года»².

В 1867 г. распоряжением войскового начальства было предписано «принять к сведению и исполнению по войску» циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 4 ноября 1866 г. «О недозволении раскопки курганов и городищ»³, а вслед за этим наказной атаман Кубанского казачьего войска приказал «объявить всем жителям на полных станичных сборах, чтобы они... при самом появлении признаков, напоминающих о древностях, тотчас заявляли о них ближайшим местным властям, а сим последним, по осмотре заявлений, удостоверившись, что открытый предмет действительно может быть интересен, приставили караул для сделания распоряжения о поручении дальнейшего исследования лицам, знакомыми с приемами подобного дела. При этом объяснить

¹ Кубанские областные ведомости. 1865. № 21. 29 мая. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й.

² Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2018. С. 55.

³ Кубанские областные ведомости. 1867. № 22. 10 июня. «Распоряжение войскового начальства».

жителям, что они за открытие древностей, кроме оценки по стоимости найденной вещи, будут получать еще особое сверх того вознаграждение»¹.

Очевидно, что материальное стимулирование населения имело некоторые положительные результаты, поскольку в дальнейшем сообщения о крупных вознаграждениях за переданные властям ценные находки регулярно появлялись как в официальной, так и в неофициальной частях областной газеты, однако в то же время постоянно фиксировались факты разграбления памятников².

При еще не сложившейся государственной системе законодательного регулирования вопросов по сохранению памятников старины в ряду мероприятий, которые осуществляло кубанское начальство, выделялись основные: достаточно оперативное информирование войска и населения о соответствующих распоряжениях центральной власти, официальное реагирование на конкретные случаи, связанные с раскопками и находками древностей, а также поддержка научной и просветительской деятельности кубанских ученых и краеведов в их изысканиях, издании трудов, организации выставок, формировании коллекции музея и т.д. Более того, именно ученые готовили проекты нормативных документов, связанных с памятниками.

Так, в июле 1883 г. был издан циркуляр Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе о мерах по сохранению памятников, и уже декабре вышло соответствующее предписание начальника Кубанской области Шереметева «Станичным, сельским, аульным, слободским и колонийским правлениям Кубанской области», подготовленное секретарем Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицыным. Местным правлениям вменялось «в неперемнную обязанность принимать все зависящие от них меры к охранению от самопроизвольных раскопок, разрушения и расхищения памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель». Всем без исключения запрещалось производство раскопок без «особого письменного разрешения

¹ Кубанские областные ведомости. 1867. № 50. 23 декабря. Копия с циркулярного предписания Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. От 15 декабря 1867 года. № 4047.

² Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4. С. 2–5.

областного начальства», при этом «члены Императорской Археологической комиссии и члены других ученых обществ», которые пребывали в Кубанскую область для археологических исследований, снабжались «особыми свидетельствами на право раскопок». С целью надзора за земляными работами от станичных и «равных с ними» правлений должны были назначаться «особые доверенные лица, которые обязаны безотлучно находиться при раскопках до совершенного окончания их». Копии журналов раскопок с описью найденных вещей и данными производивших их лиц предписывалось передавать в местные правления. Случайно найденные древние предметы необходимо было доставлять в областное правление для дальнейшей их научной оценки и определения суммы вознаграждения за предоставление находки. В предписании указывалось о наступлении законной ответственности за утаивание находок, проведение несанкционированных раскопок и причинение какого-либо вреда памятникам древности – о таких правонарушениях местные правления обязаны были незамедлительно сообщать начальнику области, «приняв вместе с тем все зависящие меры к ограждению от дальнейшего разрушения памятников древности и сохранению в целости случайных находок». Для осуществления контроля за исполнением местных правлений «обязанностей по охранению памятников древности» предлагалось в шестимесячный срок составить и предоставить в статистическое управление подробные описи «всех вещественных памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель»¹.

Действенных механизмов привлечения к ответственности за неисполнение положений данного предписания в то время не было, и нарушений в этой сфере было множество. При этом известны случаи, когда предписание действительно исполнялось – один из них связан с обнаружением местными жителями входа в гробницу Карагодеуашха, после чего правление станицы Крымской выставили караул, охранявший памятник до приезда Е. Д. Фелицына².

¹ ГАКК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 184. Л. 9.

² Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4. С. 5.

В последние годы XIX – начале XX вв. деятельность властей Кубанской области, а затем и Черноморской губернии (образована в 1896 г. на основе Черноморского округа, входившего до этого в состав Кубанской области) в целом находилась в русле общероссийских тенденций в деле охраны памятников, когда по инициативе научных обществ в правительстве был поднят вопрос о необходимости принятия соответствующего закона и был запущен процесс по его разработке, прерванный, однако, с началом Первой мировой войны¹.

На Кубани в 1900-е годы роль такого научного общества стал играть войсковой этнографический и естественно-исторический музей, который в этот период возглавляли самые заметные представители кубанского научной интеллигенции В. А. Щербина (с 1903 по 1907 гг.), К. Т. Живило (с 1907 по 1910 гг.), И. Е. Гладкий (с 1910 по 1921 г.). В формировании местной правовой системы по охране памятников немалое значение имело и личное отношение к историко-культурному наследию начальника области, наказного атамана М. П. Бабыча (с 1908 по 1918 гг.), который, по словам Гладкого, «в числе многих забот не проминул также обратить своего взора и на слабую постановку дела в Кубанской области и в отношении памятников старины, что и выразил в... своих горячих призывах ко всем обывателям области приглашая всемерно щадить памятники старины и передавать таковые в Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей для сохранения будущим поколениям»².

Благодаря усилиям Гладкого был поднят «вопрос сохранения исторических памятников на колоссально высокий по тому времени уровень. На Кубани были приняты документы, предусматривающие самые разнообразные меры по предотвращению самовольных раскопок, кладоискательства, незаконной торговли старинными предметами. Местным законодательством предусматривались

¹ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2018

² О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. III.

денежные штрафы, дисциплинарные взыскания, лишение казачьего звания и даже высылка из области»¹.

Собственно И. Е. Гладкий и готовил проекты циркуляров и приказов по этим вопросам, среди которых, в частности, значились: циркуляр от 4 августа 1908 г. № 22 о составлении списков выявленных в Кубанской области дольменов и принятии мер по обеспечению их сохранности «наравне с курганами»²; циркуляр от 26 января 1909 г. № 58 о сборе сведений о «сталактитовых и искусственных пещерах в горах» – местах обитания древнего человека³; целый ряд циркуляров о мерах пресечения хищнических раскопок и сбыта найденных ценностей⁴.

Показательны формулировки таких циркуляров, содержащие мощный воспитательный посыл к их адресатам. «Русским следовало бы подражать черкесам, которые свято почитая могилы своих предков и родителей, не коснулись ни греческих церквей, ни дольменов, ни курганов, – гласил циркуляр Бабыча от 13 мая 1910 г. – Русские же не только разрывают курганы, варварски уничтожали дольмены и начали разбивать в горных пещерах сталактиты и сталагмиты, уничтожая красоту природы и забивая даже входы в пещеры»⁵. В другом документе – приказе по Кубанской области от 20 сентября 1912 г. – подчеркивалось: «Кзаков-Кубанцев, которые, следуя дурному примеру иногородних, сами поддаются соблазну, как лиц, не только не радеющих о пользе Государственной, но и позволяющих у себя на родине расхищать древности отечественной старины, в пример другим также привлекать к уголовной ответственности, а приказных и урядников кроме того представлять к лишению их званий, службою

¹ Науменко В. Е. Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века) // Наследие веков. 2016. № 3. С. 44–60. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf (дата обращения 04.05.2020). С. 54.

² О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. 4–5.

³ О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. 6–7.

⁴ О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. 7–15.

⁵ О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. 7.

приобретенных, как недостойных носить его»¹. Важно, что одновременно с наказаниями в области действовала система поощрений за успехи в предотвращении грабительских раскопок и похищении предметов древности.

Можно сказать, что к концу 1910-х гг. усилия власти – центральной и местной – по государственному обеспечению сохранения историко-культурного наследия Кубани и Черноморья в определенной степени имели положительный результат, который, однако, во многом зависел от субъективных факторов, в том числе от личной образованности и ответственности представителей власти.

¹ О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. С. 15.

ГЛАВА 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.1 Становление и развитие системы охраны памятников истории и культуры в регионе

Практически сразу после перехода центральной власти в России к советскому правительству был поднят вопрос о формировании единой государственной системы охраны памятников. В марте 1918 г. при Народном комиссариате просвещения была образована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, в мае того же года преобразованная в Отдел по делам музеев и охраны памятников в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР. На основе Императорской Археологической комиссии в ноябре 1918 г. была образована Российская государственная археологическая комиссия (с 1919 г. – Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), с 1926 г. – Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК), с 1937 г. – Институт истории материальной культуры АН СССР), на которую были возложены функции научного обеспечения и консультирования отдела по делам музеев и охраны памятников¹.

По всей стране, в соответствии с постановлением Наркомпроса от 7 декабря 1918 г., начали создаваться соответствующие местные структуры – подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Отделах народного образования губернских, краевых или областных органов власти. Они находились в ведении центрального Отдела и, в первую очередь, должны были выполнять

¹ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 12–13.

задачи выявления и учета памятников согласно декрету от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»¹.

В целом в первое десятилетие советской власти «основное внимание было сосредоточено на обосновании необходимости создания государственной системы охраны, выработки государственного законодательства в этой сфере, трактовке музейной деятельности как важнейшего механизма памятникоохранной деятельности», вместе с тем «подчеркивалось значение культурного наследия как базы для построения нового общества»².

В этой связи нельзя не отметить одно из важнейших структурообразующих мероприятий советского правительства 1920-х гг. – создание Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука). В ведение Главнауки перешли «все учреждения, связанные с организацией охраны памятников, их изучением и пропагандой: отдел по делам музеев и охраны памятников, музеи, РАИМК, Институт истории искусств в Петрограде (при нем существовал Комитет по изучению художественных памятников Петрограда и окрестностей), Музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде, Центральное бюро краеведения (ЦБК), Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)»³. Все это свидетельствовало о начавшемся процессе по созданию единой централизованной системы охраны памятников.

На Кубани и Черноморье Советская власть была установлена в 1920 г. Эти территории вошли в состав вновь образованной Кубано-Черноморской области (просуществовавшей до 1924 г.), главным руководящим органом которой стал Кубано-Черноморский областной революционный комитет⁴ (с января 1921 г. –

¹ Декрет от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» // Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: «Советская Россия», 1973. С. 22–24.

² Донцова А. А. Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведения. 2017. № 27. С. 99–117. С. 101.

³ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 34.

⁴ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. С. 62.

Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских и горских депутатов).

В соответствии с правительственными декретами в составе областного отдела народного образования был сформирован музейно-архивный подотдел с секцией охраны памятников искусства и старины, в 1921 г. преобразованный в Кубано-Черноморское областное управление по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы. Возглавил управление Г. Г. Григор – профессор Краснодарского педагогического института¹.

В части охраны недвижимых памятников старины основное внимание управления, как и в дореволюционный период, было направлено на археологическое наследие. Показательно, что именно Кубано-Черноморским управлением были подготовлены предложения по охране археологических памятников археологии², которые нашли отражение в декрете ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г., где, в частности, предписывалось следующее: «...Должны быть установлены достаточные меры к охране памятников (курганов, городищ, стоянок и т.п.) с тем, чтобы не производились никакие действия, разрушающие целостность означенных памятников, а раскопки таковых производились бы исключительно на основании открытых листов, выдаваемых Отделом по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра Народного Комиссариата Просвещения... Все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруживаемые при земельных работах или на поверхности земли при осыпях, размывании и проч., должны обязательно сдаваться в ближайшие государственные музеи»³.

На территории области наряду с уже действующими музеями открывались новые – всего на территории области в 1920-е гг. действовало 10 музеев историко-краеведческого профиля⁴. Одним из заметных музейных центров, которому были переданы полномочия по охране памятников, был открытый в 1920 г. естественно-

¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 277. Л. 14, 14 об.

²Личный архив В. А. Гараниной. Гаранина В. А. Проблемы сохранения историко-культурного наследия на Кубани в XX в. Материалы к конференции «Гуманитарная мысль Юга России в XX в.». Рукопись. Б/д.

³ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: «Советская Россия», 1973. С. 39.

⁴ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.

педагогический (с 1924 г. – краеведческий) музей в Темрюке, основанный и возглавляемый С. Ф. Войцеховским (1895–1931), тесно сотрудничавшим со столичными археологами.

Среди задач, поставленных Кубано-Черноморским управлением, значились: подготовка к изданию сборника «Старина Кубани», обследование и фотофиксация исторических мест в окрестностях Краснодара и на Таманском полуострове, подготовка и издание новой археологической карты Кубано-Черноморской области. В числе прочего, была составлена и направлена во все краеведческие организации и культурные учреждения области специальная инструкция по учету памятников старины¹.

В 1921 г. по инициативе управления была организована Таманская археологическая база, сотрудниками которой наряду со сбором подъемного археологического материала, проведением охранных мероприятий (например, была предпринята попытка сооружения защитного перекрытия над знаменитым беломраморным саркофагом в Тамани), для населения организовывались экскурсии и велась просветительская работа по разъяснению ценности памятников археологии и недопустимости самовольных раскопок². Основное же внимание Кубано-Черноморского управления было сосредоточено на составлении списков археологических памятников³.

Параллельно музейная секция занималась выявлением и составлением списков ценных предметов, находящихся у граждан, в организациях и учреждениях, вменив им в обязанность подачу соответствующих заявлений «в подсекции охраны памятников старины и искусства в целях устройства ряда временных выставок»⁴.

Показательно, что областное управление по делам музеев и охраны памятников не было причастно к решению таких специфических задач, как разрушение по идеологическим соображениям высокохудожественных

¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.

² ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 277, 174.

³ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 47.

⁴ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 42–43; Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

произведений монументального искусства и архитектуры в имперского времени в административном центре области – городе Краснодаре (бывшем Екатеринодаре): памятника Екатерине II (1907 г., скульпторы М. О. Микешин, Б. В. Эдуардс), Триумфальной Александровской арки (1888 г., архитектор В. А. Филиппов) и обелиска в честь 200-летия Кубанского казачьего войска (и 1897 г., архитектор В. А. Филиппов).

Что касается археологических исследований, с 1923 г. по всей стране начал действовать порядок, по которому раскопки могли производиться лишь при наличии открытых листов, выданных музейным отделом Главнауки. С 1927 г. для получения открытого листа требовался еще и отзыв на запрос о выдаче со стороны ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры). В свою очередь о выдаче листов музейный отдел Главнауки (Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями) должен был извещать облисполкомы (областные исполнительные комитеты) и местные музеи, в которые поступали находки. Основными нормативно-правовыми документами в данном случае служили Декрет ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства и старины»¹ и разработанная Главнаукой Инструкция «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утвержденная Президиумом ВЦИК 7 июля 1924 г.², согласно которым обязанности по охране памятников зодчества, археологии, музейного имущества, парков и садов, памятников природы возлагалась на областные (губернские, краевые) исполкомы, а движимые предметы старины должны были передаваться в ближайшие музеи.

Территория Кубано-Черноморской области, с 1924 по 1934 гг. относившейся к Северо-Кавказскому краю (в 1934–1937 гг. – районы Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Краснодарский край)³, в продолжение дореволюционной традиции вошла в ряд приоритетных направлений археологических исследований. В этот период по открытым листам, выданных Главнаукой, на Таманском полуострове

¹ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: «Советская Россия», 1973. С. 38–40.

² Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: «Советская Россия», 1973. С. 42–53.

³ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. С. 77–80, 96–97, 114.

работали археологические экспедиции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) под руководством А. С. Башкирова (1926–1927 гг.), Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) под руководством Л. П. Харко и К. Э. Гриневича (1927–1930 гг.), Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством А. А. Миллера (1930–1931 гг.)¹, в окрестностях станицы Ильской – Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством С. Н. Замятина (1925–1926 гг.)² и др.

В начале 1930-х гг. в стране «возникла тенденция «децентрализации» управления музейным делом и охраной памятников»³. В ходе реорганизации Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения) была ликвидирована Главнаука, а ее функции переданы новому – подразделению – Музейной группе сектора наук Наркомпроса. Музеи на местах, которым были поручены вопросы, связанные с охраной памятников, «ни юридическими полномочиями, ни финансовыми возможностями для этого не располагали: средства для проведения охранных мероприятий были крайне ограничены, так как все ресурсы страны с огромным напряжением мобилизовывались на нужды индустриализации и коллективизации»⁴. На Кубани и Черноморье это привело к прекращению на несколько лет научных археологических исследований. Лишь в 1936 г. археологические раскопки были возобновлены, и вновь прервались с началом войны в 1941 году.

Как известно, Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в отношение власти к историко-культурному наследию страны – на высшем государственном уровне была провозглашена его ценность для восстановления и развития державы. Уже в январе 1942 г. при Наркомате

¹ Паромов Я.М. Паромов. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 240–243.

² Лимберис Н.Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 6.

³ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 66.

⁴ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 67.

просвещения РСФСР была создана группа по охране памятников революции, истории, культуры и искусства, а в конце того же года при Совнаркоме СССР образована Чрезвычайная Государственная комиссия по учету разрушений и ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками. В сентябре 1943 г. был образован Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР, в структуре которого создано Главное управление по охране памятников, представители которого направлялись на обследование находящихся в зоне боев или оккупированных территорий сразу после их освобождения.

С этой целью представитель Комиссии по охране памятников искусства при Комитете по делам искусства при СНК СССР архитектор Н. Н. Белехов прибыл в Краснодарский край в ноябре 1943 г. Именно тогда был поднят вопрос о сохранении архитектурного наследия региона, и одним из первых архитектурных объектов на Кубани, причисленных к памятникам истории и культуры, стал относящийся к концу XVIII – первой половины XIX веков ансамбль зданий и сооружений бывшей Екатерино-Лебяжской Свято-Никольской пустыни в Брюховецком районе. На въездных воротах бывшего монастыря (на тот момент это была территория совхоза) была помещена информационная доска с надписью о том, что здания находятся под государственной охраной¹. Однако позже ансамбль из официальных списков исчез². Более того, сами здания и сооружения монастыря были разрушены, и лишь две из сохранившихся построек – бывшая мельница (ныне гостиница) и здание водокачки – были включены в список памятников, причем мельница первоначально была включена как памятник истории, связанный с событиями революционного времени («Здание, где была организована первая коммуна «Набат», 1918 г.»).

Позже к числу памятников были отнесены два объекта в Анапе – «Древнегреческий склеп, II в. до н.э.» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Склеп древнегреческий (синдский), III–II в. до н.э.») и «Русские ворота» (ныне объект культурного наследия федерального значения

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 1 об.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 93.

«Крепость турецкая, 1781–1783 гг.: ров оборонительный, «Русские ворота»), а также «Дом атамана Бурсака» в Краснодаре (ныне объект культурного наследия регионального значения «Дом атамана Ф. Я. Бурсака, 1830-е годы»)¹. Таким образом было положено начало формированию государственного списка памятников истории и культуры Краснодарского края.

В июне 1944 г. был создан краевой орган по охране памятников – инспекция по охране памятников архитектуры при отделе по делам архитектуры крайисполкома. В структуре отдела на тот момент работали два сотрудника – архитектор Е. П. Краснова, на которую были возложены обязанности инспектора по охране памятников – она составила первые списки ценных в архитектурном отношении объектов, и инженер-архитектор К. Б. Скорняков².

В том же 1944 году с целью выявления ущерба, причиненного музейным коллекциям и недвижимым, включая археологические, памятникам истории и культуры, специально созданной комиссией, в которую вошел краснодарский археолог Н. В. Анфимов, была обследована станица Тамань с окрестностями. А с начавшимися в 1947 году раскопками на городище «Фанагория», которые вела совместная экспедиция ИИМК – ГМИИ, возобновились планомерные научные археологические исследования Таманского полуострова, продолжающиеся до настоящего времени.

В 1946 г. инспекция по охране памятников обследовала оба включенные в списки объекта в Анапе – были произведены их обмеры и фотосъемка, составлены акты технического состояния, подготовлены программы первоочередных мероприятий по восстановлению и поддержанию, практическая реализация которых, однако, значительно осложнялась громоздкой бюрократической системой финансирования таких работ. Так, разрешение на проведение восстановительных работ и утверждение проектно-сметной документации принималось в Москве, правительством РСФСР, а финансирование мероприятий

¹ ГАКК. Ф. 1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 4, 4об.

² Маркова О. Н. К истории Екатерининской церкви в Краснодар // Кубанский сборник. Том IV (25). Краснодар: Книга, 2012. С. 342.

возлагалось на местные бюджеты, состояние которых в период послевоенного восстановления было далеко от благополучного.

Показателен в этом отношении эпизод с попыткой реставрации античного склепа и Русских ворот в Анапе. Так, 23 февраля 1945 г. было вынесено постановление № 729 Совета министров РСФСР о восстановлении памятников архитектуры в городах Краснодаре и Анапе, в соответствии с которым позже был утвержден «Титульный список на восстановление памятников архитектуры Краснодарского края на 1946 г.» в сумме 300 тысяч рублей¹. При этом денежные средства на проведение восстановительных работ краю выделены не были. В этой связи начальник краевого отдела по делам архитектуры Патрикеев обратился в адрес председателя крайисполкома Бессонова с докладной запиской о невозможности провести требуемые восстановительные работы, а позже предложил ходатайствовать перед Советом Министров РСФСР «об ассигновании специальных средств в сумме 200 тыс. рублей на восстановление памятников архитектуры в Анапе». На это был получен ответ следующего содержания: «В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 1 сентября 1946 г. № 2081-р разрешить Анапскому горисполкому израсходовать в 1946 г. из бюджета района 200 тыс. рублей на восстановление памятников архитектуры в г. Анапе»². При том, что в бюджете района необходимых средств также не было, следующее распоряжение, поступившее в анапский горисполком, требовало «добиться через РАЙФО срочного открытия финансирования»³. После долгих препирательств, взаимных пересылок документации в разные инстанции и различных согласований Коммунальный банк г. Новороссийска выдал разрешение на финансирование «реставрационных» мероприятий, которые были начаты силами Анапского горкомхоза. Но, едва начавшись, работы остановились, так как финансирование вновь было закрыто, а выполненные работы стоимостью в 13 тыс. рублей остались неоплаченными. Такая ситуация сохранялась еще долгое время, и к ремонту

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

³ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

памятников приступили лишь в 1949 г., при этом сумма аванса составила 3,2 тыс. рублей¹.

В 1947 г. в Краснодарском крае перешли к заключению типовых охранно-арендных договоров на использование памятников архитектуры. Тарифы на аренду были стандартные, но допускался их пересмотр «в соответствии с местными условиями» с последующим утверждением крайисполкома². Согласно пункту 5 постановления правительства от 22 мая 1947 г. № 389, в том случае, если пользователи не обеспечивали «сохранность и правильное использование» памятников, последние могли быть у них изъяты с наложением требований о возмещении убытков и восстановлении повреждений. Собственно, на этом основании крайисполком и выносил предписания (длительное время безуспешно) властям Краснодара – освободить дом Бурсака от нерадивых жильцов, доведших памятник до состояния аварийности, и провести реставрацию, а Анапскому горисполкому – отремонтировать (отреставрировать) памятники за счет местного бюджета.

Гораздо результативнее сложились отношения с приходскими общинами Русской Православной Церкви, в пользовании которых находились памятники культового зодчества – Рождественская церковь в селе Калинино города Краснодара, в списках памятников значащаяся по первоначальному наименованию – Екатерининской (это был один из первых екатеринодарских храмов, деревянный, решенный в стиле «украинского барокко», перемещенный на территорию с. Калинино в 1914 году) и Покровская церковь в Тамани. Обе общины подписали охранно-арендные договоры, за исполнение которых несли двойную ответственность – перед гражданскими и церковными властями. Например, текущий ремонт Екатерининской церкви за счет средств верующих проводился ежегодно, а к 1952 г. был проведен капитальный ремонт здания, и в дальнейшем,

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 11–22, 54.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.

вплоть до закрытия церкви (предположительно, в начале 1960-х гг.), техническое состояние памятника нареканий не вызвало¹.

Вместе с попытками принятия мер по охране существующих памятников, в соответствии с приказом управления по делам архитектуры при СНК РСФСР от 31 мая 1947 г. велась работа по расширению списка расположенных на территории края памятников архитектуры, подлежащих государственной охране².

Дополнительно к ранее поставленным на государственную охрану памятникам на учет были поставлены с составлением аннотаций и паспортов: «Суворовская крепость» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Крепость «Фанагорийская» (валы и рвы), 1793–1795 гг.»), «Покровская церковь со звонницей» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Церковь Покрова Пресвятой Богородицы со звонницей, 1973 г») и «Памятник запорожцам» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Памятник первым запорожцам, вы-садившимся у Тамани в 1792 г., 1911 г., ск. Адамсон А.И., арх. Фон-Гоген А.И.») в станице Таманской (Тамань), «Семибратнее городище» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Городище «Семибратнее», V в. до н.э.–III в. н.э.») у разъезда Чекон близ Анапы, «Екатерининская церковь» в с. Калинино города Краснодара (утрачена в 1978 г.), а также «Собор Лебяжьего монастыря». Кроме того, «были проведены работы по выявлению сведений и установка памятников бойцам, павшим в Отечественную войну»; «взято на учет 6 памятников [связанных с войной], возведенных и проектируемых в городах Краснодаре, Анапе, Новороссийске, Армавире и Геленджике»³.

Новый этап оптимизации системы государственной охраны памятников начался с принятием в 1948 г. ряда основополагающих нормативно-правовых актов: Постановления Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах по улучшению охраны памятников культуры» и приложенного к нему

¹ Маркова О. Н. К истории Екатерининской церкви в Краснодар // Кубанский сборник. Том IV. Краснодар: Книга, 2012. С. 343–345.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 31.

³ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 4 об.

«Положения об охране памятников культуры», с выходом постановления Совета министров СССР от 28 мая 1949 г. № 373 об утверждении «Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР»¹ и последовавшим изданием конкретных инструкций, подготовленных профильными ведомствами².

Эти документы на длительный период определили развитие памятникоохранной деятельности в СССР, в основу которой впервые был положен комплексный, системный подход. Тогда же начал работать Научно-методический Совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР под руководством И. Э. Грабаря.

Все памятники истории и культуры классифицировались по видам и категориям охраны. Выделялись четыре основных вида памятников: «а) памятники архитектуры: гражданские и культовые здания, кремли, крепости, дворцы, усадьбы, парки, руины и остатки древних сооружений, триумфальные арки, мосты, надгробные памятники, мавзолеи и пр., а также связанные с ними произведения монументальной живописи, скульптуры, прикладного и садово-паркового искусства; б) памятники искусства: произведения станковой живописи и скульптуры, произведения графики и предметы декоративного искусства, находящиеся в государственных учреждениях и хранилищах, а также скульптурные памятники и пр.; в) памятники археологии: древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находимые древние предметы; г) памятники исторические: сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционным движением, гражданской и

¹ Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 65–75.

² Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 82–128.

Великой Отечественной войнами, социалистическим строительством; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории и техники, военного дела, хозяйства и быта»¹.

Примечательно, что в приведенной классификации к памятникам искусства были отнесены в основном движимые объекты, исключение составляли «скульптурные памятники», которые могли быть произведениями не только станкового, но и монументального искусства.

В общем массиве выделялась особая категория памятников, имеющих «выдающееся научное, историческое и художественное значение», которые составляли категорию памятников культуры «общесоюзного значения»². Управление охраной памятников была разделено между тремя ведомствами: Комитетом по делам культурно-просветительских учреждений при Совете министров РСФСР – он занимался вопросами археологических и исторических памятников (при этом за выдачей Открытых листов на раскопки ведала Академия наук СССР); Комитетом по делам искусства при Совете министров СССР, в ведении которого были соответственно памятники искусства; Главным управлением охраны памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР.

На региональном уровне задачи охраны памятников и надзора за их «сохранным содержанием» возлагались на Советы министров автономных республик и исполкомы Советов депутатов трудящихся³. В Краснодарском крае с 1949 г. «руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны, использования и реставрации археологических и исторических памятников» было возложено на отдел культурно-просветительских учреждений крайисполкома⁴. Всего в то время

¹ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 68.

² Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 69.

³ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 69.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 15. Л. 67.

в списке памятников истории и культуры Краснодарского края значились восемь объектов¹

Первая проведенная отделом проверка состояния памятникоохранной деятельности показала следующее: «... в ряде городов и районов края братские и индивидуальные могилы воинов, погибших в период Отечественной войны и Гражданской войны, историко-археологические и архитектурные памятники содержатся в неудовлетворительном состоянии. В городе Краснодаре, на городском кладбище, где захоронены воины и партизаны Отечественной войны, до сих пор нет изгороди, большинство надмогильных холмиков разрушены. В городе Геленджике, на городском кладбище, участок с погребением воинов Советской Армии не огорожен, таблички с именами погибших утеряны. В городе Анапе историко-архитектурный памятник «Русские ворота» не ремонтируется. В Варениковском районе историческая крепость первой половины XIX в. разрушается, древние городища на хуторе «Красная Батарейка» и «Редант» распаиваются, строительный камень вывозится для хозяйственных нужд колхозников...»².

Из приведенного отрывка видно, что приоритетное внимание здесь уделялось воинским захоронениям, сохранности включенных в списки памятников объектам и памятникам археологии, которые по-прежнему разрушались населением, невзирая даже на установленную законом уголовную ответственность.

В качестве мер по преодолению обозначенных выше проблем в Решении Краснодарского крайисполкома от 5 мая 1949 г. № 749 значились как традиционные: «не допускать производство раскопок исторических и археологических памятников... лицами, не имеющими на это специального разрешения Академии наук СССР»; «запретить использование в качестве строительного материала распашку или разрытие для каких-либо хозяйственных целей указанных памятников»; так и вполне конкретные – установить вокруг памятников культуры охранные зоны: «для исторических и археологических

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 93.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 93.

памятников (для древних городищ) – 10 метров, для древних кладбищ, могил – 5 метров, для земляных валов и рвов – 2 метра, для древних курганов – 1 метр». Если по каким-либо причинам разрешался снос или изменение облика памятника, то краевой отдел культуры был обязан организовать работы по проведению научного исследования объекта культуры, которые включали раскопки, фотофиксацию, обмеры, передачу находок музеям и т.п. При этом финансирование исследований должны были обеспечивать получившие соответствующее разрешение заинтересованные организации¹.

В 1954 г., с образованием министерств культуры СССР и союзных республик, в стране начался процесс централизации управления деятельностью по сохранению культурного наследия. В структуре Министерства культуры РСФСР было образовано Управление музеями и охраной памятников, в это же ведомство «перешел Научно-методический Совет по охране памятников, Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР), Центральная научно-реставрационная мастерская (ЦНРМ); Министерству культуры РСФСР была передана Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская (ГЦХНРМ) им. академика И. Э. Грабаря. В 1957 г. после ликвидации Комитетов по делам архитектуры и искусств, к министерствам культуры перешло управление памятниками архитектуры и искусств»². Результатом более тесного взаимодействия этих организаций внутри одной структуры стали благоприятные условия для организации музеев-заповедников, переход на качественно новый уровень учета памятников. В 1957 г. был составлен первый государственный список исторических памятников Российской Федерации, в котором объекты были расставлены в алфавитном порядке по административно-территориальному принципу (по автономным республикам, краям и областям). Список памятников республиканского значения по Краснодарскому краю был принят постановлением

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 15. Л. 72–73.

² Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 112–113.

Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», в котором законодательно были обозначены две категории историко-культурного значения — памятники государственного (республиканского) значения и памятники местного значения¹.

С учреждением в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и созданием в 1966 г. Государственной инспекции по охране памятников при Министерстве культуры РСФСР в штаты местных отделов культуры были введены соответствующие должности инспекторов. С этого же времени началась работа по подготовке «Свода памятников истории и культуры РСФСР»².

В Краснодарском крае отделения ВООПИК были открыты во всех городах и районных центрах. Там же при отделах культуры появились и должности инспекторов по охране памятников. В 1960–1970-х годах городские и районные организации ВООПИК совместно с краеведческими музеями, ветеранскими и другими общественными объединениями развернули масштабную деятельность по пропаганде, выявлению и постановке на учет памятников истории и культуры.

Одним из наиболее значительных результатов их работы стал список из нескольких тысяч памятников местного значения на 680 листах, собранных в три тома³. Все эти объекты были поставлены под государственную охрану Решением Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 29 января 1975 г. № 63 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в Краснодарском крае». Сведения о памятниках, вносимые в список, включали наименование памятника, его краткое описание, адрес и информацию о том, в чьем пользовании находится памятник. Основную часть списка составили объекты археологии, значительная доля принадлежала памятникам истории, связанным с революционным движением и событиями

¹ Архив УГООКНKK. Распоряжение исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 14.01.1975 № 25-р.

² Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 123–124.

³ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 1938. Л. 119.

Великой Отечественной войны. Памятники архитектуры в списках были единичны – в начале 1970-х гг. их было всего 15 (в Краснодаре – 1, Анапе – 1, Сочи – 12, Тамани – 1)¹, что может свидетельствовать об отсутствии среди участников процесса формирования краевого корпуса памятников понимания ценности относительно молодого и с выраженной провинциальностью местного градостроительного наследия. В этом отношении показательна история гибели деревянной Екатерининской церкви начала XVIII века.

Как отмечалось ранее, эта церковь, расположенная в селе Калинино города Краснодара, с 1948 года имела статус памятника республиканского значения. Она избежала разрушений во время Великой Отечественной войны и имела относительно удовлетворительное техническое состояние. Из письма от 28 июля 1947 г., составленного ее настоятелем протоиереем Писаревым в адрес епископа Краснодарского и Кубанского Флавиана, известно следующее: «... Как выдающийся памятник древней культуры Храм этот находится на Государственной охране Краснодар. Крайисполкома. Там имеются план, чертежи и даже фотографии в нескольких видах. Храм имеет вид креста, размером небольшой, вместимостью не более 500 человек... О состоянии Храма могу сказать следующее. Стены Храма внутри и снаружи в удовлетворительном состоянии, пол деревянный, крепкий. В 1945 году Приходской Сов. производил ремонт железной крыши и покраску окон. Израсходовано на этот ремонт более 15000 р. В 1946 г. исправили внутри купола живопись и побелили всю поверхность храма, на что израсходовали тоже более 15000 р. Настоятельная нужда в этом году – капитально отремонтировать железную крышу, которая по причине ветхости, оказывается на 40 % негодна, а материалов на рынке нет и церковь по своей бедности произвести этот ремонт не может»².

В 1952 году общиной верующих самостоятельно были проведены восстановительные работы: «Ремонт и окраска масляной краской железной кровли. Смена нижних венцов рубленых стен из брусев и смена прогнившей обшивки

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–5.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 113.

стен. Большой ремонт одинарных оконных переплетов. Смена остекления оконных переплетов и полная промазка фальцев остекления их. Масляная окраска дверей и окон. Масляная высококачественная окраска деревянных стен. Масляная окраска полов деревянных. Цементная оштукатурка цоколя отдельными местами на 40 % и такая же оштукатурка лотков под водосточными трубами»¹. В дальнейшем техническое состояние здания, поддерживаемое общиной вплоть до ее закрытия, серьезных нареканий со стороны инспектирующих государственных органов не вызвало.

В 1960 г. церковь была повторно включена в список памятников архитектуры государственного значения Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327², и вскоре после этого изъята у прихода и передана под зернохранилище³. В 1969 г. из-за неправильной эксплуатации здания, к тому времени пустовавшего, была обнаружена опасность «развития биологических вредителей древесины»⁴, в связи с чем возникла необходимость проведения капитального ремонта «с устройством наружных отмосток, ремонтом фундамента и кирпичных ступеней, ремонтом кровли, устройством водосточных желобов и труб»; «заменой полов, нижних обвязок, стоек, часть обшивки и оконных рам в прихожих, проведением ремонта полов с заменой отдельных лаг»; «подведением гидроизоляции под нижние обвязки по всему периметру здания, проведением антисептических работ, очистки стен от извести, покраской всех деревянных деталей внутри помещения и ряд других работ»⁵.

Однако совместной комиссией с участием представителей Краснодарского городского Совета народных депутатов, Краснодарского горисполкома, а также ответственного секретаря Краснодарского отделения ВООПИК (Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры) было сделано заключение, что «объект не имеет особой ценности и не может быть памятником, отображающим

¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.

² ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 74. Л. 26.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 41. Л. 69.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–3 об.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–8 об.

исторически сложившееся русское зодчество», и, поскольку богослужения в церкви не проводятся, то «здание церкви целесообразно разобрать, пораженную древесину биологическими вредителями до потери механической прочности сжечь на костре. Непораженную древесину очистить от пыли, антисептировать пастой марки 200 и можно использовать в открытых конструкциях на объектах хозяйственного значения. Оставшийся мусор от разборки здания обработать 10% раствором хлорной извести, собрать и вывезти в места свалок»¹. После чего Краснодарское краевое управление культуры обратилось в Государственную инспекцию по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР с запросом о снятии здания Екатерининской церкви с государственной охраны и дальнейшей ее разборке.

Государственная инспекция в запросе отказала, указав, что «деревянная Екатерининская церковь представляет значительный интерес для истории русского деревянного зодчества и должна быть сохранена. Современное техническое состояние памятника архитектуры, вызванное неправильной его эксплуатацией со стороны колхоза, не может служить причиной для снятия его с государственной охраны и уничтожения», и предложив «организовать работы по консервации древесины с привлечением средств пользователя – колхоза»². Таким образом, на государственном уровне были подтверждены статус памятника и его очевидная архитектурная ценность. Вопрос об уничтожении здания Екатерининской церкви на законных основаниях был временно снят, в «План использования, реставрации и консервации памятников истории и культуры Краснодарского края на 1972 – 1975 гг.» был включен капитальный ремонт памятника в период с 1971 по 1972 гг. стоимостью 11 тыс. рублей, в том числе из местного бюджета предполагалось выделить 4 тысячи рублей, из средств ВООПИК – 7 тысяч³. Однако эти планы так и остались на бумаге. В течение нескольких лет в разных инстанциях и на разных трибунах звучали слова о необходимости ремонтно-восстановительных работ для

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

² ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

спасения Екатерининской церкви. Так, в докладе «Итоги II-го съезда общества и задачи отделений по реализации его решений в связи с 50-летием образования СССР», прозвучавшем на состоявшемся в 1972 г. Пленуме Краснодарского краевого Совета ВООПИК, отмечалось: «памятник республиканского значения Екатерининская церковь до сих пор не отремонтирована. Строительный Трест Краснодарского горисполкома из года в год затягивает работы по ремонту, ставит все новые и новые условия, а ценный памятник ветшает»¹. В ночь с 11 на 12 февраля 1978 г. в церкви случился пожар, ценный памятник архитектуры был утрачен. Исходя из изложенного, представляется очевидным, что в числе причин его гибели был низкий образовательный уровень в области истории архитектуры среди краевого руководства и привлеченной к памятникоохранной деятельности общественности.

Что касается списка памятников, то после 1975 года его пополнение не было уже таким масштабным. Основные сведения о вновь открываемых объектах поступали в основном по результатам археологических экспедиций и разведок. Именно преобладание, разнообразие и богатство археологического наследия, в том числе античного, в значительной мере составляли отличительные черты Краснодарского края в общей массе недвижимых памятников истории и культуры.

Краевой список стал частью единой советской системы учета и охраны памятников, сложившейся к 1970-м гг., логическим оформлением которой стал Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и одноименный Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г.

Процесс формирования этой системы, начавшийся с установлением власти Советов и признания заключенного в наследии потенциала для решения задач государственного устройства, был неоднозначным и достаточно сложным. В первой половине XX века отрицательное влияние в вопросах сохранения наследия оказывали чрезмерная политизированность и идеологизированность при структурной разрозненности, несогласованности в вопросах управления и

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

финансирования, а также декларативность принимаемых мер при отсутствии общественной поддержки – оказываемое давление на хозяйствующие субъекты, в пользовании которых находились памятники, при низкой просвещенности общества имело, скорее, обратные результаты. К концу 1970-х гг. региональная структура памятникоохранной деятельности в целом была сформирована. Как результат, повысился уровень государственной охраны археологического наследия, расширился массив памятников историко-мемориального характера, однако местное архитектурно-градостроительное наследие в эти процессы практически не было включено.

2.2 Роль общественных и научных организаций в системе охраны памятников в 1920–1970-е гг.

В 1920-е гг., в условиях, когда государственная система в целом и структура управления культурой в частности находились в начальной стадии формирования, когда общий образовательный уровень в стране был крайне низок и при этом насаждался революционный нигилизм в отношении всего, связанного со старым режимом, особая роль в сбережении памятников старины принадлежала научному сообществу и краеведческому движению. Инициатива создания краеведческих обществ принадлежала государственной власти, которой эти общества, включая имевшие дореволюционный деятельный опыт, призваны были содействовать¹: формировать информационную базу данных об особенностях разных регионов страны и пропагандировать преимущества советского строя и достижения новой государства. С самого начала официальная власть взяла под контроль деятельность возникавших повсеместно обществ – краеведческие организации, формально общественные, были встроены в государственную систему управления.

¹ Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е гг. / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. - М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. С. 133.,

Уже в июне 1920 г. во все губернские и областные отделы было направлено указание «О проведении обязательной регистрации всех дореволюционных обществ и направлении сведений о них в наркомат» (внутренних дел), а 3 августа 1922 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними»¹, тем самым на законодательном уровне были установлены правила, по которым создавались и осуществляли деятельность все общественные, в том числе краеведческие, организации.

На Кубани и Черноморье в это время работали 40 краеведческих общественных организаций, среди которых были такие крупные, как: «Общество изучения Черноморского побережья Кавказа (создано в Новороссийске в 1922 г., председатель В. А. Водяницкий), Общество краеведения в Сочи (1924 г., председатель С. Ю. Соколов), Литературно-историческое и этнологическое общество (1924 г., Краснодар, председатель М. В. Ключков), Армавирское окружное краеведческое общество (1924 г., председатель Дубровский), Майкопское общество краеведения (1925 г., председатель М.С. Бутенко), Общество изучения Адыгейской автономной области (1925 г., председатель К. А. Мишуриев) и др. Одной из крупнейших краеведческих организаций Северного Кавказа продолжало оставаться ОЛИКО»².

Все они, в соответствии с постановлением от 3 августа 1922 г., находились в ведении отдела народного образования облисполкома (областной структуры Наркомпроса) и Кубано-Черноморского областного управления по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (относившемуся к Главнауке – отделу Наркомпроса), а также под надзором областного управления Наркомата внутренних дел РСФСР.

К вопросам сохранения недвижимых памятников эти общества в большинстве своем имели опосредованное отношение — в основном они

¹ Тугай Т. И. Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. Т. 7. № 3. С. 16–17.

² Ратушняк Т. В. Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII – первой трети XX вв. // Голос минувшего. № 3–4. 2007. С. 91.

занимались распространением агитационной информации и просветительской деятельностью, в том числе экскурсионной, которая касалась, помимо прочего, исторического прошлого. Вопросы качества и результативности такой работы, очевидно, во многом зависели от образовательного уровня руководителей и членов обществ – лекторов и экскурсоводов.

В этом отношении ОЛИКО имело преимущественное положение среди прочих и благодаря большому, накопленному с конца XIX века, опыту деятельности в этой сфере, и высокому профессионализму отдельных членов, состоявших в обществе с дореволюционного времени, многие из которых были крупными учеными. В правление ОЛИКО, новый устав которого был утвержден в 1922 г., вошли известные в научном сообществе представители его старого состава – избранный председателем Б. М. Городецкий, его заместитель С. И. Борчевский, Н. И. Кияшко, назначенный казначеем, и Е. В. Брок – бессменный библиотекарь ОЛИКО с 1897 по 1923 гг.¹

До этого в 1921 г. избранный делегатом от ОЛИКО Б. М. Городецкий участвовал в состоявшейся в Москве I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, а в 1922 г. его приняли в состав Центрального бюро краеведения (ЦБК) как представителя Северного Кавказа. В том же году в Краснодаре состоялся I съезд деятелей по краеведению Кубано-Черноморской области, при этом «из 152 участников съезда 40 человек являлись членами Общества любителей изучения Кубанской области»². Тогда же возобновился выпуск «Известий ОЛИКО» – среди разнообразия опубликованных в этом издании материалов отдельные статьи были посвящены истории области и находящимся на ее территории памятникам³.

В 1924 г., после передачи Кубано-Черноморской области в состав Северо-Кавказского края, в ОЛИКО (официально оно стало звучать ОЛИКК – Общество

¹ Кирей Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 4. С. 42–43.

² Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): к 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. 2017. № 1–2. С. 151–162.

³ Труды Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти Резолюции и общие сведения о съезде (15–23 окт. 1922 г.). Краснодар: Ликвидац. ком. по делам Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти, 1922.

любителей изучения Кубанского края) вошли представители ряда советских учреждений (Окрплана – плановой комиссии исполкома, Совпрофа – объединения профсоюзов, Окроно – отдела народного образования и др.), тем самым еще более «размыв» суть общественной организации. В деятельности ОЛИКО все большее место занимали агитационная и просветительская работа, научные исследования касались преимущественно экономики, хозяйства и «производительных сил» края, при этом «научные разработки в области истории отошли на последний план»¹.

Подконтрольность власти ОЛИКО усилилась с учреждением в 1926 г. Кубанского окружного бюро краеведения, на которое возлагались функции организации, контролирования и планирования краеведческого движения, согласования всех тем научных исследований.

В 1929 г. был избран новый состав правления ОЛИКК, в который наряду с учеными Г. Г. Григором (председатель), С. И. Борчевским (секретарь), П. В. Мироновым, В. Т. Черным, Л. Я. Апостоловым вошли семь представителей местных советских и партийных организаций. При этом свои цели и задачи общество должно было увязать с выполнением «пятилетнего плана развития народного хозяйства»². В октябре 1932 г. ОЛИКК приняло решение о самороспуске³.

Первой советской научной организацией на территории края, целью которой были археологические исследования, явилось Литературно-историческое и этнологическое общество (ЛИЭТО), открывшееся 23 ноября 1924 г. при Кубанском педагогическом институте. В структуре ЛИЭТО было три секции: литературная, этнологическая и считавшаяся краеведческой секция местной археологии и истории. Председателем последней был А. Ф. Лещенко – директор Кубанского научного музея, сотрудничавший также с ОЛИКК, секретарем – историк, учитель краснодарской школы № 2 М. В. Покровский, окончивший словесно-историческое

¹ Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): К 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. № 1–2. 2017. С. 151–162.

² ГАКК. Ф. Р.-1547. Оп. 1. Д. 148. Л. 48.

³ Кирей Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 4. С. 43.

отделение пединститута в 1923 г. Всего общество объединило около 50 человек – профессоров и преподавателей местных вузов, школьных учителей и студентов¹.

Заседания ЛИЭТО проходили в форме научных конференций, на которых в течение первых двух лет его работы было представлено 50 докладов, включая 15 по истории, археологии и антропологии. Примечательно, что среди докладчиков были не только члены общества, но и столичные археологи – С. Н. Замятин, А. С. Башкиров, А. А. Миллер, в экспедициях которых приняли участие многие представители общества. В частности, члены ЛИЭТО и студенты пединститута принимали участие в экспедиции РАНИОН под руководством А. С. Башкирова на Таманском полуострове, в экспедиции ГАИМК С. Н. Замятина в пос. Ильском².

Большая же часть экспедиций имела экскурсионно-просветительский и визуально-разведочный характер. Их участниками были студенты пединститута и местные краеведы. В 1925–1926 гг. были обследованы, с фотофиксацией и сбором подъемного материала: на Таманском полуострове – городища в станице Тамань (Гермонасса-Тмутаракань), пос. Сенном (Фанагория) и у Ахтанизовского гирла, в Абинской долине – орнаментированные дольмены, городище в станице Некрасовской и могильник в станице Усть-Лабинской, палеолитическая стоянка в окрестностях поселка Ильского³.

В 1926 г. член ЛИЭТО Н. А. Захаров первым в крае получил открытый лист на проведение археологических работ. К 1927 г. кубанскими учеными было проведено обследование десяти городищ, среди которых известные ныне: Красная Батарейка, Елизаветинское, Раевское, Горгиппия, Пашковское, Старокорсунское,

¹ Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 5–6.

² Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 6–7.

³ Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 6.

Усть-Лабинское, краснодарские – «на Дубинке», «Сад Тротнера», «Панский кут» и др.¹.

Когда на месте расположения крупного меотского городища началось в 1927 году строительство Краснодарской районной электростанции (КРЭС), для наблюдения за земляными работами на памятнике и сбора обнаруживаемых в их процессе находок ЛИЭТО и Кубанским научным музеем была образована комиссия, в которую вошли профессора Н. А. Захаров, М. В. Клочков, Г. Г. Григор – заведующий управлением по делам музеев и охране памятников, А. Ф. Лещенко – заведующий Кубанским научным музеем, Т. С. Кравченко – инженер КРЭСа, М. В. Покровский – учитель истории школы № 2 и Н. В. Анфимов – внештатный работник Кубанского научного музея (будущий известный ученый-археолог). Руководителем комиссии был Н. А. Захаров, а в непосредственных работах на городище принимали участие студенты – члены кружка истории материальной культуры². При этом, в условиях отсутствия профессиональной археологической подготовки, участникам работ «приходилось ограничиваться только сбором материала и по возможности фиксировать места находок и глубину залегания отдельных предметов»³.

Деятельность ЛИЭТО, как и других общественных организаций в крае и по стране, прекратилась с ужесточением внутренней государственной политики. 1929–1933 годы для краеведения и археологии «стали годами испытаний и утрат», периодом «разгрома, выразившегося в процессах над академиками и известными учеными, в закрытии всех обществ изучения местного края, сокращении сети музеев и в массовых репрессиях среди музейных работников, профессоров и преподавателей столичных университетов и областных вузов, в ликвидации РАНИОН, повсеместной «чистке классово-чуждых элементов». В это время «число

¹ Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 7.

² Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 7.

³ Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед 3. Краснодар: Кр. Кн. изд., 1992. С. 23.

археологических экспедиций, работавших в стране, уменьшилось с 48 в 1927 г. до 21 в 1931... На Таманском полуострове в течение четырех лет (1932–1935) никаких археологических исследований не производилось»¹.

Археологические исследования в крае возобновились лишь в 1934 г., после официальной «реабилитации» истории. В Краснодарском педагогическом институте в это время был создан исторический факультет, который стал проводить собственные археологические исследования и готовить специалистов в этом деле, что позволило выйти кубанской археологии на высокий научный уровень и, тем самым, создать большие возможности для сохранения археологического наследия. Начавшие свою деятельность в 1920-е–1930-е гг. Н. В. Анфимов, Ю. С. Крушкол, П. А. Дитлер и др. вошли в плеяду выдающихся ученых-археологов страны. Но это была уже работа непосредственно в рамках их профессии².

Обращает на себя внимание тот факт, что в проблематике исследований краеведческих и научных обществ первых советских десятилетий не нашлось места архитектурному и монументальному наследию региона. Причиной этого явления был, очевидно, относительно молодой «возраст» подавляющего большинства произведений зодчества и монументального искусства Кубани и Черноморья.

Началом нового витка массового общественного участия в сохранении историко-культурного наследия стало создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), законодательным основанием для которого стало постановление Совета министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882³.

В соответствии с этим постановлением Краснодарский крайисполком принял решение от 25 августа 1965 г. № 734 о создании организационного комитета по подготовке краевой учредительной конференции ВООПИК. В состав оргкомитета вошли 30 человек, представляющие партийные и советские органы, ученые, музейные работники, литераторы и др. Председателем оргкомитета был избран

¹ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 243–244.

² Лимебрис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А.Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 8–10.

³ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 144–149.

заместитель председателя крайисполкома Г. И. Кинелев. Для организации работы по краю и проведению городских и районных учредительных конференций было образовано 37 местных оргкомитетов, областное отделение общества в Адыгее¹.

Следует при этом отметить, что процесс формирования первичных организаций проходил неравномерно: если, например, в Кушевском районе было собрано 50 первичных организаций с двумя тысячами членов, в Абинском районе – 62 «первички» с тремя тысячами участников, то «в Каневском райисполкоме рекомендацию крайисполкома о порядке создания общества до тех пор передавали по инстанциям, пока она не потерялась, а представитель конечной инстанции уехал на курорт», руководство Апшеронского района и города Кропоткина отказались от общества, сообщив что «у них нет памятников»².

Эти частные факты вкупе с многочисленными примерами преднамеренных разрушений памятников вполне могут свидетельствовать об отсутствии какого-либо единства среди населения, и, что особенно показательно, в местных органах власти, в вопросах осознания ценности культурного наследия и необходимости его сохранения для будущих поколений. В этих обстоятельствах значимость инициирования широкого общественного движения по охране памятников в масштабах страны представляется особенно актуальной.

Краевая учредительная конференция ВООПИК был проведена 25 декабря 1965 г. с участием 218 делегатов из 230 направленных. О значимости этого события свидетельствует выборка данных о качественном составе ее участников: по уровню образования – 162 человека с высшим и 56 делегатов со средним образованием; по профессиональной принадлежности – 46 учителей, 44 работника культурно-просветительских учреждений, 22 инженера, 21 работник на общественных началах, 18 медицинских работников и 39 рабочих и колхозников³.

На конференции был избран совет краевого отделения ВООПИК в количестве 39 человек и принята резолюция, в которой перечислены ближайшие основные задачи общества, в ряду которых было обозначено «проведение работ по

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 31–32.

² ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–44.

выявлению, учету и паспортизации всех видов памятников истории и культуры, расположенных на территории Краснодарского края»¹. Кроме того, в резолюции обращалось внимание на проблемы сохранения памятников археологии при производстве различных хозяйственных и строительных работ и, в связи с этим, выносилась рекомендация «разработать и внести на рассмотрение крайисполкома порядок проведения хозяйственных и строительных работ на территории исторически значимых древних городищ, могильников, курганов, а также порядок организации и соблюдения охранных зон»².

С 1966 г. отделения общества были открыты во всех городах и районах Краснодарского края. Работа велась по нескольким направлениям: памятники археологии и истории, памятники архитектуры и монументально-изобразительного искусства, документальные памятники, музыкальная культура и народная хореография.

Уже 1967 г. в крае было создано 900 первичных организаций, в которой числилось 103 тысячи индивидуальных членов и 876 коллективных – колхозов, совхозов, предприятий и организаций. В последующие годы количественный состав ВООПИК постоянно возрастал, и в 1979 г. в крае насчитывалось 3758 первичных организаций, в деятельности которых участвовало 646580 индивидуальных членов и 2218 коллективных³.

Наряду с развертыванием широкой просветительской деятельности (лекции по истории края, организация экскурсий, выпуск радиопередач, публикация статей в местных газетах) сразу же после образования местных отделений ВООПИК активизировалась работа по выявлению, изучению и охране памятников истории и культуры. В случае, если фиксировался факт причинения вреда памятнику (чаще всего это был объект археологии), составлялся акт, который направлялся в краевое отделение общества и крайисполком. Благодаря таким действиям государственный орган по охране памятников мог достаточно оперативно получать информацию о проблеме и принимать соответствующие меры.

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

² ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 47. Л. 53–54.

В то же время, при широкой вовлеченности членов ВООПИК в практическую работу по мониторингу состояния и использования памятников и поступательном развитии законодательства практически повсеместно наблюдались разрушения археологических памятников.

В актах обследования памятников, в составлении которых участвовали представители ВООПИК, вносились не только общие сведения о памятнике, но и характер выявленных проблем. Так, в документе от 12 сентября 1969 г., составленном в станице Федоровской Абинского района, сообщалось о выборке скрепером грунта из кургана для строительства колхозного хранилища ядохимикатов. В процессе работ «на глубине от 60 см до 1 м 20 см были обнаружены кости животных и скелеты человека, а также были глиняная посуда и украшения из кости – 1 шт. с орнаментом. Все это находилось в толще пепла»¹. Отмечалось также, что найденные предметы были собраны, указывалось имя и адрес собравшего, обозначался характер разрытия кургана – «с востока на запад на всю его протяженность глубиной до 1,8 метра». В заключении акта фиксировались результаты проверки памятника: «Работы на кургане прекращены. Курган сфотографирован. Вещественные доказательства сфотографированы, собраны для отправки в краевое общество охраны памятников»².

Актом от 17 апреля 1970 г. было засвидетельствовано снятие скрепером верхнего слоя грунта глубиной 30 сантиметров и шириной 3 метра с меотского городища в окрестностях станицы Федеоровской, что привело к повреждению культурного слоя и гибели нескольких погребений³. В станице Новотитаровской 4 мая 1970 г. активировано намеренное снятие насыпи кургана на глубину 1,4 метра, произведенное в ходе сельскохозяйственных работ – «на подошве кургана было разрушено древнее захоронение, в котором найдены кувшины, бронзовые и золотые браслеты, бусы, зеркало»⁴. В акте от 5 мая 1970 г. изложены данные о

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

² ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 30

разрытии «могильного холма», в котором было обнаружено древнее погребение с разнообразными артефактами, включая оружие и изделия из золота¹.

Это лишь отдельные конкретные примеры успешного взаимодействия представителей общественной организации и государственных структур в вопросах сохранения наследия. Очевидно, что пресечение противозаконных действий в отношении памятников имело и ощутимый сопутствующий просветительский эффект, заключающийся в возрастании информированности граждан и о наличии памятников, и о ценности таковых.

Не менее значимым было участие краевого отделения ВООПИК в формировании государственных списков памятников истории и культуры, расположенных на территории Краснодарского края. В 1970 г., когда Министерство культуры РСФСР начало готовить перечень объектов, рекомендованных к постановке под государственную охрану, выяснилось, что краевое управление культуры направило в министерство «список памятников советской архитектуры, не представив дополнительно списки по памятникам истории и памятникам археологии, которых особенно много на территории Краснодарского края». В этой связи Центральный Совет ВООПИК обратился в краевое отделение с просьбой «оказать содействие местным органам культуры» с подготовкой самих списков и соответствующей «документации первичного учета»².

Благодаря многолетней работе краевого отделения ВООПИК к 1979 г. было выявлено и поставлено на учет 3430 памятников и памятных мест, из которых 2783 вошли в государственные списки памятников, в том числе: памятников археологии – 617, памятников истории – 2099, архитектуры – 54, монументального искусства – 13³. Очевидно, что заметное количественное преобладание памятников истории, в основном связанных с революционными событиями, с гражданской и Великой Отечественной войнами, было напрямую связано с государственной идеологией того времени.

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

² ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 47. Л. 53–54.

ВООПИК края занимался и вопросами ремонта и благоустройства памятников истории, причем на средства самого общества. С 1967 по 1979 гг. такие работы были произведены на 850 памятниках края, на что было выделено 1 миллион 31 тысяча рублей – сумма, по тем временам, огромная¹.

Не менее активной и разносторонней была просветительская деятельность, организованная ВООПИК: проведение смотров и викторин к государственным юбилейным датам, выпуск тележурнала «Мой край родной», подготовка и издание методических рекомендаций по выявлению и изучению памятников археологии, издание книг и буклетов соответствующей тематики. Во многом это становилось возможным благодаря тесному взаимодействию Краснодарского отделения ВООПИК с вузами Краснодарского края, творческими организациями и учреждениями культуры, с Институтом археологии Академии наук СССР, с Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и др.

Эти ведущие научные и научно-просветительные организации зачастую проявляли собственные инициативы в вопросах сохранения историко-культурного наследия края. В частности, благодаря активной позиции Института археологии, исследовавшего античное городище «Горгиппия», была подготовлена программа музеефикации памятника. Программа была утверждена Советом Министров РСФСР. Её результатом стало создание в 1977 г. на основе одного из раскопов музея-заповедника под открытым небом². В это время под государственную охрану было поставлено и Таманское городище «Гермонасса-Тмутаракань», в 1984 г. при деятельном участии Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина³, ставшее объектом музейного показа.

В целом можно отметить, что в период становления в крае государственной системы памятникоохранной деятельности участие широкой общественности и представителей научного и профессионального сообщества в вопросах сохранения историко-культурного наследия полностью контролировалось официальной

¹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 47. Д. 53, 54.

² Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 6–7.

³ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 260–261.

властью, которая рассматривала эти институты как элементы единой структуры и соответствующим образом регулировала их активность.

2.3 Создание системы государственного контроля за сохранением и использованием недвижимых памятников истории и культуры в 1970-х – начале 1990-х гг.

С принятием закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» деятельность по изучению, сохранению и популяризации недвижимого материального наследия в крае обрела новое качество и формы. Законы рассматривали памятники, отнесенные к достоянию всего народа, как инструмент развития образования, науки и культуры, формирования патриотизма, нравственного и эстетического воспитания. Охрана памятников на законодательном уровне была провозглашена одной из важнейших идеологических задач РСФСР.

В соответствии с законом памятниками истории и культуры являлись «сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями, развитием государства и общества, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или культурную ценность». Выделялись виды памятников: памятники истории, памятники археологии, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства, документальные памятники. Если первые два вида априори включали в себя исключительно недвижимое наследие, то памятниками искусства могли быть как произведения монументального искусства, так станковые, музейные предметы. Спектр документальных памятников составляли «акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи

и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания»¹ – то есть этот вид включал, наряду с материальными предметами, объекты наследия нематериального, духовного.

Государственные органы исполнительной власти обязаны были обеспечить охрану и использование памятников истории и культуры с учетом их сохранения для будущих поколений. Для этого специальными полномочиями наделялись Министерство культуры РСФСР, Главное архивное управление при Совете министров РСФСР, местные органы культуры и архивные управления в пределах их компетенции. Содержание деятельности, система управления и контроля в сфере охраны и использования недвижимых памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства определялись Министерством культуры РСФСР и местными органами культуры².

В Краснодарском крае в ряду первоочередных мероприятий, последовавших после принятия нового закона, явилось формирование соответствующей управленческой структуры. Решением крайисполкома от 22 августа 1979 г. № 574 при управлении культуры крайисполкома была создана производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры (позже – научно-производственная). До этого в краевом управлении культуры имелась лишь одна штатная единица – инспектор по памятникам истории и культуры³.

Функции созданной группы заключались в решении различных производственно-технических и хозяйственных задач, выполнении специальных видов работ, осуществление которых не входило в прямую сферу деятельности управления культуры крайисполкома. Финансирование производственной группы,

¹ Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1979. С. 4.

² Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1979. С. 6.

³ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 5.

имевшей статус самостоятельного юридического лица, осуществлялось за счет специальных средств, получаемых от аренды памятников истории и культуры¹.

Сам факт создания в структуре краевого органа государственной власти такой организации стал первым существенным шагом к построению региональной системы выявления, изучения, использования и контроля за использованием недвижимого историко-культурного наследия.

Тогда же при крайисполкоме была создана комиссия содействия охране памятников истории и культуры (аналогичные комиссии были образованы практически во всех городах и районах края и Краснодарская специализированная научно-реставрационная мастерская (КСНПРМ)².

Одним из главных направлений деятельности по охране памятников по-прежнему оставался их учет. До 1981 г. работа по учету памятников архитектуры проводилась ВООПИК с участием специалистов – архитекторов, историков и др. – в основном «в направлении выборочного обследования застройки населенных пунктов и известных в литературе ценных в историко-архитектурном плане объектов»³. По состоянию на 1975 г. в крае был поставлен на учет 2151 памятник, затем эти показатели снизились – в 1977 г. было уже 186 памятников, в 1979 г. – 234. Со вступлением в силу закона, в ходе его реализации, процесс выявления новых исторически ценных объектов принял более планомерный характер и территориально более широкий охват. В 1981 г. списки дополнились 764 памятниками, в 1983 г. – 950 объектами, часть из которых была рекомендована к категории республиканского значения⁴.

¹ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 5–7.

² Архив УГООКНKK. Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.09.1980 № 643.

³ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 6.

⁴ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 5–7.

На каждый выявленный памятник составлялся паспорт (расширенная характеристика) и учетная карточка (краткая характеристика). В паспорт вносились такие сведения, как наименование, типологическая принадлежность, датировка, адрес, характер современного использования, краткие исторические сведения, информация об утратах и перестройках, изменивших облик памятника, и реставрационных работах, давалось описание памятника, общая оценка значимости – общественной, научно-исторической, художественной, оценка технического состояния, обозначалась категория охраны; приводились сведения об охранных зонах, информация о балансовой принадлежности памятника. Приложением к паспорту служили материалы фотографической фиксации объекта. Объем содержания исторической и описательной части паспорта в каждом случае был различен – от совсем краткого до развернутого. Но в целом эти сведения позволяли составить общее представление об особенностях того или иного объекта, составляющих его ценность.

Организацией и проведением плановых археологических разведок занимались Краевой историко-археологический музей-заповедник, Краснодарское отделение ВООПИК и ведущие археологические научно-исследовательские организации страны.

С 1978 г. археологические экспедиции Института археологии АН СССР и Туапсинского музея стали проводить исследования территорий сельских поселений методом сплошной разведки с картографированием обнаруженных памятников и обязательной их постановкой на учет. По итогам работ в 1982 г. была составлена карта археологических памятников Туапсинского района. Аналогичные мероприятия при участии Краевого историко-археологического музея-заповедника осуществлялись и в других районах края – Усть-Лабинском, Красногвардейском, Мостовском, Теучежском и др. На Таманском полуострове, насыщенном архитектурными остатками античных и средневековых памятников, наряду с

выявлением и картографированием шло определение их зон охраны, зон регулирования застройки¹.

Основными формами работы производственной группы были оформление охранно-арендной и охранной документации на эксплуатацию памятников-зданий, обеспечение учета памятников, контроль за их состоянием и сохранностью и режимом эксплуатации, проверка сметной документации, проверка экспедиционной деятельности и др.

По состоянию на 1982 год по представлению производственной группы на баланс краевого управления культуры был поставлен целый ряд зданий, имевших охранный статус: в Краснодаре – Екатерининский собор (в нем размещались мастерские, подвальные помещения под склады); Троицкая церковь (здесь действовала скульптурная мастерская местного художественного комбината), бывший дом купцов Богарсуковых (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, бывший дом Б. Б. Шарданова (Краснодарский художественный музей им. Луначарского), здание бывшего Зимнего театра (Государственная филармония), бывший дом Кухаренко (Литературный отдел историко-археологического музея), здание бывшей армянской школы (краевая библиотека им А. С. Пушкина); в Выселковском районе – Ново-Донецкая церковь; в Новопроковском районе – Ивановская церковь (предполагалась ее передача под учреждение культуры, позже отмененная); в Армавире – Армянская церковь, переданная религиозной общине с заключением охранного договора².

Одновременно производственная группа вела учет разрушений и причинения вреда памятникам. Так, с 1978 по 1981 г. по поступающей извне информации было зарегистрировано 10 разрушений объектов археологии³. В действительности

¹ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 7–8.

² Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 8–9.

³ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации,

случаев разрушений археологических объектов было значительно больше. Причинами тому служили: игнорирование проектными институтами и строительными организациями предписанного законом (статья 40) согласования проектов застроек с краевым управлением культуры (Производственной группой); нарушения проектными институтами в составлении проектно-сметной документации на археологические исследования (без привлечения специалистов-археологов); отсутствие согласования хозяйственных работ, связанных с разработкой грунта; плантажная вспашка сельхозугодий без учета расположения в зоне работа памятников и др.

Так, в 1979 г. институт «Кубаньгидроводхоз» без согласования с органом охраны памятников запроектировал карьер для подсыпки взлетно-посадочной полосы Краснодарского аэропорта, расположив его в береговой зоне Краснодарского водохранилища, наиболее насыщенной памятниками. В результате было полностью уничтожено городище № 1 на хуторе им. Ленина, а также частично прилегающий к нему грунтовый могильник III–I вв. до н. э. и две трети средневекового могильника. В 1980 г. был снесен 10-метровый курган в станице Брюховецкой. В 1982 г. при реконструкции оросительной системы на площади 566 га в Приморско-Ахтарском районе были снесены 3 кургана. В 1983 г. в Адыгейской автономной области были разрушены 100 курганов на площади 16 га. В том же году на мысе Малый Утриш в зоне строительства колхоза «Дружба» подверглась разрушению средневековая крепость. Эти и другие случаи фиксировались соответствующими актами, строительные работы останавливались для проведения археологических исследований пострадавших памятников¹.

Отдельную группу составляли разрушения, вызванные естественными природными факторами. В 1980 г. результате обрушения правого берега Кубани между ст. Тбилисской и г. Кропоткиным пострадали 30 курганов; такие же случаи

исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 7–8.

¹ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 7–10.

отмечались вдоль рек Лабы, Чамлык и др. На Таманском полуострове водами Таманского залива постепенно размывались городища Гермонасса-Тмутаракань (ст. Тамань), Фанагория (пос. Сенной) и другие. К началу 2000-х гг. в результате сильной атмосферной и волновой абразии, продолжавшейся столетия, было утрачено до 200 м прибрежной части Таманского городища. Периодически открывавшиеся при обрушениях береговых обрывов фрагменты культурного слоя, как и участки регулярных раскопок, постоянно подвергались разграблению кладоискателями.

При таких обстоятельствах основным способом сохранения памятников археологии выступали охранно-спасательные раскопки в береговых зонах городищ, которые проводились сезонно действовавшими экспедициями. В частности, на Таманском городище с 1971 г. (с небольшими перерывами) работы проводила Гермонасско-Тмутараканская экспедиция ГМИИ (до этого раскопки вела Гермонасская экспедиция ИА РАН СССР). «В рассматриваемый период (1974–1980 гг.) исследования были продолжены на двух раскопах – Северном и Нагорном и начаты еще на одном – Восточном. Раскопки производились экспедицией ГМИИ под руководством А. К. Коровиной, с 1973 г. в них принимала участие С. И. Финогенова». В 1983–1996 гг. в составе экспедиции работал отряд Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством О. В. и И. Н. Богословских¹.

В пос. Сенном исследованиями занималась Фанагорийская экспедиция ИА РАН СССР, руководил которой с 1975 г. В. С. Долгоруков. В работах принимали участие известные впоследствии археологи В. Д. Кузнецов, А. А. Масленников, О. Н. Усачева и Т. Г. Шавырина. «В рассматриваемый период, как и ранее, исследования шли в нескольких направлениях. На городище они были продолжены на двух старых раскопах («Город А», «Центральный») и начаты еще на трех участках («Верхний город, Южный пригород и Южный город). В

¹ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 260.

грунтовых могильниках были разбиты три новых раскопа (Некрополь М, Юго-западный некрополь и Восточный некрополь)»¹.

Новым явлением в практике Фанагорийской экспедиции было проведение рекогносцировочных раскопок на сравнительно удаленных от базы укрепленных поселениях античного и средневекового времени. В 1976 экспедиция приступила к исследованию большого кургана, расположенного к югу–юго-западу от городища (курган Сенной 277)².

В целом в течение «семи лет (1974–1980) активность исследований на Таманском полуострове заметно понизилась. Таманская археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Н. И. Сокольского распалась. На ее базе возникли Кучугурский отряд Ю. М. Десятчикова (ИА), Ильичевский отряд Э. Я. Николаевой (ИА) и Ахтанизовский отряд Н. П. Сорокиной (ГИМ)»³.

Тем временем в Анапе продолжались начатые в 1960 г. экспедицией Института археологии АН исследования памятника античного мира «Горгиппия» в центральной прибрежной части курорта. Наиболее активная фаза раскопок здесь пришлось на период с начала 1970-х (в 1973 г. экспедицию возглавила известный специалист по античной археологии Е. М. Алексеева) до конца 1980-х годов. В частности, в 1975 году здесь был открыт знаменитый «Склеп Геракла» – каменная гробница, уникальное произведение древнегреческой погребальной архитектуры, в камере которого помещались три саркофага, а стены были полихромной росписью в технике фрески, где основными сюжетами выступали подвиги Геракла. В соседней гробнице было обнаружено множество предметов ювелирного искусства. В 1973 г. экспедицию возглавила Е. М. Алексеева. С 1983 г. к исследованиям присоединился Краснодарский музей⁴.

Археологическими исследованиями были охвачены и другие территории края. По данным отдела полевых исследований в 1982 г. в регионе работали 27

¹ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 260.

² Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 260.

³ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 258.

⁴ Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

экспедиций и отрядов, имевших 45 открытых листов. К наиболее масштабным раскопкам относятся проводившиеся в 1970–1980-х гг. исследования 200 курганов грунтового могильника IV в. до н. э. на территории Понуро-Калининской оросительной системы. По просьбе управления культуры Краснодарского крайисполкома к этой работе были подключены Институт археологии АН СССР, экспедиции Куйбышевского, Волгоградского, Северо-Осетинского государственных университетов. Экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника проводила спасательные работы в береговой зоне Краснодарского водохранилища, в Красноармейском районе, Красногвардейском, Курганинском, Темрюкском и других районах. В общей сложности только за 1982 г. было исследовано около 300 курганов, примерно тысяча квадратных метров городищ и поселений¹.

Финансировались исследования из разных источников, в том числе: бюджетов заинтересованных организаций в зонах их хозяйственной деятельности, ВООПИК (выявление, картографирование, определение охранных зон), республиканского и краевого бюджетов.

Еще в 1980 г. (решением крайисполкома от 10 сентября 1980 г. № 643) при управлении культуры была создана упомянутая выше Краснодарская специализированная научно-реставрационная мастерская (КСНПРМ) для проведения соответствующих работ на памятниках истории и архитектуры. Однако, судя по документам, успешным этот проект не был. Реставрационные работы на памятниках архитектуры не только затягивались, но, зачастую, отсутствовала даже необходимая проектно-сметная документация, отмечалось и сомнительное качество работ. Это касалось, в частности, таких объектов, как здания историко-археологического музея (бывший дом купцов Богарсуковых на улице им. Ворошилова, ныне Гимназическая) и Литературного отдела музея (бывшего дома атамана Кухаренко на улице им. Тельмана, ныне Постовая) в

¹ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 7–10.

Краснодаре, в Джанхоте – дома В. Г. Короленко, в Анапе – заповедника «Горгиппия»¹.

Показательны записи о проведении консервационных работ и строительства подпорной стенки анапской «Горгиппии», которые должны были завершиться до 1 августа 1985 г., но не проводились вовсе «в связи с тем, что не были подготовлены механизмы, а также отсутствовал ряд строительных материалов». В 1986 г. консервационные мероприятия были выполнены, но, как было замечено, «основная заслуга указанных работ принадлежит не реставрационной мастерской, а начальнику Горгиппийской археологической экспедиции т. Шавырину А. С., обеспечившему плановый заезд реставрационного отряда и организацию этих работ... Ремонт механизмов для реставрационных работ выполнен силами докторов наук, приехавших на работу в экспедицию. Механик мастерской должного участия в работе не принял». Справедливости ради, нужно отметить и более успешные итоги работ реставрационной мастерской – это, например, касалось плановых ремонтов военно-исторических памятников, хотя и в этом случае отмечались проблемы с составлением проектной документации².

В общей сложности в конце 1970-х – 1980-х годах в Краснодарском крае сложилась хорошо отлаженная структура управления охраной памятниками, результативность которой во многом обеспечивалось сотрудничеством с общественными и научными организациями и учреждениями. Итогом названного сотрудничества стали списки памятников истории и культуры, большей частью вошедшие в изданный в 1986 г. «Каталоге памятников истории и культуры Краснодарского края». Одновременное проводилось «обследование объектов и их паспортизация, включавшая фотофиксацию, описание, сбор исторических сведений, что, в конечном итоге, позволило создать корпус учетных документов, до сих пор служащий важнейшим инструментом деятельности по сохранению

¹ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Справка о работе Краснодарской специализированной научно-реставрационной мастерской. 1985.

² Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Справка о работе Краснодарской специализированной научно-реставрационной мастерской. 1985.

памятников истории и культуры края и основой современной деятельности по формированию единого государственного реестра объектов наследия»¹.

Еще одним итогом этой работы стал перечень поселений, обретших статус исторических. Шесть городов – Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Майкоп и Сочи, а также станица Тамань, расположенная в Темрюкском районе на основании совместного постановления коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19 февраля 1990 г., коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28 февраля 1990 г. и президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры № 12 от 16 февраля 1990 г. «Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР» в список вошли в названный список².

Таким образом, к началу 1990-х гг. в Краснодарском крае существовала достаточно действенная, базирующаяся на союзном и республиканском законодательстве и одновременно учитывающая местное своеобразие, система государственного контроля за сохранением и использованием всего спектра недвижимого историко-культурного наследия.

¹ Рысин Ю.В., Бондарь В.В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия. Ю.В.Рысин, В.В.Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. №3, 2016. С. 99–105.

² Рысин Ю.В., Бондарь В.В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия. Ю.В.Рысин, В.В.Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. №3, 2016. С. 99 – 105.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ НЕДВИЖИМЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3.1 Региональные аспекты развития государственного управления в сфере охраны недвижимого культурного наследия

Общественно-политические и хозяйственно-экономические трансформации, а также законодательная неустойчивость 1990-х гг., диктовавшие необходимость принятия соответствовавших новым условиям мер по охране памятников истории и культуры, обусловили ряд важных структурных преобразований в системе регионального управления этой сферой.

В 1992 г. на основе научно-производственной группы в составе краевого управления культуры был образован специально уполномоченный комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края¹. Основная деятельность комитета была разведена по двум направлениям: памятники археологии и памятники архитектуры и градостроительства. Устанавливалось, что «все поступающие из различных источников средства включаются в доход комитета и составляют его единый фонд финансовых средств»². Это было одно из ключевых отличий комитета от предыдущих (и последующих) уполномоченных органов в деле охраны памятников – он обретал достаточную степень независимости для осуществления широкого спектра задач.

¹ Архив УГООКНKK. Решение малого совета народных депутатов от 12 февраля 1992 г. № 105 «Об исполнении законодательства РСФСР по охране и использованию памятников культуры на территории Краснодарского края».

² Архив УГООКН. Положение о специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (Приложение к решению Малого совета Краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 № 105). С. 9.

В ряду первостепенных структурообразующих мероприятий комитета было формирование учитывающей современные реалии единой, предполагавшей охват всей территории края, системы выявления, изучения и использования памятников истории и культуры. Во второй половине 1992 г. в структуру комитета были введены региональные инспекторы, работавшие как на контрактной, так и на постоянной основе, и к концу 1993 г. региональные инспекторы имелись в городах Ейске, Новороссийске, Анапе, Сочи, Лабинске, Лабинском и Динском районах. Всего в комитете работали 31 специалист, 20 из которых имели высшее образование¹.

Необходимо отметить, что с самого начала комитет проявил нацеленность на научное обоснование принимаемых решений и тесное взаимодействие с научно-исследовательскими учреждениями и проектными организациями, на привлечение к решению задач высокопрофессиональных специалистов.

Например, в группе инженерно-технической защиты памятников, которая была введена в состав комитета на контрактной основе (на принципах самоокупаемости), работали пять ученых – возглавивший ее профессор, доктор геолого-минералогических наук К. Ш. Шадунц и четыре специалиста со степенью кандидата технических наук.

Комитет активно привлекал ученых и специалистов из профильных высших учебных заведений края и страны, научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга (в их числе: Горная Академия, Санкт-Петербургский инженерно-строительный институт, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Институт археологии РАН, Институт истории и материальной культуры РАН, МХТИ им. Д. И. Менделеева и др.)².

Для рассмотрения программ археологических исследований и выдачи согласований на работы в Краснодарском крае в 1992 г. при комитете был создан

¹ Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 1.

² Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 1.

экспертный совет специалистов-археологов¹. В течение 1993 г. им было проанализировано 25 планировавшихся исследовательских проектов². Позже, в 1994 году, аналогичный совет был создан по памятникам архитектуры и истории.

Особое внимание комитет уделял формированию сети малых местных подразделений, занимающихся памятникоохранной деятельностью. В 1992 г. был подготовлен пакет документов по созданию комитетов по охране историко-культурного наследия в Краснодаре, Новороссийске, Ейске и северо-западной части края, Черноморской группы охраны и контроля памятников археологии, отдела наследия города Армавира и юго-восточной части Краснодарского края³.

В условиях, когда на государственном уровне, законодательная база находилась в стадии реформирования, чтобы не допустить причинения вреда памятникам, комитетом был разработан и представлен на утверждение краевой исполнительной власти ряд нормативных актов, среди которых были решения об исполнении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края в текущих условиях⁴, о дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края по итогам поисковых работ⁵, об определении историко-культурных земель при отводах участков земли⁶, о порядке изъятия сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и возмещении убытков по историко-культурным

¹ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 238 «О создании совета специалистов и общественности по вопросам сохранения историко-культурных ценностей Краснодарского края».

² Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 5.

³ Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 1.

⁴ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 № 105 «Об исполнении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края».

⁵ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 237 «О дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края».

⁶ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 236 «Об определении историко-культурных земель при отводах участков земли».

землям¹, о порядке производства археологических раскопок и разведок², об охране и использовании памятников истории и культуры³, о методиках сохранения недвижимых памятников археологии⁴, о передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий и сооружений, имеющих статус памятников⁵ и др.

Перечисленные и другие правовые акты, а также принятые краевой исполнительной властью при участии комитета решения о закреплении недвижимых объектов наследия в составе федеральной, краевой и муниципальной собственности, обеспечивали их сохранность в условиях «бума приватизации», затронувшего в ряду прочего и памятники истории и культуры. Под определенный контроль были взяты «многие сферы хозяйственной деятельности, могущие нанести ущерб историко-культурным памятникам через согласования по отводу земли», координировались «работы археологических экспедиций научных учреждений РФ с учетом сохранности памятников (такая задача впервые за много лет была решена комитетом)»⁶.

Все это становилось возможным благодаря широкому обсуждению проблемных вопросов в научной среде. С 1989 г. в практику научно-производственной группы и затем комитета более чем на два десятилетия вошли организация и проведение совместно с Кубанским государственным университетом и Краснодарским историко-археологическим музеем-заповедником им. Е. Д. Фелицына Кубанских археологических научно-практических

¹ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 13.01.1993 № 6 «О временных нормативах стоимости освоения новых земель взамен изымаемых сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и нормативах возмещения убытков по историко-культурным землям».

² Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1993 № 96 «Об утверждении положения о порядке производства археологических раскопок и разведок на территории Краснодарского края».

³ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 29.04.1993 № 150 «Об утверждении Временного положения об охране и использовании памятников истории и культуры в Краснодарском крае».

⁴ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 14.07.1993 № 238 «Об утверждении Временных методик на недвижимые памятники археологии Краснодарского края».

⁵ Архив УГООКНKK. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 08.09.1993 «О передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий, памятников и иного имущества, охраняемого государством, как историко-культурное наследие».

⁶ Архив УГООКНKK. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Краснодарского края. 1993. С. 3.

конференций.¹ Показательно, что по результатам первых двух были сформированы предложения по созданию федеральной службы охраны историко-культурного наследия, направленные в отдел культуры Правительства РФ и в научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. С приходом на должность председателя комитета А. Ф. Ачкасовой тематика проводившихся конференций расширилась – на обсуждение дополнительно стали выноситься общие вопросы сохранения наследия, истории края и культурного наследия кубанского казачества².

Основу же деятельности комитета составляла практическая работа, а именно: инвентаризация и учет состояния памятников. В 1992–1995 гг. впервые была осуществлена масштабная инвентаризация памятников истории и культуры; проводились «новостроечные» археологические исследования; шло обследование территорий и выявление памятников на проектируемых объектах строительства; обследовалось техническое состояние архитектурных объектов; заключались охранно-арендные и охранные договоры с собственниками и пользователями объектов, имеющих статус памятников истории и культуры, выдавались охранные обязательства; разрабатывались проекты охранных зон; организовывались реставрационные работы и др.

Накопленный разносторонний опыт позволил вплотную подойти к подготовке крупных программных проектов, одним из которых был

¹ Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Тезисы докладов. (Краснодар, 05-07 марта 1989 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. 150 с.; Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. (Краснодар, 15-18 марта 1993 г.). / отв. редактор И.И. Марченко. Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, 1993. 106 с.; Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции (Краснодар, Анапа, 01-03 июля 2001 г.). Краснодар, 2001. 234 с.; Четвертая Кубанская археологическая конференция. Сб. тезисов конференции. (Геленджик, 05-08 октября 2005 г.). Краснодар, 2005. 340 с.; Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. (Анапа, 05-10 октября 2009 г.). Краснодар: Изд. Куб. гос. ун-та, 2009. 475 с.; Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. Краснодар : Экоинвест, 2013. 497 с.

² Историко-культурное наследие и современность. Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20 - 24 июня 1995 г.). Краснодар, 1995. 320 с.; Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции (станица Полтавская, 23 - 27 сентября 1996 г.) / Науч. ред.: В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. Краснодар, 1996. 304 с.; Гуманитарная мысль Юга России в XX веке: тезисы межрегиональной научной конференции. Ст-ца Тамань, 19-22 сентября 200 г. / науч. ред. В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев : Кубанский гос. ун-т; Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края; Краснодар. крив. о-во «Знание»; Администрация Темрюкского р-на. Краснодар, 2000. 188 с.

«Исторический город» – к нему стали собирать материалы совместно с администрацией и отделом архитектуры администрации города Ейска¹.

Однако нарастающий процесс приватизации недвижимых объектов, угрожающий сохранности памятников истории и культуры, а также законодательная нестабильность диктовали необходимость на общегосударственном уровне разработки нового законодательства и на краевом – обретения большей самостоятельности органа охраны историко-культурного наследия, который мог быть наделен полномочиями непосредственно от федеральной власти.

В этой связи в марте 1994 г. постановлением главы администрации Краснодарского края комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края был выведен из подчинения управлению культуры и наделен полномочиями государственного органа в составе администрации².

При этом работа по сформировавшимся ранее направлениям была продолжена с учетом полученного опыта – комитет занимался выявлением и учетом памятников, их инвентаризацией и паспортизацией, инспектированием и контролем за соблюдением законодательства, государственным техническим надзором за ходом и качеством ремонтно-реставрационных работ, проектированием зон охраны и установлением режимов использования историко-культурных земель и т.д.

Новый статус государственного органа во многом изменил отношение властей всех уровней к наследию и к требованиям законодательства по его сохранению. Персональная ответственность была возложена на заместителей глав городов и районов края. Кроме того, были закреплены права комитета по владению, пользованию и распоряжению недвижимыми памятниками.

¹ Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 5.

² Архив УГООКНKK. Постановление главы администрации Краснодарского края от 14.03.1994 № 132 «О специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

Большую роль в оперативном решении вопросов с охраной наследия продолжали играть региональные инспекторы, количество которых увеличилось. По состоянию на 1997 г. региональные инспекторы комитета работали «в шести исторических населенных пунктах края», еще пять общественных инспекторов были задействованы на контрактной основе, «более чем в половине территории края назначены ответственные лица по работе с наследием»¹.

Подготовленная совместно с администрацией законодательная база позволила комитету «создать систему охранных мероприятий на памятниках и реставрировать их за счет пользователей с последующей компенсацией затрат в течение ряда лет, т.е. производить кредитование ремонтно-реставрационных работ за счет пользователей»².

Еще до выработки федерального закона о памятниках истории и культуры по инициативе комитета и с его участием Законодательное собрание Краснодарского края в марте 1997 г. приняло закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края», в котором были «сформулированы главные направления государственной политики в отношении памятников и детально определен механизм ее реализации и регулирования взаимоотношений между органами государственной власти, местного самоуправления и гражданами, учреждениями и организациями... определены предметы регулирования, основные понятия, виды памятников, роль общественных организаций, порядок государственного учета и др.»³.

В соответствии с этим законом координацию всех видов деятельности по сохранению наследия осуществлял комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, который

¹ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 2. С. 16.

² Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 2. С. 16.

³ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 2. С. 16.

определял «конкретные меры для достижения главной цели – сохранения и приумножения историко-культурного наследия Кубани»¹.

Очевидно, что системность в любой деятельности во многом обеспечивает ее результативность. В этом отношении важной вехой в деятельности комитета стал переход к комплексному, программному подходу к вопросам сохранения наследия. В 1997 г. была принята долгосрочная краевая программа по выявлению, сохранению и использованию памятников истории и культуры, рассчитанная на период с 1997 по 2010 годы и получившая название «Наследие». Частью программы стала вторая в 1990-х годах инвентаризация памятников истории и культуры, позволившая создать базу данных из почти 100 тысяч памятников истории и культуры, находящихся на территории края².

К началу 2000-х гг. краснодарскому комитету удалось создать на территории края эффективную, самофинансируемую систему охраны и сохранения историко-культурного наследия. К этому времени нормативная база, разработанная специалистами комитета совместно с Законодательным Собранием Краснодарского края и ставшая образцом для использования государственными органами охраны памятников практически всех регионов России, включала 12 законов и более 20 постановлений. В этом списке был и уникальный на тот момент региональный закон «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края»³, подготовленный и принятый за два года до выхода федерального закона. Уникальным, единственным в России, правовым документом стало и «Положение об охране и использовании подводных историко-культурных ценностей», регулирующие вопросы охраны объектов культурного наследия, расположенных в морях и внутренних водоемах Краснодарского края. Положение «получило

¹ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 2. 1997. С. 16.

² Архив УГООКНKK. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие» (1997–2010 гг.).

³ Архив УГООКНKK. Закон Краснодарского края от 17 августа 2000 г. «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края». Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. 25 декабря 2000 г.

высокую оценку специалистов Международной археологической конференции в Болгарии»¹.

После вступления в силу федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» специалисты комитета в течение короткого времени подготовили необходимые корректировки в действующий краевой закон и в том же 2002 г. представили его на рассмотрение Законодательного собрания Краснодарского края (был принят 22 января 2003 г.).

Следует отметить еще один проект закона, разработанный по инициативе комитета, – «О землях недвижимых объектов (памятников истории и культуры) регионального и местного значения, расположенных на территории Краснодарского края», согласно которому за памятниками закреплялась занимаемая ими территория, определялись временные охранные зоны, устанавливались правоотношения в сфере владения и распоряжения такими землями².

Отдельного внимания заслуживает проведенная специалистами комитета работа по подготовке материалов о памятниках для внесения в государственные градостроительный и земельный кадастры. В начале 2000-х гг. совместно с Южнороссийским институтом мониторинга и экосистем было выполнено картографирование всех ранее учтенных и вновь выявленных памятников археологии и их охранных зон с привязками к системе географических координат. Документация была подготовлена по всем районам края и направлена в местные комитеты по архитектуре и градостроительству и для внесения данных в государственные кадастры – это должно было обеспечить защиту археологического наследия³.

В части сохранения архитектурного наследия в 2000-х гг. комитет подошел к пониманию необходимости сохранения не только отдельных памятников, но и

¹ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. № 2. 2002. С. 30.

² Архив УГООКНKK, Закон Краснодарского края от 6 февраля 2003 г. № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края».

³ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. № 2. 2002. С. 31.

создающей их пространственный контекст исторической средовой застройки. В этой связи была начата работа по составлению историко-архитектурных опорных планов для шести исторических поселений Краснодарского края. Более того, комитету «удалось добиться выделения средств на их разработку как из федерального, так и из краевого бюджетов». Важно подчеркнуть, что в течение всего периода деятельности комитета его программы, проекты, полученные в процессе практических исследований результаты находились в поле научного обсуждения. Отдельные результаты археологических исследований нашли отражение в изданных четырех сборниках научных трудов. Всего по состоянию на 2004 г. было издано более 30 наименований краеведческой, научной и научно-популярной литературы¹.

В начале 2000-х гг. Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края получил всеобщее признание – он вошел «в пятерку самых сильных и эффективно работающих региональных органов охраны памятников в Российской Федерации»², а по некоторым позициям «опередил все аналогичные региональные службы России»³.

Однако в результате административной реформы 2004 года самостоятельный государственный орган охраны культурного наследия, находившийся в подчинении заместителя главы администрации края, был ликвидирован, а функции государственного органа охраны возложены на департамент культуры Краснодарского края. Упраздненный комитет по охране наследия, переименованный в управление, вошел в структуру департамента как его подразделение без прав юридического лица.

Реорганизация 2004 года (сокращение количества специалистов в 5 раз, понижение юридического статуса госоргана и его подчинение узкопрофильному департаменту) объективно ухудшила состояние отрасли и историко-культурного наследия края.

¹ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 2. С. 32.

² Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 2. С. 26.

³ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 2. С. 32.

В 2008 году теперь уже управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) было выведено из подчинения департамента культуры Краснодарского края, но с возвращением спустя год статуса самостоятельного органа государственной власти, специально уполномоченного в сфере сохранения культурного наследия, он не обрел прежней широты полномочий, достаточной для полноценной реализации предписанных законодательством и обществом задач, но все более сосредоточивал внимание на формальных сторонах памятникоохранной деятельности. Кроме того, к этому времени был упразднен институт региональных инспекторов госоргана и общественных инспекторов по охране памятников.

3.2 Программные подходы и их роль в сохранении культурного наследия региона

Отличительной особенностью деятельности краевого органа охраны памятников истории и культуры в 1990-е – начале 2000-х гг. был целенаправленный поиск эффективных и научно обоснованных системных методов в достижении поставленных целей и задач.

Первым крупным мероприятием, которое может быть отнесено к программным, стала инвентаризация памятников истории и культуры в 1992–1993 гг., основанием к которой послужил приказ Министерства культуры Российской Федерации¹. Она отличалась не только масштабностью территориального охвата, но и количеством участников. К работе были привлечены научно-исследовательские и учебные учреждения, музеи г. Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара и городов края.

¹ Архив УГООКНKK. Приказ Министерства культуры РФ от 25.03.1992 № 01-69/16-14 «Об инвентаризации историко-культурного наследия народов Российской Федерации».

По итогам инвентаризации 1992–1993 гг. в списках, стоящих на государственной охране и вновь выявленных памятников истории и культуры значилось около шести тысяч недвижимых объектов, из которых более пяти тысяч относились к археологическому наследию¹. За это время было подготовлено 200 паспортов памятников по действующей форме, на государственную охрану поставлено 513 объектов².

В то же время отдельные, довольно значительные по площади, районы края – Лабинский, Мостовской, Туапсинский и тяготеющие к городам Сочи, Геленджика, Новороссийска – были обследованы лишь фрагментарно или не исследовались совсем.

Второй этап инвентаризации был осуществлен в 1994–1995 гг. На этот раз особое внимание было уделено краевому центру – городу Краснодару, в старых кварталах которого было выявлено и поставлено на учет более 100 объектов, представляющих собой историческую и архитектурную ценность³.

По состоянию на 1996 год в Краснодарском крае насчитывалось 5454 памятника, стоящих на государственной охране, из них – 2190 памятников археологии, 272 – архитектуры, 2244 – истории и 748 – монументального искусства, и корпус из почти шести тысяч вновь выявленных памятников археологии (составляющих основную часть) и архитектуры⁴.

В 1996 г. комитетом был предложен новый, системный, подход к сохранению историко-культурного наследия, который должен был учесть весь массив памятников, их типологические и хронологические характеристики и историческую значимость. Он был воплощен в программе, разработанной комитетом совместно с краевым департаментом культуры и получившей название «Наследие». Программа создавалась долгосрочной и была рассчитана на

¹ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 2. 1997. С. 13.

² Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. XII. 1993. С. 3.

³ Архив ЗКНИИКП. Папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994–1995 гг. Полевой материал»; папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994–1995 гг. Материалы фотофиксации».

⁴ Архив УГООКНKK. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие» (1997–2010 гг.). 1997. С. 6–7.

реализацию с 1997 по 2010 гг. В качестве её основных целей устанавливались: «выявление, сохранение и использование недвижимых памятников архитектуры, археологии, истории и этнологии края; содействие развитию народов, населяющих территорию края, на основе равноправного межнационального культурного взаимодействия посредством сохранения, изучения и использования историко-культурного наследия края»¹.

Программа делилась на два этапа: 1997–2000 гг. и 2000–2010 гг. Приоритетными задачами первого этапа были: выявление, паспортизация и постановка на учет памятников архитектуры, истории и этнологии; те же задачи в отношении памятников археологии и разработка проектов зон охраны памятников; проведение противоаварийных работ на памятниках архитектуры и реставрация приоритетных объектов; в целях обеспечения сохранности исторического облика городов – разработка проектов зон охраны памятников архитектуры. Планировались также мероприятия по воссозданию утраченных в первые советские десятилетия, имеющих особое значение для истории края, архитектурных и монументальных памятников. Исполнение программных мероприятий должно было обеспечить финансирование предполагалось из разных источников – федерального, краевого, местных бюджетов и внебюджетных средств.

По своему содержанию программа «Наследие» являла собой итог многолетней научно-исследовательской, проектной и практической работы специалистов комитета и сотрудничавших с госорганом ученых – историков, археологов, краеведов, которым удалось «по крупицам собрать и проанализировать всю имеющуюся информацию о состоянии недвижимых памятников Кубани»².

Для включения в программу «Наследие» по результатам всестороннего рассмотрения были отобраны памятники с наиболее высокими критериями исторической и художественной ценности и нуждавшиеся в первоочередных

¹ Архив УГООКНKK. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие» (1997–2010 гг.).

² Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 2. С. 16.

спасательных мероприятиях – реставрационных или ремонтных работах, охранно-спасательных раскопках, а также территории, требующие обследования на предмет выявления новых объектов и уточнения состояния известных.

Сама форма документа и его наполнение, включавшие тестовые сведения, фотографии, картографические материалы и др., позволяли составить многоплановую и обоснованную картину историко-культурного наследия региона, выявить, насколько изучен тот или иной район края, и определить перспективы по изучению, сохранению и эффективному использованию недвижимого историко-культурного наследия.

Структура документа включала пять разделов. Первый раздел касался памятников археологии – в нем предполагалось составление списков объектов, их фотографирование и составление схем расположения. Вторая часть была посвящена архитектурному наследию, и её результативная часть должна была включать перечень памятников, перечни необходимых для их сохранения проектных и реставрационных работ, также фотографии и схемы расположения. В третьем разделе содержались материалы по памятникам истории, в том числе их пообъектный перечень с указанием необходимых охранных мероприятий, материалы фотофиксаций и схем расположения. Памятникам этнологии и связанным с их охраной мероприятиями отводился четвертый раздел. Наконец, пятый раздел представлял собой перечень научно-исследовательских тем, обеспечивающих реализацию программы, и планов издательской деятельности. Весь программный материал был систематизирован и изложен в табличных формах. Каждый раздел сопровождался пояснительной запиской с исторической справкой и краткими сведениями о памятниках, включавших наименование, месторасположение, характер намечаемых мероприятий по сохранению и возможному использованию, примерную стоимость работ и источники финансирования.

В программу был также включен научный раздел. В нем обозначались направления научных исследований, которые должны были служить обеспечением установленных практических задач. Предусматривалась публикация полученных

результатов в виде научных трудов, каталогов, альбомов, журналов, брошюр и др., среди которых планировались к изданию «Свод памятников истории и культуры Краснодарского края», справочники «Исторические города Краснодарского края», «Памятники православного церковного зодчества Кубани», фотоальбомы «Кубанская старина», «Архитектурные детали памятников зодчества Кубани», различные путеводители и целый ряд других¹. Большинство издательских (и не только) планов осталось невыполненным, но масштаб и разносторонность намеченных мероприятий свидетельствует о глубоком научном осмыслении разработчиками целей, задач и перспектив реализации программы.

С преобразованием в 2004 году комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в структурное подразделение краевого департамента культуры² краевая программа «Наследие» была свернута без какой-либо публичной мотивации. С этого времени деятельность органов власти в сфере сохранения культурного наследия свелась почти исключительно к надзору за соблюдением действующего законодательства и выполнению предписаний администрации Краснодарского края.

С середины 1990-х гг. в целом по стране появилась возможность финансирования масштабных и дорогостоящих проектов за счет федеральных целевых программ. В 1996 г. постановлением правительства Российской Федерации была принята программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997–1999 гг.) с подпрограммой «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России», а с 2001 г. начала работать федеральная целевая программа «Культура России» сначала на период 2001–2005 гг., затем несколько раз продлевавшаяся до 2020 года. С 2006 г. в программу была введена подпрограмма, названная «Комплексный проект «Культурное наследие Юга России, как фактор экономического развития регионов», которая среди прочего

¹ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 2. С. 17.

² Архив УГООКНKK. Постановление главы администрации Краснодарского края от 06.05.2004 № 423 «О реорганизации департамента культуры Краснодарского края».

предусматривала выделение средств на мероприятия по сохранению объектов культурного наследия.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в повестке вопросов по сохранению наследия Краснодарского края, традиционно преимущественно «археологической», обозначилась, в русле общероссийских тенденций, тема охраны исторических поселений и их архитектурного достояния. В крае к этому времени действовал лишь один проект зон охраны, относящийся целиком к поселению, – разработанный ГИПРОГОРОм в 1990 г. для города-курорта Сочи.

В 1998 году по заказу комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края авторский коллектив под руководством архитектора И. И. Головеровой обследовал территорию свыше 500 га и разработал первый проект историко-архитектурного опорного плана исторической части города Краснодара. Экспертным научно-методическим советом при комитете проект был отклонен: разработчикам было предложено продолжить исследования исторической застройки для выявления и описания новых зданий-памятников, поскольку значительная часть ценных фрагментов и элементов городской среды, известных историкам и краеведам, осталась вне поля зрения разработчиков проекта. Вновь проект был представлен в составе концепции генерального плана города в 2000 г., но принят не был¹.

В 2000–2001 гг. были разработаны проекты зон охраны двух исторических поселений – станицы Тамань² и города Ейска³, составной частью утверждаемой документации которых являлись историко-архитектурные опорные планы. Эти два проекта, разработчиком которых выступила архитектурно-реставрационная мастерская И. Г. Семеновой (г. Москва), были утверждены в 2005 г. постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края⁴. С

¹ Архив УГООКНKK. Историко-архитектурный опорный план города Краснодара. Научно-проектная документация в 6 т. Краснодар: ООО «Персональная творческая мастерская Головеровой И. И.», 2001.

² Архив УГООКН. Проект зон охраны памятников станицы Тамань Краснодарского края. Научно-проектная документация. М.: Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2000.

³ Архив УГООКНKK. Проект зон охраны города Ейск. Научно проектная документация. В 3 т. М.: Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2002.

⁴ Архив УГООКНKK. Постановление главы администрации Краснодарского края от 12.05.2005 № 418 «Об утверждении проектов зон охраны памятников истории и культуры города Ейска и станицы Тамань».

принятием в 2004 г. нового Градостроительного кодекса исторические поселения стали рассматриваться в качестве «лишь одного из видов зон с особыми условиями использования территорий»¹, и это стало поводом к остановке работ по проектированию регламентирующих градостроительную деятельность в их границах историко-архитектурных опорных планов.

В 2010-е годы в течение нескольких лет управлением государственной охраны, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края велись работы по подготовке учетной документации выявленных в процессе инвентаризации 1990-х – 2000-х годов объектов в целях определения их историко-культурной ценности и последующей регистрации (или, при не установленной ценности, отказе в регистрации) в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ.

Работа осуществлялась привлеченными специалистами на контрактной основе. Списки готовились управлением по территориальной принадлежности объектов и могли одновременно включать по несколько десятков позиций из перечня вновь выявленных объектов культурного наследия. Примечательно, что эти перечни к началу работ по паспортизации и регистрации объектов в реестре уже оказались заметно «прорежены».

Исследованию подлежали памятники архитектуры, истории и монументального искусства. Поскольку на выполнение работ отводились ограниченные сроки, в которые провести тщательные историко-культурные исследования было невозможно, установленный состав отчетной документации включал самые общие сведения об объектах. Тем не менее, даже в предлагаемых обстоятельствах, проводились комплексные научные исследования – натурные и историко-архивные, в результате чего был собран колоссальный фактологический материал, выявлены и устранены неточности в существовавших на тот момент

¹ Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 3. С. 103.

сведениях, уточнены наименование и датировка объектов, их месторасположение, выполнены архитектурные описания, а также зафиксированы утраты, которые произошли в первое десятилетие ХХІ века.

Так, в 2012 году в ведомственную целевую программу «Сохранение культурного наследия Краснодарского края» вошли мероприятия по подготовке учетной документации на 15 выявленных объектов культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения архитектуры, расположенных на территории города-курорта Сочи, для последующего их включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Двенадцать из них получили статус вновь выявленных памятников истории и культуры, а затем выявленных объектов культурного наследия, в 1999 и 2002 годы соответственно¹, при этом полностью отсутствовала какая-либо документально зафиксированная мотивация: не было ни фотографий, ни описательных материалов, даже кратких, обосновывающих какую-либо историко-культурную ценность этих объектов на тот момент. Более того, сам перечень объектов, как выяснилось в процессе работ по подготовке учетной документации, содержал множество неточностей, а порой откровенно ошибочных сведений.

Например, по адресу: ул. Ленина, 366, значился объект «Дача графа Соловьева, нач. ХХ в.». По данным каталога историко-культурного наследия г. Сочи, изданного в 1997 году, вновь выявленный объект с таким наименованием и по указанному адресу был поставлен на учет постановлением главы администрации Адлерского района г. Сочи от 19 февраля 1993 года № 117². Однако в материалах Адлерского БТИ такого адреса не оказалось, а разыскать этот объект на местности не представлялось возможным ввиду отсутствия каких-либо критериев поиска; кроме того, ни в одном из архивов не было найдено информации о «графе Соловьеве».

¹ Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29 апреля 1999 года № 26-п. Решение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 12 февраля 2002 года № 2-р.

² Каталог историко-культурного наследия Сочи. Гусева А. В. и др. Сочи, 1997. С. 42

Другие два объекта в Адлере – «Здание тубдиспансера, 1904 – 1905 годы» (ул. Свердлова, 27) и «Здание торгового дома, нач. 20 в.» (ул. К. Маркса, 23) – ко времени их обследования в 2012 году полностью изменили первоначальный облик: здание по ул. Свердлова, 27 являлось современной постройкой, возведенной на старом фундаменте, был кардинально перестроен и второй объект – по ул. Маркса, 23. По адресу: Курортный проспект, 105/8 – в перечне выявленных объектов значилось «Здание дачи Витте в комплексе с дворовыми постройками», но к 2012 г. на этом месте было уже современное здание.

Сложности, в первую очередь, с локализацией, возникли и при работе над выявленным объектом «Здание старого корпуса № 3 санатория «Москва» по ул. Депутатской, 10. По указанному адресу числились несколько капитальных строений с разными литерами, ранее входивших в состав санатория «Москва». Одно из них - здание спального корпуса № 1 под литером К (построено в 1938 году) – в 2011 году было атрибутировано как «Здание, где в годы Великой Отечественной войны находился госпиталь № 2124, 1941–1945 годы», объект культурного наследия региональной категории историко-культурного значения¹. В результате проведенных в архивах города, музеев, БТИ исследований удалось и атрибутировать исследуемый объект, и выявить новые здания с признаками объектов культурного наследия².

При обследовании объектов пристальное внимание уделялось характеристикам подлинности, фиксации изменений первоначального облика и оценке их обратимости, пространственному контексту. Все материалы поступили в архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. В результате была сформирована база научных данных, которая могла быть использована в целях сохранения своеобразия исторического поселения.

¹ Архив УГООКНKK. Акт государственной историко-культурной экспертизы от 22 сентября 2011 года, составленный экспертом В.В. Бондарем.

² Маркова О. Н. Из опыта исследования выявленных объектов культурного наследия города Сочи // Постолимпийский Сочи: экологические проблемы и перспективы сохранения природного и историко-культурного наследия. Материалы научно-практической конференции. г. Сочи, 5–7 июля 2014 г. Сочи, 2014. С. 156–159.

Аналогичные подходы применялись при составлении учетной документации каждого обследованных населенных пунктов. По сути, это был базировавшийся на научном и методическом подходе мониторинг состояния историко-архитектурного наследия края, который, тем не менее, позволил придать полноценный охранный статус сотням памятников архитектуры и истории.

С принятием Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ над содержательными критериями получения заказа стали довлеть формальные, при которых главным условием получения заказа становилась цена, в результате чего к участию в работах по реестру получили возможность допуска некомпетентные либо недобросовестные исполнители. Всего с 2014 г., когда начала действовать автоматизированная система единого государственного реестра¹, было зарегистрировано около 9 тысяч объектов культурного наследия². По этой причине на сегодняшний день значительное число внесенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия нуждается в уточнении сведений.

В 2010 г. был издан вызвавший широкий общественный резонанс совместный приказ Минкультуры РФ № 418 и Минрегионразвития РФ № 339 от 29 июля 2010 г., которым был установлен перечень исторических поселений Российской Федерации из 40 городов и сельских населенных пунктов. Ни одно из поселений Северо-Западного Кавказа в этот перечень не вошло (весь Юг России был представлен единственным историческим городом – Дербентом). Эта ситуация была разрешена в 2012 г. с внесением изменений в федеральный закон об объектах культурного наследия № 73-ФЗ, которыми были установлены две категории исторических поселений – федерального и регионального значения, одновременно уточнены понятие исторического поселения и состав предмета охраны; право его

¹ Архив УГООКНKK. Приказ министерства культуры Российской Федерации от 03.06.2014 № 966 «О внесении изменений в Положении о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденное приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954».

² Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения 06.11.2021).

утверждения возлагалось на уполномоченный в сфере охраны наследия государственный орган, в компетенции которого находилось историческое поселение – «этим и последующими изменениями (законами от 22.10.2014 г. № 315-ФЗ и от 30.12.2015 г. № 459-ФЗ) устанавливалась прямая связь законодательства в сфере сохранения наследия и Градостроительного кодекса РФ в части регламентации градостроительной деятельности в исторических поселениях»¹.

Шесть исторических поселений Краснодарского края (города Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Сочи, станица Тамань) получили статус региональных, однако реальных законодательных механизмов по сохранению ценных точки зрения истории и культуры их качеств не существовало, историческая среда стремительно утрачивалась под натиском современного строительства.

В 2015 г. «главой региона была поставлена задача выработать систему мер по преодолению конфликта современного строительного процесса с интересами сохранения культурного наследия не только в столице Кубани, но и в целом по краю»². В рамках реализации требований действующего законодательства в 2017–2019 гг. были проведены историко-культурные исследования и представлены на утверждение в управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края проекты предметов охраны и границ территории всех шести исторических поселений края. Требования к такого рода проектным работам, включавших комплекс самых разных задач, определенных федеральным законом, уже сами по себе предполагали системный подход.

В 2017 г. были утверждены предметы охраны и границы территории Тамани и Анапы, в 2019 г. – Краснодара и Армавира, в 2020 г. – Ейска. Разработанный в 2018–2020 гг. проект предмета охраны исторического поселения города Сочи

¹ Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. 2016. №3. С. 103.

² Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 3. С. 104.

администрацией Сочи до сих пор не вынесен на обсуждение профессиональным сообществом¹.

Подходы к определению ценностных характеристик исторических поселений были различны. При обосновании охраняемых качеств исторической среды Анапы и Тамани были использованы традиционные, характерные для проектной документации, методы историко-архитектурных и историко-градостроительных исследований. Разработка проектов предметов охраны Краснодар, Армавира и Сочи базировалась на научно-теоретических принципах культурно-ландшафтных исследований. При всех различиях, в этих проектах решались вопросы определения сущностных качеств поселений, составляющих их историко-культурную уникальность. В отличие от названных научно-проектных работ, проект предмета охраны исторического поселения город Ейск был ориентирован на отражение формальных характеристик.

Разработка предметов охраны и границ территорий исторических поселений Краснодарского края на сегодняшний день является последней масштабной региональной программой в сфере сохранения культурного наследия.

Несмотря на незавершенность и, в отдельных случаях, неполноту региональных программных проектов, они оказали основополагающее воздействие на всю сферу сохранения недвижимого культурного наследия как в процессе их реализации, так и в последующее время.

¹ Бондарь В.В., Маркова О.Н. А Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа). М.: Институт Наследия, 2020. С. 120–123, 163, 104–105, 196–199, 234–236, 305–308.

3.3 Современные научные инициативы в сфере сохранения и актуализации историко-культурного наследия: музеефикация и реализация культурно-ландшафтного принципа

В постсоветский период проблематика наследия заняла прочное место в поле общественного внимания и в научном дискурсе. При этом понятие «сохранение наследия» очень скоро оказалось практически неотделимым от понятия «использование». Ценность объектов культурного наследия, а значит и обеспечение их сохранности, все более зависела от возможности их включения в хозяйственно-экономические процессы для получения дохода и прибыли.

В этой связи перед государственной властью, гражданским обществом, учеными и профессиональными объединениями встала задача актуализации историко-культурного наследия – выявления его социально-культурного и экономического потенциала и определения перспектив и механизмов применения. Оптимальным способом решения такой задачи представлялась музеефикация. С одной стороны, музеефикация способствовала «выведению множества памятников истории и культуры, как и ценных природных объектов, на орбиту туристического бизнеса»¹. С другой – существовала «потребность человеческого общества противопоставить процессам глобализации процессы закрепления общественной памяти как через движимые, так и недвижимые овеществленные свидетельства исторической памяти, живые традиции, исторически сложившиеся ландшафты, образ жизни и т.п.»².

В 1990-е гг. на территории Краснодарского края примеры музеефицированных еще в советское время объектов были единичны и хорошо известны: это имеющие статус музеев-заповедников федерального значения законсервированная часть раскопа городища «Горгиппия» в Анапе и открытый участок Таманского городища, отнесенные к филиалам Краснодарского

¹ Бондарь В. В. Социальный и экономический потенциал историко-культурного и природного наследия региона // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2007. С 31.

² Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. С. 10.

государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына – соответственно Анапскому и Таманскому музейным комплексам. Регулярно включавшиеся в официальные краевые программы по сохранению наследия предложения по музеефикации тех или иных недвижимых памятников не были реализованы.

Тем не менее проблематика сохранения наследия музейными средствами не теряла своей актуальности ни в процессе государственного нормотворчества, ни в научном поле. В 2005 г. вышло решение правительства РФ «О мерах государственной поддержки музеев-заповедников и историко-культурных заповедников», а в 2008 г. была опубликована Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации, провозгласившая, что музеи-заповедники обеспечивают охрану наследия и служат устойчивому культурному развитию страны¹.

Опираясь на транслируемые принципы государственной политики, на региональном уровне отдельные ученые инициировали теоретические и прикладные исследования проблем музеефикации недвижимого наследия, касающихся, среди прочего, определения оптимальных соотношений подлинного и неподлинного, исследовали социокультурные ресурсные потенциалы различных районов края, выдвигали конкретные проектные предложения. Только на состоявшейся в 2007 г. в Майкопе региональной научно-практической конференции по теме «Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами» были озвучены десятки проектных предложений, которые могли быть введены в социокультурный и хозяйственный оборот, обеспечивать сохранность объектов культурного наследия и служить развитию территорий².

¹ Бондарь В. В., Маркова О. Н. Музеи под открытым небом в познавательном туризме: проблемы подлинности экспозиции (на примере Тамани) // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сб. науч. статей. Краснодар: Парабеллум, 2015. С. 189–190.

² Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: материалы региональной научно-практической конференции (г. Майкоп, 28–31 мая 2007 г.). Краснодар, 2007.

Первым постсоветским опытом научной музеефикации недвижимого памятника на территории Краснодарского края стала разработка Генерального плана развития территории объекта культурного наследия федерального значения – археологического комплекса «Гермонасса – Тмутаракань».

Расположенный в границах исторического поселения на высоком обрывистом берегу Таманского залива археологический комплекс является «единственным в своем роде памятником культуры античного мира и средневековья, Нового времени и XX столетия»¹. Виды самого памятника и его пространственного окружения обеспечивают ему высокие аттрактивные качества. Памятник является частью Таманского музейного комплекса. Одновременно это место проведения археологических научных исследований и охранно-спасательных раскопок в период полевого сезона, когда памятник становится объектом экскурсионного показа. Это объясняется тем, что большинство раскопов после завершения полевых работ консервируется либо рекультивируется. Музейную инфраструктуру объекта до сих пор составляют входная зона и несколько пешеходных троп, связывающих участки городища, на которых заложены раскопы, располагаются смотровые площадки, либо переходы между уровнями. В этой связи разработка генерального плана развития территории памятника должна была обеспечить научно обоснованный рациональный базис для создания полноценного средового музея.

Работы были выполнены в 2007 г. сотрудниками Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия (г. Краснодар) в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2006–2010» и включали в себя следующие виды: комплекс историко-архивных и библиографических исследований с целью установления основных исторических этапов являющегося частью комплекса Таманского городища и его трансформаций в исторической ретроспективе; натурные исследования городища с фотофиксацией и ландшафтно-визуальным анализом; камеральная обработка полученных материалов и сравнительный анализ

¹ Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: Исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов. Краснодар: Платонов, 2011. С. 8.

натурных данных и результатов историко-архивных исследований, выявление элементов археологического комплекса, обладающих наиболее аттрактивными качествами; изучение отечественного и мирового опыта музеефикации; определение содержательной части и маршрута экскурсий; составление схем функционального зонирования и планов консервации и реконструкции элементов комплекса; составление собственно плана развития территории памятника археологии, который должен был стать полноценным музейным объектом. Результаты научных исследований и проектных работ позже прошли обсуждение на научных конференциях и были отражены в ряде научных публикаций, а также в вышедшей в 2011 г. монографии. Однако следующий этап работ, предполагавший собственно проект музеефикации и его реализацию, не состоялся из-за отсутствия финансирования.

Под музеефикацию был определен фрагмент памятника площадью 3,6 гектаров на возвышенной части городища, частью занимающей обрывистый и постепенно обрушавшийся склон, с культурными слоями античного и средневекового периодов.

В первую очередь, генеральный план был направлен «на реализацию функций сохранения и актуализации объектов историко-культурного наследия – открытых в ходе археологических исследований архитектурных сооружений (фрагментов сооружений) различных эпох, в целом уникального историко-культурного ландшафта комплекса»¹. Генпланом предлагалось содержательное и визуально выражаемое сочетание открытых и подготовленных для показа подлинных археологических объектов, участков охранно-спасательных раскопок и незначительного количества реконструкций.

Согласно генплану основными структурообразующими элементами создаваемого музея под открытым небом служили подлинные археологические объекты – законсервированные разноуровневые раскопы, которые давали возможность получить целый комплекс представлений о памятнике – увидеть

¹ Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: Исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов. Краснодар: Платонов, 2011. С. 123.

реальную мощь культурного слоя, которая в отдельных местах достигает 14 метров, и его стратиграфию, составленную из разновременных пластов, отражающих хронологию существовавших на этом месте поселений, то есть совершить своеобразное «погружение» посетителя (экскурсанта) в прошлое. К подлинным элементам музея был отнесен максимально сохраняемый природный ландшафт. Предполагалось, что реализация обозначенных генеральным планом задач позволила бы актуализировать выдающуюся историко-культурную ценность памятника археологии и привлечь средства для поддержания его сохранности.

Опыт относительно успешной реализации научного проекта музеефикации стало создание музейного комплекса в городе Усть-Лабинске как способа формирования особого образа города в сознании местного (и не только местного) сообщества, собственной «визитной карточки». При довольно скудных современных возможностях в поиске идентичности Усть-Лабинска и едва ли не единственным способом его информационно-презентационного «прорыва» представлялось создание доминантного объекта (или группы объектов) экскурсионного показа – музея или музейного комплекса, качественно выделяющегося в среде прочих музеев Кубани¹.

В конце 2005 г. Благотворительный фонд «Вольное дело» выступил с инициативой реконструкции и музеефикации Усть-Лабинской крепости. Эта инициатива была поддержана администрацией Усть-Лабинского района. Финансирование всех работ взял на себя фонд «Вольное дело», а научная сторона дела была поручена Усть-Лабинскому муниципальному краеведческому музею и Западно-Кавказскому НИИ культурного и природного наследия (входившего в структуру НП «Инновационно-технологический центр «Кубань-Юг»). Предварительный проект и концепция реконструкции и музеефикации памятника истории и фортификационного искусства «Усть-Лабинская (Александровская) крепость» были готовы к июню 2006 г. После натурного обследования на

¹ Бондарь В. В. Опыт концепции нового историко-краеведческого музея в городе Усть-Лабинске // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII.: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 18–20 октября 2016 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2016. С. 30–35.

территории крепости были реализован комплекс реконструкционных работ, выполненных силами подрядчика – ООО «Кубань-Строй» (г. Белореченск») под авторским надзором представителя НИИ – кандидата исторических наук В.В. Бондаря и директора Усть-Лабинского музея Т. Н. Игнатовой.

Концептуальные принципы реконструкции и музеефикации объекта сводились к следующему. На основе полностью и частично сохранившихся элементов памятника истории и фортификационного искусства регионального значения (площадь памятника – около 11,5 га, с учетом охранной зоны – около 14,5 га, длина периметра крепости с учетом утрат – около 3,3 км) – земляной Усть-Лабинской (Александровской) крепости, находящейся в историческом центре г. Усть-Лабинска на высоком правом кубанском берегу, создавался экскурсионный объект в составе Усть-Лабинского муниципального краеведческого музея¹.

Конечной целью реализации проекта было создание культурного, рекреационного и туристического центра в границах исторического города. Достижение названной цели предполагало комплексное натурное обследование территории памятника, историко-библиографические и архивные изыскания, разработку проекта реконструкции фрагментов крепости, проведение комплекса инженерно-технических работ по консервации существующих и реконструкции утраченных фрагментов крепости, проведение комплекса административно-хозяйственных мероприятий по музеефикации объекта.

В июне – августе 2006 г. была проведена консервация и реставрация сохранившихся фрагментов крепостного вала, в пределах двух куртин, одного бастиона и одного полубастиона; реконструкция частокола по валу, палисадов, линии рожон, артиллерийских туров на полубастионе. Изготовлены и размещены на территории полубастиона муляж крепостного орудия и деревянный блокгауз (сруб). Были приложены определенные усилия к формированию пространственного и информационного контекста реконструируемой крепости:

¹ Бондарь В. В. Опыт концепции нового историко-краеведческого музея в городе Усть-Лабинске // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII.: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 18–20 октября 2016 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2016. С. 30–35.

начала создаваться сеть пешеходных троп и лестниц по куртинам и подходов к крепости; устроена смотровая площадка на полубастионе; у подножия крепости был установлен стилизованный павильон – деревянный сруб, в котором оборудованы помещения для службы безопасности, обслуживающего персонала, билетная касса¹.

6 сентября 2006 г. состоялось торжественное открытие нового экскурсионного объекта – первый этап реконструкции крепости был завершен. Как показала практика, даже незавершенная реконструкция и начальный этап музеефикации сделали Усть-Лабинскую крепость заметным экскурсионно-туристическим объектом, привлекающим к себе все большее внимание публики.

В 2007–2008 гг. планировалось продолжение работ по реконструкции и музеефикации крепости. Было намечено восстановление Таманских и Кавказских ворот и подъемных мостов перед ними, отдельных построек внутри крепости, площадки водозабора и прикрывавших его траверс, проведение берегозащитных работ на участке перед местом бывшего водозабора, восстановление частокола и линии рожон по нескольким куртинам, бастионам и полубастионам. В рамках формирования туристско-рекреационной инфраструктуры объекта предполагалось создание системы маршрутных и информационных указателей, устройство автомобильной стоянки, декоративного ограждения (в виде плетня) примыкающих в территории крепости с внешней стороны частновладельческих дворов, закладка пояса зеленых насаждений и др. Однако ввиду разных причин эти работы не были выполнены.

Реализация первого этапа программы реконструкции и музеефикации крепости в 2006 году позволила привлечь интерес жителей Усть-Лабинска, района и всего края к еще недавно малоизвестному объекту, актуализировало его основные социальные функции: мемориальную, образовательную (познавательную), воспитательную и, в меньшей степени, рекреационную. Реконструированный

¹ Бондарь В. В. Реконструкция и музеефикация Усть-Лабинской (Александровской) крепости. От проектирования к первым результатам // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность: сб. материалов VI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2007. С. 194–197.

участок крепости, переданный Усть-Лабинскому музею, стал местом отдыха горожан и жителей окрестных населенных мест, сюда потянулись организованные экскурсанты из Краснодара, стали пользоваться популярностью регулярные экскурсии, организованные музеем.

Как разработка генерального плана развития территории археологического комплекса в Тамани, так и проектирование музея-крепости в Усть-Лабинске основывались на культурно-ландшафтном принципе, в основе которого «целостный территориальный комплекс» понимается как «системная взаимосвязь и историческая взаимообусловленность» составляющих комплекс «культурных, природных, социальных и хозяйственных компонентов»¹.

С концептуальных позиций культурного ландшафта в 2018–2019 гг. был разработан проект предмета охраны и границ территории объекта культурного наследия «Усть-Лабинская крепость», 1793 г.² Следует отметить, что в процессе комплексных историко-культурных исследований было установлено, что Александровская и Усть-Лабинская крепости – это два разных (хронологически и географически) фортификационных сооружения: первая была сооружена под руководством генерал-поручика (будущего генералиссимуса) А. В. Суворова в 1778 году и через год скрыта; вторая, более обширная, сохранившаяся и частично музеефицированная, относится к деятельности генерал-фельдмаршала И. В. Гудовича в 1792–1793 годах.

Состав и качественные характеристики предмета охраны и границ территории того достопримечательного места, расположенного в г. Усть-Лабинск Краснодарского края, к северу от правого берега р. Кубань, к востоку от ул. им. Дзержинского, между улицами им. Лермонтова на западе, и ул. им. Демьяна Бедного на севере, были определены на основании результатов комплексных историко-культурных исследований объекта, включавших натурное обследование, анализ соответствующей документальной базы, реконструкции обстоятельств

¹ Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 598.

² Архив Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия. Проект предмета охраны и границ территории достопримечательного места «Усть-Лабинская крепость». 1793 г. Краснодар, 2019.

происхождения и бытования объекта, в целях установления подлинных элементов и материальных свойств, обусловивших его историко-культурную ценность.

Пространство бывшей крепостной эспланады было обследовано по периметру и посредством осмотра объекта и его окружения с пешеходных троп и доступных зон и точек визуального восприятия. Территория внутри периметра валов обследовалась методом сквозного прохождения всех улиц, при этом уличные перспективы, развертки и панорамы и, частично, внутриворовые территории осматривались с гребней бывших крепостных валов.

Обследование сопровождалось сопоставлением натуры с имеющимися историческими картами, планами, косвенными описаниями местности, современным топографическим материалом и спутниковыми снимками.

По результатам натурного обследования территории установлены следующие характеристики объекта и его пространственного контекста. Объект исследования представляет собой расположенный на правом берегу реки Кубани в исторической части города Усть-Лабинска территориальный комплекс, выделяющийся в окружающем пространстве сохраняющимися валами бывшей крепости бастионного типа, образующими многоугольник с регулярной частью периметра с восточной, северной и западной сторон, и проходящей по гребню берегового склона нерегулярной юго-западной частью. Крепость сохраняет ясно проявленную подлинную историческую конфигурацию. Ее территория сочетает застроенную часть (внутри крепости) и в основном свободные от застройки валы, один из участков которых реконструирован и несет функцию объекта экскурсионного показа. Общая площадь территории крепости – около 11,5 га, длина периметра (с учетом утрат) – около 3,3 км. Акцентным элементом пространственного контекста бывшей крепости выступает обширный участок склона между крепостью и поймой Кубани, имевший ранее значение естественной эспланады и места размещения вынесенных вспомогательных сооружений (водозабора, траверс, траншей и т.п.), прорезанный относительно пологими ложбинами северо-южного направления, большей частью задернованный, с естественным травяным покровом, участками кустарниковой и низкорослой

древесной (преимущественно в припойменной части) растительности. Территория внутри периметра крепостных валов разделена улицами северо-южного (общий азимут 21°) и восточно-западного направлений на прямоугольные и подпрямоугольные (примыкающие к валам) кварталы с застройкой сельского типа: одноэтажными и двухэтажными жилыми домами и хозяйственными сооружениями на обширных частновладельческих участках в основном вытянутой прямоугольной формы, с садами и огородами.

При установлении видовой принадлежности объект наследия был отнесен к достопримечательным местам как «локальный культурный ландшафт, представляющий собой сочетание плоскостного территориального комплекса, образованного земляными валами периметра крепости на верхней террасе коренного берега Кубани – с занимающей береговой склон крепостной эспланадой», неотъемлемой частью которого, включенной в предмет охраны был «естественный характер обновляющегося массива древесно-кустарниковой растительности на береговом склоне»¹.

В целом можно отметить, что среди современных форм и методов сохранения недвижимого историко-культурного наследия – территориальных образований различного масштаба, с точки зрения научной обоснованности метод музеефикации был выделен как один из наиболее перспективных и эффективных и для сохранения культурного наследия, и для развития территорий при условии, если музеефикация должна базироваться на результатах комплексных научных исследований, устанавливающих разумные соотношения её хозяйственно-экономических, социокультурных и духовно-нравственных целей.

Вместе с тем, опыт применения основанных на теории культурного ландшафта исследовательских и проектных методов в части объектов культурного наследия – территорий, в том числе территорий исторических поселений, ансамблей, достопримечательных мест, показал их наилучшее соответствие конечным целям таких работ – сохранению историко-культурного наследия для

¹ Архив Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия. Проект предмета охраны и границ территории достопримечательного места «Усть-Лабинская крепость». 1793 г. Раздел 3: Утверждаемая часть. Краснодар, ИП Бондарь В.В., 2019. С. 7.

будущих поколений и устойчивого развития конкретной территории и в целом государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации отражены результаты исследования содержания и специфики процесса формирования системы сохранения недвижимого культурного наследия на Северо-Западном Кавказе в исторической ретроспективе – с конца XVIII века до настоящего времени.

Комплексный методологический подход к исследованию, сочетающий диахронно-синхронный, системный и историко-сравнительный методы позволил установить, что в основе социально-культурных практик, направленных на введение в гуманитарный оборот и физическое сохранение массива памятников истории и культуры, лежит сотрудничество государства и научного сообщества. Система мер, форм и методов обеспечения физической сохранности и презентации недвижимого наследия, трансформировавшаяся и расширявшаяся с течением времени, была важной частью процесса постепенной интеграции Кубани и Черноморья в имперское культурное пространство и позже социально-культурных процессов советского и постсоветского времени, являясь одновременно частью общероссийского процесса становления и развития памятникоохранной деятельности.

Отличительными чертами массива памятников, расположенных на территории исследования, является количественное преобладание и разнообразие археологического наследия, постоянный научный и общественный интерес к которому сохраняется с открытия здесь в конце XVIII века материальных следов античной культуры и средневековья.

Важнейшим достижением раннего этапа истории обозначенной сферы деятельности – со времени вхождения Прикубанья в состав России до окончания Кавказской войны – стало накопление обширной эмпирической базы, сформированной совместными усилиями военных и государственных служащих, «вольных» путешественников, радетелей старины и ученых. В ходе военно-казачьей колонизации, хозяйственного освоения и целенаправленного изучения территорий были обнаружены и зафиксированы в письменном и графическом виде,

опубликованы многочисленные материальные свидетельства прошедших эпох, прежде всего, античной и средневековой. Это стало причиной зарождения и стремительного развития устойчивого общественного и научного интереса, а также повышенного внимания государственной власти к краю и его богатейшему историко-культурному наследию, инициировало процессы, направленные на сохранение наследия и выстраивание системного взаимодействия между его участниками.

Во второй половине XIX в. одновременно с развитием гуманитарной науки, ростом общественного интереса к отечественной истории и культуре, вместе с совершенствованием законодательства памятникоохранительная деятельность на Северо-Западном Кавказе, как и в целом в России, вышла на качественно иной уровень. В это время регион стал территорией масштабных археологических исследований, проводившихся столичными научными организациями, поднявшими, в числе прочих, вопросы о необходимости сохранения недвижимого наследия. В этот же период здесь были созданы собственные учреждения и общественные объединения исследовательской направленности, среди них – Кубанский областной статистический комитет, Общество любителей изучения Кубанской области, частные и общественные музеи, открывшие новые направления в археологии, развернувшие широкую просветительскую деятельность и оказавшие непосредственное влияние на формирование государственных и общественных институтов сбережения памятников старины. К окончанию имперского периода отечественной истории благодаря научным и общественным инициативам, заинтересованному содействию местных властей в этой сфере деятельности была сформирована собственная нормативно-правовая база, опиравшаяся на законы Российской империи и учитывавшая региональную специфику. При этом результативность мер по охране недвижимого наследия, принимаемых официальными структурами, и включавших различные виды поощрения и наказания, в значительной мере зависела от отношения общества к памятникам старины.

С установлением Советской власти историко-культурному наследию была придана роль инструмента государственной идеологии, и именно с этих позиций в стране приступили к созданию государственной системы охраны памятников. Кубань и Черноморье находились в русле общих тенденций, при этом сохраняя свою «археологическую» специфику. На всем протяжении советского периода отмечался высокий научный уровень проводившихся в крае археологических изысканий, шел поиск и апробация мер по сохранению археологического наследия. С середины 1940-х гг., благодаря активному вовлечению в деятельность по сохранению недвижимого культурного наследия представителей научного сообщества, видовой спектр памятников истории и культуры на территории региона стал расширяться за счет включения в него памятников архитектуры, в том числе дореволюционной культовой. Благодаря научным инициативам в 1970–1980-х годах в целях сохранения уникальных археологических объектов в Краснодарском крае впервые был применен метод музеефикации – были созданы музеи-заповедники в Анапе («Горгиппия») и в Тамани («Гермонасса-Тмутаракань»). Советским государством регулировалось и общественное участие в вопросах сохранения наследия – для этих целей в 1965 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Краевое отделение общества (создано в 1966 году) в сотрудничестве с иными общественными организациями и музеями развернуло масштабную деятельность по пропаганде, выявлению и постановке на учет памятников истории и культуры, в результате которой на государственную охрану было поставлено несколько тысяч памятников истории, архитектуры и монументального искусства, предотвращены разрушения многих археологических объектов. К началу 1980-х годов в стране была сформирована единая система памятникоохранной деятельности, включившая государственные управленческие структуры, профильные научные и научно-проектные организации, широкое общественное движение под руководством ВООПиК.

Деятельность по сохранению недвижимого культурного наследия в постсоветский период развивалась в условиях, осложненных общественно-политическими и экономическими трансформациями в стране. В 1990-х – начале

2000-х годов в период работы уполномоченного государственного органа – Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края – был получен уникальный опыт системного взаимодействия всех сторон, составляющих структуру сбережения наследия – государственных, научных и общественных. Масштабность и результативность деятельности Комитета обеспечивалась высоким профессиональным уровнем его специалистов, относительной управленческой и финансовой самостоятельностью, тесным сотрудничеством со столичными и региональными научными и научно-проектными учреждениями, в целом с профессиональным сообществом, с краеведческими организациями, использованием специально созданной региональной сети общественных инспекторов, обладавших широким кругом полномочий, применением программных подходов в организации и осуществлении деятельности.

В дальнейшем, с усилением системы государственной охраны и использования недвижимого наследия, большинство разработанных Комитетом программ и инициатив были свернуты. Одновременно снизилась научная активность, всплеск которой пришелся на конец 1990-х – 2000-е годы. В обозначенный период активно разрабатывалась проблематика не только обеспечения физической сохранности объектов культурного наследия, но и поиска механизмов включения их в современные социокультурные и хозяйственные процессы. Наиболее эффективным для сохранения недвижимых объектов культурного наследия, имеющих значимые территориальные характеристики, был признан метод научной музеефикации, что получило подтверждение в единичных реализованных проектах музеефикации. В то же время получила развитие теория культурного ландшафта, ставшая основой для научно-исследовательских и проектных методов в отношении территорий историко-культурного значения – ансамблей, достопримечательных мест, исторических поселений. Именно культурно-ландшафтный принцип был положен в основу проектов предметов охраны и границ территории исторический поселений Северо-Западного Кавказа – последних масштабных работ в сфере сохранения недвижимого культурного

наследия в Краснодарского края, проведенных архитектурным центром «Югреставрация» совместно с Южным филиалом Института Наследия.

В целом, как показал опыт более чем двухвековой истории деятельности по сохранению недвижимых памятников истории и культуры на Северо-Западном Кавказе, достижение целей сохранения недвижимой части отечественного историко-культурного наследия, возможно при условиях системного, основанного на принципах научности, взаимодействия, государственных и общественных институтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники:

1. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска). – Оп. 1. – Д. 1156.
2. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 721. Пристав 1-го участка Темрюкского уездного полицейского управления. – Оп. 1. Д. 184.
3. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет. – Оп. 1. – Д. 19.
4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-365. Кубано-Черноморский областной отдел народного образования Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. – Оп. 1. – Д. 8.; Д. 174; Д. 277.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-687. Краснодарский краевой Совет народных депутатов. – Оп. 1. – Д. 1938.
6. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1496. Главное управление архитектуры и градостроительства Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. – Оп. 2. – Д. 1.
7. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1547. Коллекция документов по истории Кубани, собранная краеведом Мироновым Палладием Васильевичем (1874-1952). – Оп. 1. Д. 148.
8. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1748. Краснодарский краевой Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – Оп. 1. – Д. 1; Д. 41; Д. 47.
9. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Распоряжение исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 14.01.1975 № 25-р.
10. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.09.1980 № 643.

11. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. 1982. Часть I. С. 5.

12. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Справка о работе Краснодарской специализированной научно-реставрационной мастерской. 1985.

13. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого совета народных депутатов от 12 февраля 1992 г. № 105 «Об исполнении законодательства РСФСР по охране и использованию памятников культуры на территории Краснодарского края».

14. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Положение о специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (Приложение к решению Малого совета Краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 № 105).

15. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ Министерства культуры РФ от 25.03.1992 № 01-69/16-14 «Об инвентаризации историко-культурного наследия народов Российской Федерации».

16. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 238 «О создании совета специалистов и общественности по вопросам сохранения историко-культурных ценностей Краснодарского края».

17. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 236 «Об определении историко-культурных земель при отводах участков земли».

18. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 № 237 «О дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края».

19. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 13.01.1993 № 6 «О временных нормативах стоимости освоения новых земель взамен изымаемых сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и нормативах возмещения убытков по историко-культурным землям».

20. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1993 № 96 «Об утверждении положения о порядке производства археологических раскопок и разведок на территории Краснодарского края».

21. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 29.04.1993 № 150 «Об утверждении Временного положения об охране и использовании памятников истории и культуры в Краснодарском крае».

22. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 14.07.1993 № 238 «Об утверждении Временных методик на недвижимые памятники археологии Краснодарского края».

23. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение малого Совета Краснодарского краевого

Совета народных депутатов от 08.09.1993 «О передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий, памятников и иного имущества, охраняемого государством, как историко-культурное наследие».

24. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. 1993 г.

25. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Постановление главы администрации Краснодарского края от 14.03.1994 № 132 «О специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

26. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994-1995 гг. Полевой материал»;

27. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994-1995 гг. Материалы фотофиксации».

28. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие», 1997–2010 гг.

29. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29 апреля 1999 года № 26-п.

30. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Закон Краснодарского края от 17 августа 2000 г. «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного

значения, расположенных на территории Краснодарского края». Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. 25 декабря 2000 г.

31. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Проект зон охраны памятников станицы Тамань Краснодарского края. Научно-проектная документация. М.: Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И.Г., 2000.

32. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Историко-архитектурный опорный план города Краснодара. Научно-проектная документация в 6 т. Краснодар: ООО «Персональная творческая мастерская Головеровой И.И.», 2001.

33. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Проект зон охраны города Ейск. Научно проектная документация. В 3 т. М.: Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И.Г., 2002.

34. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Паромов Я.М. Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань: городище, курганный некрополь, грунтовые могильники. Паспорт памятника (рукопись). М., 2002. С. 10 (3).

35. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Паромов Я.М. Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань: городище, курганный некрополь, грунтовые могильники: Паспорт памятника (рукопись), 2002 г.

36. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Решение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 12 февраля 2002 года № 2-р.

37. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Закон Краснодарского края от 6 февраля 2003 г. № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края».

38. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Постановление главы администрации Краснодарского края от 06.05.2004 № 423 «О реорганизации департамента культуры Краснодарского края».

39. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Постановление главы администрации Краснодарского края от 12.05.2005 № 418 «Об утверждении проектов зон охраны памятников истории и культуры города Ейска и станицы Тамань».

40. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ министерства культуры Российской Федерации от 03.06.2014 № 966 «О внесении изменений в Положении о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденное приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954».

41. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Акт государственной историко-культурной экспертизы от 22 сентября 2011 года, составленный экспертом В.В. Бондарем

42. Архив Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия. Проект предмета охраны и границ территории достопримечательного места «Усть-Лабинская крепость». 1793 г. Краснодар, 2019.

43. Личный архив В. А. Гараниной. Гаранина В.А. Проблемы сохранения историко-культурного наследия на Кубани в XX в. Материалы к конференции «Гуманитарная мысль Юга России в XX в.» (Рукопись. Б/д.).

Опубликованные источники и литература:

44. Агбунов, М. В. Античная лоция Черного моря / М. В. Агбунов. – М.: Наука, 1987. – 153, [3] с.

45. Алексеева, Е. М. Античный город Горгиппия / Е. М. Алексеева. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 558, [1] с.
46. Анфимов, Н. В. Древнее золото Кубани / Н. В. Анфимов. – Краснодар, 1987. – 232 с.
47. Анфимов, Н. В., Анфимов, И. Н. Археологические памятники города Краснодара / Н. В. Анфимов, И. Н. Анфимов // Кубанский краевед. – Краснодар, 1992. – Вып. 3. – С. 19–60.
48. Ачкасова, А. Ф. Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) / А. Ф. Ачкасова // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – № 2. – 1997. – С. 13–17.
49. Ачкасова, А. Ф. Веление времени / А. Ф. Ачкасова // Наследие народов Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 33–39.
50. Блаватский, В. Д. Античная археология и история / В. Д. Блаватский. – М., 1985. – 279 с.
51. Бойчук, С. Г. Общественно-просветительская деятельность Е.Д. Фелицына / С. Н. Бойчук. – Краснодар: Традиция, 2010. – 176 с.
52. Бондарь В. В. Критерии определения ценности памятников архитектуры / В. В. Бондарь // Историко-культурное наследие и современность. Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20 - 24 июня 1995 г.). – Краснодар, 1995. – С. 101 – 103.
53. Бондарь, В. В. Социальный и экономический потенциал историко-культурного и природного наследия региона / В. В. Бондарь // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 2007. – С. 29–33.
54. Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики: монографический сб. / В. В. Бондарь. – Краснодар: Платонов И., – 2006. – 126 с.
55. Бондарь, В. В. Реконструкция и музеефикация Усть-Лабинской (Александровской) крепости. От проектирования к первым результатам /

В. В. Бондарь // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2007. – С. 194 – 197.

56. Бондарь, В. В., Маркова, О. Н., Устаева, Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: Исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007 – 2009 годов / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова, Э. Р. Устаева. – Краснодар: Платонов, 2011. – 160 с.

57. Бондарь, В. В., Маркова, О. Н. Краснодарский гиперboloид инженера Шухова: Очерк истории памятника инженерного искусства – водонапорной башни системы академика В.Г. Шухова в г. Краснодаре. / В.В. Бондарь, О.Н. Маркова. – Краснодар, 2014. – 152 с.

58. Бондарь, В. В., Маркова, О. Н. Музеи под открытым небом в познавательном туризме: проблемы подлинности экспозиции (на примере Тамани) / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сб. науч. ст. – Краснодар: Изд-во «Парабеллум», 2015. – С. 189 – 195.

59. Бондарь В. В. Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины - памятник архитектуры византийского стиля [Электронный ресурс] / В.В. Бондарь // Наследие веков. 2015. № 3. С. 131 - 136. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf (дата обращения 15.05.2020).

60. Бондарь, В. В. Опыт концепции нового историко-краеведческого музея в городе Усть-Лабинске / В. В. Бондарь // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII.: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Г. Краснодар, 18-20 октября 2016 г. – Краснодар: «Вика-Принт», 2016. – С. 30 – 35.

61. Бондарь, В. В., Маркова, О. Н. Памятник архитектуры регионального историзма «Здание магазина «Янтарь» в Геленджике: история обретения и утраты. – Текст: электронный / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова // Наследие веков. – 2016. – №

1. – С. 105–113. – URL: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Bondar_Markova.pdf (дата обращения 03.01.2017).

62. Бондарь, В. В. Опыт концепции нового историко-краеведческого музея в городе Усть-Лабинске // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Фелицынские чтения – XVIII.: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Г. Краснодар, 18-20 октября 2016 г. Краснодар: «Вика-Принт», 2016. С. 30–35.

63. Бондарь, В. В. Место гибели генерала Корнилова: опыт атрибуции и установления предмета охраны объекта культурного наследия / В.В. Бондарь // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. – М., 2016. – С. 145 – 150.

64. Бондарь, В. В. К проблеме генезиса городского культурного ландшафта: Ейский гостиный двор как историческое ядро города / В. В. Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. – 2017. – № 2. – С. 20–24.

65. Бондарь, В. В. Краснодарский Дом книги – памятник архитектуры структурализма в культурном ландшафте исторического города (к 40-летия со дня открытия). – Текст: электронный / В. В. Бондарь // Наследие веков. № 3. 2017 – С. 47–64. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Bondar.pdf (дата обращения 25.10.2020)

66. Бондарь, В. В. К характеристике культурного ландшафта Краснодара: эволюция планировочной структуры исторического центра города. – Текст: электронный / В. В. Бондарь // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 103 - 111. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bondar.pdf (дата обращения 25.10.2020)

67. Бондарь, В. В. Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе / В. В. Бондарь // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия,

история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – Вып. 3 (264) – С. 26 – 34.

68. Бондарь, В. В., Маркова, О. Н. К проблеме официального статуса исторических поселений и культурных ландшафтов / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова // Культурное наследие России. – 2020. – № 3. – С. 14–19.

69. Бондарь, В. В. Достопримечательное место «Сад-музей Древа Дружбы» в Сочи (по материалам проекта предмета охраны и границ территории) / В. В. Бондарь // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества / отв. ред. И. Г. Чайка, Ю. В. Ефремов, Л. А. Морева. – Краснодар: И. Платонов. – Вып. 10. – 2020. – С. 350–358.

70. Бондарь, В. В. К характеристике культурного ландшафта Туапсе: «Дом Яни» – образец «столичного» модерна / В. В. Бондарь // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 419 – 425.

71. Бондарь, В. В. Опыт характеристики культурного ландшафта исторического поселения: город Армавир. – Текст: электронный / В. В. Бондарь // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.). – Москва, Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. – С. 264–280.

72. Бондарь, В.В., Маркова, О.Н. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М.: Институт Наследия, 2020. — 334 с.

73. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том II (3). Араго – Аутка. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890. – 482 с.

74. Вигель, Ф. Ф. Записки о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском

университете / Повременное издание: январь – март. – М.: Университетская типография, 1864. – Кн. 1. – С. 461–549.

75. Власникова, М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Власникова М. А. – Санкт-Петербург, 2021. – 28 с.

76. Власникова, М. А. Формирование церковной системы по охране памятников православной культуры и искусства в современной России / М. А. Власникова // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств. – № 2 (24). – 2020. – С. 63–69.

77. Власова, Е. В. Поль Дюбрюкс и археологические раскопки в Керчи / Е. В. Власова // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции, декабрь 1999. – СПб: Б.и., 1999. – С. 35–41.

78. Воронов, А. А., Михайлов, М. Б. Боспор Киммерийский / А. А. Воронов, М. Б. Михайлов. – М.: Искусство, 1983. – 184 с.

79. Гаврилов М.В. Музеефикация дольменов северо-Западного Кавказа в контексте формирования законодательной базы сохранения культурного наследия России: Первая четверть XVIII - начало XXI вв.: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2005. – 23 с.

80. Галкова, О. В. Культурный ландшафт (методология и историография) / О. В. Галкова, И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, В. В. Глазунов. – Волгоград: Издательство ВолгГМУ, 2020. – 372 с.

81. Галкова, О.В., Савицкая, О.Н. Современные тенденции развития «ландшафтной теории» // О. В. Галкова, О. Н. Савицкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. – Т. 11. – № 3. – 2020. – С. 11. – URL: <https://sfbk-mn.ru/PDF/14KLSK320.pdf> (дата обращения 17.02.2021).

82. Гаранина, В. А. Кто остановит «черных археологов»? / В. А. Гаранина // Наследие народов Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 40–43.

83. Гёрц, К. К. Археологическая топография Таманского полуострова / К. К. Гёрц // Древности. Труды Московского Археологического общества. – М., 1870. – Т. II. – Вып. 3. – 128 с.
84. Гёрц, К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. Глава I / К. К. Гёрц // Древности. Труды Московского археологического общества. – М., 1875. – Т. 6. – Вып. 1. – 118 с.
85. Глумов, А. Н. Н. А. Львов / А. Н. Глумов. – М.: Искусство, 1980. – 208 с.
86. Голоток, Л. Хождение по мукам / Л. Голоток // Наследие народов Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 43–45.
87. Гончаров, А. В., Крюков, А. В. Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) / А. В. Гончаров, А. В. Крюков // Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 73–82. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005
88. Городецкий, Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе / Б. М. Городецкий // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правления, 1913. – Вып. VI. – С. 73–166.
89. Горончаровский, В. А. У истоков боспорской археологии: Поль Дюбрюкс (опыт биографии на фоне эпохи) / В. А. Горончаровский // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: коллективная монография. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – С. 7–23.
90. Гуманитарная мысль Юга России в XX веке: тезисы межрегиональной научной конференции. Ст-ца Тамань, 19-22 сентября 200 г. / науч. ред. В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев : Кубанский гос. ун-т; Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края; Краснодар. крив. о-во «Знание»; Администрация Темрюкского р-на. – Краснодар, 2000. – 188 с.
91. Дементьева, Ю. М. Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела России / Ю. М. Дементьева // Известия

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 71–83.

92. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. II. – СПб.: Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896. – 475 с.

93. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. IV. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1898. – 497 с.

94. Дмитриев, А. В., Малышев, А. А., Шишлов, А. В., Федоренко, Н. В. Исследования археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. / А. В. Дмитриев, А. А. Шишлов, А. В. Федоренко // Боспорский сборник. – 1994. – Вып. 4. – С. 141–146.

95. Донцова, А. А. Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса / А. А. Донцова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведения. – 2017. – № 27. – С. 99–117.

96. Донцова, А. А. Государственная охрана памятников культуры в Томске в 1920-е гг.: дис.... кандидата исторических наук: 24.00.03 / Донцова Анна Александровна. – Томск, 2017. – 163 с.

97. Дюбуа (де) Монпере, Ф. Путешествие вокруг Кавказа: У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Ф. Дюбуа (де) Монпере / Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пущиной. – Сухуми: Абгиз, 1937. – Т. 1. – 180 с.

98. Еремеева, А.Н. «Между прошлым и будущим». (Художественная жизнь Кубани в годы Революции и Гражданской войны. 1917–1920 гг.). СПб: Нестор, 1996. – 152 с.

99. Еремеева, А.Н. Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) / А.Н. Еремеева, А.В. Крюков // Вопросы культурологии. – 2015. – №7. – С. 6-11.

100. Еремеева, А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны / А.Н. Еремеева // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 171–183.

101. Еремеева, А. Н. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945 гг.) / А.Н. Еремеева, Т.В. Коваленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 1 (204). – С. 25–39.

102. Есипенко, Л. М. Директор Кубанского войскового музея И. Е. Гладкий - об охране памятников (по архивным материалам Краснодарского государственного музея заповедника) / Л.М. Еспенко // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. – С. 112–114.

103. Жуков, Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917-1920 гг. – М.: Наука, 1989. – 304 с.

104. Забелин, И. Е. В чем значатся основные задачи археологии, как самостоятельной науки? / И. Е. Забелин //Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1878. – Т. 1. – С. 1–17.

105. Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры: Принят Верховным Советом СССР 20 окт. 1976 г.: Постановление Верховного Совета о порядке введения в действие закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». – М.: Известия, 1976. – 24 с.

106. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: Принят на девятой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 15 декабря 1978 г. – М., 1979. – 22 с.

107. Захаров, В. А. Заметки о Тмутараканском камне / В. А. Захаров // От Тмутороканя до Тамани. IX—XIX вв.: Сборник Русского исторического общества. — № 4 (152). — М., 2002. — С. 154-178.

108. Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов, 1901–1918. – Вып. 1–65.

109. Историко-культурное наследие и современность. Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20 - 24 июня 1995 г.). Краснодар, 1995. – 320 с.
110. Ильина, И. Н. Общественные организации России в 1920-е гг. / И. Н. Ильина. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 215 с.
111. Каменев, Н. Л. Попытки археологических разведок в Кубанской области / Н. Л. Каменев // Кубанские войсковые ведомости. – 1870. – № 47–48.
112. Каменецкий, И. С. Из истории охраны памятников на Кубани / И. С. Каменецкий // Археологический бюллетень. – 1992. – № 4 (12). – С. 2–5.
113. Каменецкий, И. С. Начало археологического изучения Прикубанья / И. С. Каменецкий // Очерки истории отечественной археологии. – М.: Богородский печатник. 1998. – Вып. II. – С. 127–146.
114. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.
115. Кёппен, П. И. Древности северного берега Понта / П. И. Кёппен / пер. Средн-Камашева. – М.: Общество Истории и Древностей Российских, 1828. – 176 с.
116. Киндзерская, М. А. Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России: Начало XX в.-конец 1930-х гг.: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2005. – 28 с.
117. Кирей, Н. И., Лушняк, Г. И., Мошкович, Г. Г., Тихомиров, В. Р. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение / Н. И. Кирей, Г. И. Лушняк, Г. Г. Мошкович, В. Р. Тихомиров // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. – С. 132–150.
118. Кирей, Н. И. ОЛИКО – центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. / Н. И. Кирей // Голос минувшего. – 1997. – № 4. – С. 42–43.

119. Копия с циркулярного предписания Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. От 15 декабря 1867 года. № 4047 // Кубанские областные ведомости. – 1867. – № 50. – 23 декабря.

120. Краснокутская, Л. И., Краснокутский, В. С. Музейно-краеведческое строительство на Северном Кавказе в 20-е годы XX в. / Л. И. Краснокутская, В. С. Краснокутский // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6 (74). – С. 95–99.

121. Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции (станица Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.) / Науч. ред.: В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. – Краснодар, 1996. – 304 с.

122. Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 26–32.

123. Кузнецов В.А. «Родной брат ОЛИКО» (О Совете Обследования и Изучения Кубанского края Кубано-Черноморского Краевого Научно-Исследовательского Института) / В.А. Кузнецов // Голос минувшего. 1997. № 1 (3). С. 34–42.

124. Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. – М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.

125. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа): монография. – Текст: электронный / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М.: Институт Наследия, 2020. — 334 с. — DOI 10.34685/NI.2019.61.20.014 (дата обращения 10.02.2021).

126. Лимебрис, Н. Ю., Марченко, И. И., Ткачев, А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) / Н. Ю. Лимебрис, И. И. Марченко, А. Н. Ткачев // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – Т. 2. – С. 3–21.

127. Личак, Н. А. Сохранение памятников искусства и старины 1920–1930-х годов: концептуальный подход / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях (Иваново, 05–06 апреля 2017 года). – Иваново: Издательство Ивановского гос. ун-та, 2017. – С. 85–89.

128. Лопатина Е.Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 – середине 1930-х годов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. №4. С. 24-28.

129. Майофис, М. Л. Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII – начала XIX века / М. Л. Майофис // Философский век: альманах. – СПб., 1999. – Вып. 10. – С. 132–139.

130. Маркова, О. Н. К истории Екатерининской церкви в Краснодар / О. Н. Маркова // Кубанский сборник. – Краснодар: Книга, 2012. – Том IV (25). – С. 341–351.

131. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – 328 с. Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. – М.: НИИ культуры, 1987. – 224 с.

132. Медынцева А. А. Тмутараканский камень / А. –А. Медынцева. — М.: Наука, 1979. — 56 с.

133. Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. – М.: НИИ культуры, 1987. – 224 с.

134. Мусин-Пушкин, А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения / А. И. Мусин-Пушкин. – СПб., 1794. – [7], IV, 64, 3, LXXIV сю

135. Наumenко, В. Е. Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века). – Текст: электронный / В. Е. Наumenко // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 44–60. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf (дата обращения 21.12.2017).

136. Новиков, П. В. Колонны «храма Ахилла» / П. В. Новиков // Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. – Краснодар, 2014. – Вып. IV. – С. 153–167.

137. О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. – Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. – 22 с.

138. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. – 394 с.

139. Основы государственной культурной политики, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002>. (дата обращения 21.12.2020).

140. Охрана культурного наследия в Российской империи: учеб. пособие / А. В. Шаманаев, С. Ю. Зырянова; [науч. ред. А. С. Мохов]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 132 с.

141. Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М.: «Советская Россия», 1973. – 192 с.

142. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / П. С. Паллас / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999 – 246 с.

143. Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / П. С. Паллас / прим. Г. Э. Караулова // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1883. – Т. 13. – С. 35–107.

144. Паромов, Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове (конец XVIII - начало XX вв.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. – Керчь, 2019. – № 39. – С. 343–377.

145. Паромов, Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове (1918–1991 гг.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. – Керчь, 2020. – Вып. XL. – С. 239–305.

146. Паромов, Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове (1992–2012 гг.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. – Керчь, 2020. – Вып. XLI. – С. 231–334.

147. Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Тезисы докладов. (Краснодар, 05-07 марта 1989 г.). – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. – 150 с.

148. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830. Т. 1: С 12 декабря 1825 по 1827: от № 1 до 799. – 1525 с.

149. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1838. – Т. 12: 1837, отделение 1: от № 9825–10631. – 822 с.

150. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1861. – Т. 34: Отделение 1-е: 1859. От № 34005–34845. – 842 с.

151. Поночевный, М. О. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник / Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар, 1891. – Т. 2. – С. 1–60 (62).

152. Приказ администрации Краснодарского края от 27.08.2019 № 160-кн «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Армавир Краснодарского края» // Администрация Краснодарского края [Сайт]. – URL: <https://admkrasnodar.ru/upload/iblock/19e/19e9acebfa2cefe8c83899a5f776e677.pdf> (дата обращения: 39.08.2019).

153. Приказ администрации Краснодарского края от 01.03.2019 № 26-кн «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к

градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Краснодар Краснодарского края» // Администрация Краснодарского края [Сайт]. – URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/fa2/fa202e00ee18cdab7b6423e22cbabf24.pdf> (дата обращения 01.03.2019).

154. Приказ администрации Краснодарского края от 18.05.2020 № 150-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Ейск Краснодарского края» // Администрация Краснодарского края [Сайт]. – URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/show/534810/> (дата обращения 20.05.2020).

155. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й // Кубанские областные ведомости. 1865. № 21. 29 мая.

156. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й // Кубанские областные ведомости. 1865. № 21. 29 мая.

157. Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. (Анапа, 05-10 октября 2009 г.). – Краснодар: Изд. Куб. гос. ун-та, 2009. – 475 с.

158. Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII-начале XX века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва, 1999. – 33 с.

159. Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) / Д. А. Равикович // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. – М., 1970. – Вып. 22. – С. 3–127.

160. Разгон, А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861— 1917) / А. М. Разгон // История музейного дела в СССР: Тр. НИИ музееведения. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 7 – 128.

161. Разгон, А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX вв.) / А. М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР. — 1971. — Вып. 7. — С. 292–365.
162. Распоряжение войскового начальства».Кубанские областные ведомости // Кубанские областные веомости. 1867. № 22. 10 июня.
163. Ратушняк, Т. В. Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII — первой трети XX вв. / Т. В. Ратушняк // Голос минувшего. — 2007. — № 3–4. — С. 83–94.
164. Ратушняк, Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности / Т. В. Ратушняк // Кубанский сборник. —Краснодар: Книга, 2012. — Т. 4 (25). — С. 32–56.
165. Ратушняк, Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): К 120-летию первого краеведческого общества на Кубани / Т. В. Ратушняк // Голос минувшего. — 2017. — № 1–2. — С. 151–162.
166. Рысин, Ю. В., Бондарь, В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия. Текст: электронный / Ю. В. Рысин, В. В. Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. — 2016. — №3 — С. 99–105. URL: http://www.raasn.ru/public/academia_2016_3.pdf (дата обращения 25.11.2018).
167. Савенко, С. Н. Археологические исследования Северного Кавказа: местные учреждения и персоналии в ранний советский период / С. Н. Савенко // Очерки истории отечественной археологии. — М.: ИА РАН, 2019. — Вып. V. — С. 305–335.
168. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [Сайт]. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения 06.11.2021).

169. Свиньин, П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. – 1826. – Ч. 25. – Кн. 71. – С. 438–467.

170. Серых, Д. В. Всероссийские археологические съезда как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. / Д. В. Серых. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.

171. Сизов, В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии / В. Сизов // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1889. – Вып. II. – С. 1–182.

172. Сорокина, И. А. Раскопки курганов на Юге России и становление полевой методики (середина XIX – начало XX вв.) / И. А. Сорокина // Научные ведомости: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 7 (78). – Вып. 14. – С. 130–136.

173. Сорокина, И. А. Полевая археология в России в 1918 – начале 1930-х годов: организация, динамика, тенденции / И. А. Сорокина // Очерки истории отечественной археологии. – М.: ИА РАН, 2019. – Вып. V. – С. 336–350.

174. Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. Материалы региональной научно-практической конференции, г. Майкоп, 28 – 31 мая 2007 г. – Краснодар, 2007. – 180 с.

175. Стевен, А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии / А. Х. Стевен // Известия Таврической ученой комиссии. – Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1891. – № 13. – С. 33–54.

176. Степковский, И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. – СПб., 1827. – Часть 29. – Кн. 81. – С. 40–72.

177. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. С. 8. (дата обращения 10.12.2020).

178. Сысоев, В. М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году / В. М. Сысоев // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1904. – Вып. IX. – С. 89–143.

179. Сысоев, В. М. Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии / В. М. Сысоев // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898. – Т. IV. – С. 1–14.

180. Сысоев, В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его / В. М. Сысоев // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1899. – Вып. 1. – С. 1–6.

181. Сысоев, В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын / В. М. Сысоев // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1904. – Вып. IX. – С. I–VII.

182. Татаринцева, Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 590–598.

183. Тихонов, И. Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. – 2009. – № 4. – С. 5–17.

184. Ткачев, А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.): Биобиблиографический словарь-справочник / А. Н. Ткачев. – Краснодар, 2016. – 346 с.

185. Толочко А. П. Тмутороканский болван / А. П. Толочко // Ruthenica. — Киев, 2008. — Т. 7. — С. 193–201.

186. Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции (Краснодар, Анапа, 01-03 июля 2001 г.). – Краснодар, 2001 – 234 с.

187. Труды Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти Резолюции и общие сведения о съезде (15-23 окт. 1922 г.). – Краснодар: Ликвидац. ком. по делам Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти, 1922.

188. Тугай, Т. И. Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. / Т. И. Тугай // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 12–34.

189. Тункина, И. В. А. С. Уваров и древности Юга России (конец 1840 – начало 1850-х гг.) / И. В. Тункина // Охраняется государством: четвертая российская научно-практическая конференция. – СПб., 1996. – Часть I. – С. 163–181.

190. Тункина, И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. — 676 с.

191. Тункина, И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. / И. В. Тункина // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. – Одесса: Изд. дом «Паллада», 2008. – Вып. 2. – С. 60–63.

192. Тункина, И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера / И. В. Тункина // Вестник древней истории. – 2013. – № 1 (284). – С. 197–214.

193. Тункина, И. В. История изучения [античного наследия Кубани] / И. В. Тункина // Античное наследие Кубани. – М.: Наука, 2010. – Т. 1 – С. 10–128.

194. Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкессии / Тэбу де Мариньи. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – Вып. 8. – Т. 1. – С. 17–83.

195. Тюкина, Л. А., Личак, Н. А. Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры в первые послереволюционные годы / Л. А. Тюкина, Н. А. Личак // Карабихские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире: материалы научно-практической конференции (Ярославль, 05–06 июля 2018 года). – Ярославль: Издательство: ООО «Академия 76», 2018. – С. 115–121.

196. Уваров, А. С. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа // А. С. Уваров // Труды третьего археологического

съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Киев: Тип. Импер. ун-та св. Владимира, 1878. – Т. 1. – С. 19–38.

197. Уварова, П. С. От редакции // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1888. – Вып. I. – С. I – IV.

198. Уварова, П. С. Могильники Северного Кавказа / П. С. Уварова // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. – М., 1900. – Вып. XVIII. – 381 с.

199. Уварова, П. С. Кавказ: Путевые заметки графини Уваровой: Ч. [1]–3. / П. С. Уварова. – М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1887–1904.

200. Устав Одесского общества истории и древностей: [утвержден 25 марта 1839 года]. – Одесса: Гор. тип., 1839. – 17 с.

201. Устав ОЛИКО // Известия ОЛИКО. – Екатеринбург, 1899. – С. 163–166.

202. Фелицын, Е. Д. Западно-Кавказские дольмены / Е. Д. Фелицын // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1904. Вып. IX. – С. 1–86.

203. Формозов, А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья / А. А. Формозов. – М.: Наука, 1985. – 160 с.

204. Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

205. Формозов, А. А. Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. – М.: Советская Россия, 1990. – 108 [2] с.

206. Хотина, Ю. В. Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII-начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 27 с.

207. Чернявский, А. С. Управление сохранением и развитием объектов недвижимости культурного наследия: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Чернявский Алексей Сергеевич; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. – Москва, 2011. – 18 с.

208. Четвертая Кубанская археологическая конференция. Сб. тезисов конференции. (Геленджик, 05-08 октября 2005 г.). – Краснодар, , 2005. – 340 с.

209. Шадже, А. М. Охрана памятников истории и культуры на Северном Кавказе: первая половина 20-х гг. XX в.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Майкоп, 1992. – 173 с.

210. Шалюгин, М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2005. – 207 с.

211. Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. Краснодар : Экоинвест, 2013. – 497 с

212. Шматько, О. Н. Становление российской системы охраны историко-культурного наследия в XIX - первой трети XX вв.: на материалах памятников Северного Кавказа: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Ставрополь, 2011. – 26 с.

213. Шулепова, Э. А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.02, 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. - Москва, 1998. - 42 с.

214. Щенков, А. С. Реставрация и охрана памятников архитектуры в деятельности Императорской Археологической комиссии / А. С. Щенков // Российская археология. – 2009. – № 4. – С. 5–17.

215. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб: Брокгауз-Ефрон, 1890. – Том II (3). – 495 с.

216. Clarke E.D. Travels in Various Cauntries of Europe, Asia and Africa. Part the First: Russia, Tartary, and Turkey – Philadelphia, 1811. – 612 с.

217. Guthrie, M. A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the North shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy : the whole illustrated by a map of the tour along the Euxine coast, from the Dniester to the Cuban; with engravings of a Great number of ancient coins, medals, monuments, inscriptions, and other curious objects / by Mrs. Maria

Guthrie ; described in a series of letters to her husband, the editor Matthew Guthrie. -
London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1802. – 446 c.